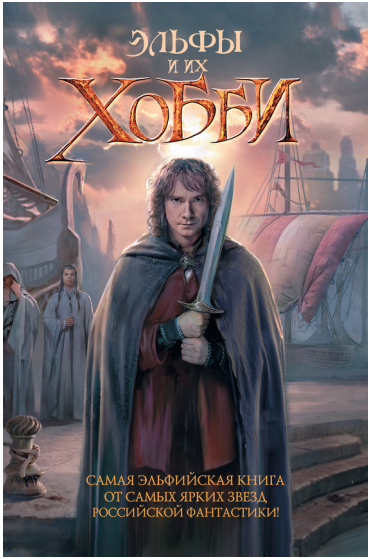

**Андрей Уланов
Генри Лайон Олди
Юлия Зонис
Виктор Ночкин
Элеонора Генриховна Раткевич
Алексей Верт
Андрей Дмитриевич Балабуха
Тим Скоренко
Святослав Логинов
Мария Галина
Александр Шакилов
Сергей Легеза
Александр Сивинских
Ина Голдин
Ольга Онойко
Шимун Врочек
Наталья Васильевна Щерба
Олег Игоревич Дивов
Вячеслав Штурм
Владимир Николаевич Васильев
Максим Дубровин
Юрий Погуляй
Владимир Борисович Данихнов
Анна Игнатенко
Никита Аверин
Эльфы и их хобби (сборник)**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4931714

Эльфы и их хобби: [Фант. повести, рассказы] / сост. Никита Аверин, Шимун Врочек: АСТ; Москва;

2013

ISBN 978-5-17-077270-4

Аннотация

Эльфы... альвы... сиды... фэйри... волшебный народ... дети судьбы. Кто они такие? Бессмертные, но кровь не пьют (даже в сумерках). Изысканные, но в лакированных гробах не спят. Любят музыку, но плохо переносят оперный вокал и тишину кладбища. А еще эльфы редко пахнут сырой землей. А если и ездят отдыхать за границу, то только морем, через Серые Гавани, и только на Запад. Такое уж у них хобби...

Двадцать шесть историй о бессмертных существах, которые, к тому же, не зомби и не вампиры! Эти истории заставят вас плакать от смеха и смеяться от ужаса. Лучшие мастера рассказа Генри Лайон Олди, Святослав Логинов, Олег Дивов, Мария Галина, Владимир

Васильев. Молодые звезды Наталья Щерба, Ольга Онойко, Тим Скоренко, Юлия Зонис, Александр Шакилов. И многие другие – в самой эльфийской книге российской фантастики!

Кстати, самое главное...

Как вы считаете, что думают честные хоббиты обо всех этих возмутительных эльфах? И думают ли вообще?

Пожалуй, самое время раскурить трубочку и послушать...

Содержание

I. Маяк на краю света	6
Андрей Балабуха. Маяк на краю света	6
Мария Галина. Ганка и ее эльф	10
Виктор Ночкин. Ночью все эльфы серы	35
Юрий Погуляй. Тамаса	43
Юлия Зонис. Говорящий с ветром	52
Шимун Врочек. Эльфы на танках	63
Ина Голдин. Последняя игра в бисер	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Эльфы и их хобби (сборник)

ПОСЛЕ

ТО ДКИНА

I. Маяк на краю света

Андрей Балабуха. Маяк на краю света

*Quo, quo, scelesti, ruitis?..
Quintus Horatius Flaccus, Epod VII*

Работать по утрам не любит никто – а уж хоббиты меньше всех. Утречком порядочному хоббиту надо: во-первых, выспаться, а для этого встать надлежит поближе к полудню; во-вторых, позавтракать, а на это серьезное занятие отводить меньше двух часов грешно; в-третьих, вдумчиво перекурить, что означает минимум три трубки. За этим последним занятием, правда, можно заодно обдумать дела, которыми предстоит посвятить день. Так то порядочным! А здесь собрались те, кому на приличную нору где-нибудь в Засельи, скажем, да чтобы с каким-никаким участком, еще вкалывать и вкалывать. А вкалывать приходится и по ночам, и по утрам. Какая уж тут порядочность – один распорядок!

Последний подъем – он самый трудный. Потому как раз что он последний – кураж весь вытек, ноги налились, и только знай себе считаешь шаги, а их аккурат девятьсот восемьдесят: за столько-то лет назубок выучил. Ведешь в поводу пони, смотришь под ноги и высчитываешь, сколько еще впереди. Ну, все, последняя дюжина. Уф!

Взойдя наконец на складскую площадку, Барнабас Стукк разгрузил пони, – бедная скотинка тоже изнемогла, – взвалил кули с углем на самую вершину кучи, в третий ряд, и вышел отдышаться на смотровую галерею. Вид с нее, впрочем, открывался безрадостный – куда ни кинь взгляд, одна вода, вода, вода, волны, волны, волны... Оно, конечно, если через парапет перегнуться и посмотреть прямо вниз, берег увидеть можно. Только смотреть в эту пропасть не хочется: мало того, что стоит тучерез на высоченной скале, так и сам он возносится без малого еще на полсотни туазов. Барнабас обвел взглядом горизонт. Даже единого паруса не видно. Так ведь днем они и появляются редко, все больше по вечерам да по ночам... Хоббит смачно плюнул в море, повернулся и по пологому пандусу, спиралью выходящему вдоль стен башни, повел своего пони вниз, к выходу из маяка, к земле и сочной травке.

Там уже поджидали остальные. Пони, враз забыв про усталость, резво потрусил на луг, к своим приятелям, а Барнабас тяжело зашагал к уже накрытому то ли для позднего завтрака, то ли для раннего обеда – называй как хочешь – столу, откуда призывно махал верный помощник Перигрин Пикль.

– Шире шаг, Барни, шире шаг! Стынет!

Любит Перри паниковать да поторапливать! Ничего не остыло, так что подзаправились по-хоббичьи основательно, но с разумением, чтобы не затяжелеть – работы впереди еще вдосталь: и стекла помыть – за ночь успевают порядком закоптиться; и первую порцию угля на решетку горелки выложить; и... и... Хозяйство-то непростое и немалое – всем четверым по уши дел хватит. Так и не привыкать же – не первый год, чай, службу несут...

И, конечно, управились вовремя.

Теперь и расслабиться можно.

– Ну что, старшой, забьем козла? – потирая в предвкушении руки, предложил Перри.

Не подумайте ничего плохого: хоббиты – народ гуманный, хотя до самой идеи гуманизма пока еще в своем развитии не дошли. И к животным относятся по-доброму, пусть даже до принятия закона об их охране или составления Красных книг не додумались. А уж чтобы какие-нибудь там жертвоприношения – так и вовсе ни-ни! При одной мысли о подобном дрожь пробегает. Конечно, от жареной козлятинки на ужин не откажутся. Но, во-первых,

для доброго жаркого только молоденький козленок годится, причем лучше – козочка, и уж всяко никак не козел. Во-вторых – не самим же забивать? Это занятие другим передоверять принято – корчмарям, скажем, предпочтительно из верзил. Так что господин Пикль имел в виду всего лишь давным-давно занесенную из дальних краев игру, первоначально называвшуюся «орочьими костями». Откуда пошло такое название, не знает никто. То ли впрямь в былые времена выдумали ее орки, то ли сама игра по общему мнению подходила исключительно для могучего орочьего интеллекта – трудно сказать. Козел же здесь появился по недоразумению, ибо стол для «орочьих костей» традиционно раскладывали на козлах. Но давно известно: ничто так легко и надолго не приживается, как случайное и неправильное словоупотребление.

– Почему бы и нет? – отозвался Барнабас. – Играют все?

А как же иначе?

Патлатый Самюэль Сонкинс, в быту откликающийся на невесть откуда взявшееся и опять же потому добротнo приклеившееся имя Самсон, мигом притащил козлы, а последний из четверки, Пит Брендивиск, – столешницу, сколоченную из плотно согнанных досок и отполированную многолетним употреблением. Стол расставили в тени тучереза – солнце в этот час еще поджаривало на совесть. Оно конечно, тень уползает будет, но на два-три кона хватит, а там и передвинуться можно. Разлили по кружкам сладкий октябрьский эль – под него игра идет особенно хорошо. Перри торжественно высыпал из кожаного мешочка кости и тщательно перемешал, приговаривая:

– Ты варись погуще, каша, чтоб удача стала наша!

– Это чья же? – насторожился Пит. – Играть-то ведь каждый за себя будем!

Хоббиты, надо заметить, командных игр не любят, даже двое на двое, предпочитая во всем основательную самодостаточность. То есть исключения, конечно, встречаются, но не то чтобы часто.

– А общая, – охотно пояснил Перри. – Чья бы ни была, твоя, моя, а все наша, хоббичья. А уж между собой всяко да разберемся.

– Уговорил, – кивнул Пит.

Диалог этот предшествовал игре всякий раз, однако никогда не надоедал.

Но разобрали кости в торжественном молчании. И дело пошло. Первое время слышались только звучные глотки да стук костей по дереву. Но мало-помалу под игру зашел разговор. Как всегда, необязательный, ничего не значащий, а потому особенно милый сердцу.

– Ты сегодня на галерею выходил, Барри? – полюбопытствовал Самсон.

Барнабас кивнул, сосредоточенно рассматривая кости. Если двойка на столе уцелеет, то длинный конец – его.

– И что там?

– А ничего.

Только бы Пит не забил вожаделенную двойку!

– Ни одного паруса? – настаивал Самсон.

– Я же сказал!

А, дракон тебя жги, накрылась-таки двоечка!

– Так я не про те, что из Серой Гавани, – не отставал Самсон. – Те, всякий знает, только к ночи появляются. Зато уж потом прут – только огни считай. Я про те, что на восток идут. Ну, гондорские там или еще какие...

– Не сезон, – веско бросил Пит, дуплясь на оба конца – везет же ему! – Ветры не те. Вот погоди, к осени так целыми караванами потянутся.

Помолчали, воздавая должное элю. Перри долго разглядывал лежащие на ладони костяшки, наконец решился, выбрал:

– Все, забой! Считайте, у кого сколько!

Подсчитали, записали, снова смешали кости. Следующий кон провели в безмолвии, только кости резко погрохатывали о доски. И опять выиграл господин Пикль. Самсон вновь наполнил кружки. Пит вытащил кисет, и все последовали его примеру, на время позабыв об игре, – курение требует самоотдачи и сосредоточенности, разве что на приятную беседу отвлечься можно. А за этим дело не стало.

– И все-таки не пойму я, – вернулся к бесконечным своим вопросам Самсон. – Вот сами посудите. Тучерез наш верзилы строили...

– Дунаданы, – уточнил Пит. – Так это же когда было!

Но Самсон не дал себя сбить:

– А без разницы – работа, она всегда в цене, да еще такая. Сколько в такую башнюгу денежек вбухано?

– Изрядно, – степенно согласился Барнабас. – Только ты все дворцы да крепости по Средьземелью посчитай. Каждый не дешевле. И за все кто-то кому-то платил.

– Не путай, старшой, – гнул свое Самсон. – Дворец – он чтобы себя показать, власть там да величие. За то и плачено. Крепость – чтобы в покое жить. А тут? Вот хрустали эти жукоглазые наверху – гномья работа. Кто-кто, а уж эти не продешевят! Да и уголь они каждый месяц обозами пригоняют. Даром что ли? Нам вот тоже платят – и прилично. А чего все это ради, если кораблей не видать? Эльфийские – те только уходят и уходят. Гнома на воду веревкой не затащишь, почти как нашего брата. Корабли верзил ходят, да редко. Так ведь за веки вечные все это не окупится! Ну растолкуйте мне, в чем я неправ?

Барнабас задумался. В чем-то ведь парень прав. Не во всем, может, но зерно, похоже, есть. Сам он на эту тему особо не размышлял: раз маяки зажигаются, значит, это кому-нибудь нужно. А раз так – кому-то нужно их обихаживать. Так почему не им?

Неожиданно его невысказанную точку зрения поддержал вслух Перри:

– Есть такая штука, Самсон, миропорядок называется. Всегда был мыс Край Света. И маяк на нем от веку стоит. Посмотри, сколько тех же дворцов с крепостями в запустении пребывает, в заброшенности находится, в руинах лежит. А тут все – чин-чинарем. Выходит, поважнее маяк иного прочего. И не нам этот миропорядок не то что менять – обсуждать даже. Потому как от обсуждений все равно ничего не изменится, – и сменил тему: – Ну что, продолжим?

Продолжили.

Первую партию в конце четвертого кона выиграл-таки Перри. Ладно, записали счет, раскинули вторую – только стол малость передвинули, следуя за тенью.

– А кстати, – заметил вдруг ни с того ни с сего Пит, – с чего это мыс Краем Света называется? По мне, так уж правильнее – Край Тьмы. Как мы там, наверху, шуровать уголек начинаем – всякой тьме полный конец! Не зря же говорят, что наш огонь не за одну дюжину лиг видно.

– Умница! – расхохотался Барнабас. – Вот и выпьем за переименование, – он поднял кружку. – Как инспектор в следующий раз наведается, предложим!

– Как же, – Самсон был преисполнен скептицизма, – переименуют тебе, держи карман шире. Знаешь, во что обойдется на всех портуланах, периплах да картах название поменять?

Такое соображение Барнабасу в голову не приходило. До чего же любит Самсон деньги считать – хоть свои, хоть чужие. Драконьей в нем крови толика, что ли?

– Ну тогда сами здесь доску сделаем, – отмахнулся он. – Что нам до карт? Много ты ими пользуешься?

Аргумент был убийственным.

Вторую партию выиграл Самсон – деньги уверенно шли к деньгам. Барнабас прикинул: в сумме он оказался должен не меньше семи монет – без малого дневной заработок. Вот невезуха! Ну ничего, авось в третьей партии отыграться повезет. Хотя бы частично.

Пит нацедил из бочки второй кувшин эля – снова перекурили, потягивая сладковатую горечь цвета осенней ночи, накрытой шапкой тающего желтоватого весеннего снега. Повспоминали девочек, временами наезжавших на маяк, чтобы день-другой скрашивать жизнь четверем одиноким хоббитам. Порассуждали о видах на урожай курительного зелья. Обсудили достоинства и недостатки участка, который уже почти присмотрел себе в Малом Прилесье господин Пикль. Словом, хорошо потолковали и снова раскинули «орочьи кости».

В начале третьего кона неумный Самсон вылез с очередным вопросом:

– Ну вот плывут они, эльфы, из своей Серой Гавани, плывут... Еще при дедах наших начали, если не при прадедах. А зачем плывут? Куда плывут?

– На запад, – отмахнулся Перри, тщательно изучая дугою выстроенный перед собой забор из костяшек.

– Это всякий знает. А куда на запад?

– К себе. Откуда пришли.

– У всего на свете много имен, – вмешался Барнабас. На сей раз ему пока везло, так что он непрочь был поболтать. – Вот ты говоришь, Серая Гавань. Но ведь ее называют также Скари. А еще – Митлондом. И других названий полдюжины есть.

– А какая связь?

– Простая. Даже эльфы – и те зовут свой западный остров по-разному. Одни – Валинором, другие – Ардой Истинной или Ардой Незапятнанной, которой не касалось Зло. Длинно, зато красиво. Думаю, и третьи есть. И четвертые. Точно не знаю. А вот гномы называют ту землю Брандановым островом. Южные народы говорят про остров Дильмун. Северяне из Аххиявы – про Острова Блаженных, Элизий с Огигией... Альбионцы уверяют, будто там, на западе, лежит остров Авалон. Вилусцы чернобородые заморскую эту землю Антилией именуют. А иные – Бразилом... Сколько народов, словом, столько имен. Даже больше. Вот и рассуди теперь, как на твой вопрос ответить.

– И откуда только ты всей этой премудрости набрался? – с тайным злоехидством в голосе полубопытствовал Перри, не отрывая, впрочем, взгляда от костей.

– А я вообще умный! – гордо парировал Барнабас.

Самсон задумчиво почесал за ухом и сделал добрый глоток, дабы получше упорядочить мысли.

– А еще кто-то, – вмешался Пит, – называет ту землю Атлантидой.

– Атлантида, – задумчиво повторил Самсон. – Это название я уже когда-то слышал. Тоже красивое. Ладно, пусть будет Атлантида. Хоть знаю теперь, куда они плывут... И пусть их вовек не терзают ферры. Пусть им всем там хорошо живется.

– А нам тут – без них, – хохотнул Пит.

– Эй, постой-ка, – заинтересовался Барнабас. – Что еще за ферры такие?

Самсон развел руками:

– Не знаю... Само как-то вырвалось, если вы понимаете, о чем это я. Слышал где-то, наверное. «Ферры – демоны Атлантиды». Может, в песне какой?..

Перри извлек из своего забора костяшку и грохнул по столу:

– Кончайте болтать и считайте очки! Забой!

Мария Галина. Ганка и ее эльф

Татьяне Кохановской, высказавшей идею, которая и легла в основу этого рассказа...

Звались горы по-страшному – Горганы...

Зеленокутские, вроде бы, когда-то и пришли из-за этих самых Горган, потому и слыли до сих пор чужаками. Совершенно непонятно, однако, как они ухитрились это сделать.

Потому что в горах жили тролли.

Огромные и свирепые, сплошь покрытые рыжей шерстью; кряжистые, точно камни, они и сами были способны закидать путников камнями или устроить обвал.

И еще тролли были людоедами. Расщепленные человечески кости валялись в горных расщелинах вперемешку с костями горных баранов...

Лес между Зеленым Кутом и горами был как бы защитной прослойкой – здесь водились свои собственные странные создания, с которыми, однако, если правильно себя вести, поладить было можно: у зеленокутцев вошло в обычай оставлять на ночь плошки с молоком у своих крылечек, просто так, на всякий случай, чтобы пиво не скисало, – и верно, зеленокутское пиво считалось самым лучшим в округе, потому что помимо хмеля и ячменя добавляли туда лесные травы, отдающие тонкой горечью и медом.

Отец Маркиан, уродившийся неизвестно в кого рыжим, человек здоровенный, красномордый, веснушчатый и вспыльчивый, время от времени топтал сапогами плошки с молоком, которые зеленокутцы заботливо выставляли с вечера. Увидев утром разбитую плошку и широкую спину яростно удаляющегося отца Маркиана, очередной зеленокутец лишь сокрушенно качал головой и потихоньку выставлял новую плошку. Надо сказать, сапоги отца Маркиана, те самые, которыми он втоптывал в землю толстенные черепки, были приобретены на ярмарке от щедрот леса, и тачал их – опять же от щедрот леса – самый лучший тамошний сапожник. Но об этом жители Зеленого Кута, зная нрав отца Маркиана, предпочитали ему не напоминать. Все помнили, как он чуть было не проклял Федору-травницу, когда дюжину зим назад, а то и больше (кто эти зимы считает?), она подобрала эльфенка.

Федора-травница жила на отшибе, как и полагается знающей женщине, ее хатка примыкала вплотную к оврагу, за которым и начинался зеленокутский лес, так что Федора бродила ночами по опушке, собирая целебные травы (есть травы, которые нужно собирать в новолуние, а есть – которые в полнолуние, говорила она). С нечистью она ладила и ночного леса не боялась: запозднившиеся зеленокутские мужья, расходящиеся по домам из крохотной корчмы «Под дубом», порой видели скользящую в высокой, по пояс траве темную согбенную тень на дальнем склоне оврага. Во время одной из таких вылазок она и натолкнулась на эльфенка, дрожащего от холода в травяном гнезде (трава была свита в жгуты, так что светловолосая голова эльфенка торчала из него, точно кукушкино яйцо). Эльфенок плакал – тихонько, точно котенок мяукал, и сердце одинокой Федоры не выдержало. Она закутала эльфенка в платок и притащила в свою хижину: обогревшись, он стал лепетать что-то по-своему, молоко от федориной козы пил с удовольствием, животиком почти не маялся, и все было бы хорошо, если бы весть о найденныше не дошла до отца Маркиана. Некрещеной нечисти в его приходе нет и не будет, заявил он, но Федора ни с того ни с сего крестить эльфенка наотрез отказалась – видать, испугалась, что он обернется дымом и вылетит в трубу, сплетничали бабы.

Обе стороны уперлись, и отец Маркиан пригрозил старухе проклятием и отлучением, ежели в недельный срок она не одумается, но Федора не одумалась, а просто собралась в одночасье и пропала вместе с эльфенком и козой. Зеленокутцы остались без своей травницы,

что было очень нехорошо, и отец Маркиан целых два или три дня чувствовал себя даже несколько виноватым и не топтал блюдечки с молоком, отчего оставленное молоко – если его не успевала ночью вылакать нечисть, скисало, оставляя на стенках плошек жирные желтые кольца...

Эта история так бы и осталась без продолжения (разве что, оставшись без целебных отваров Федоры-травницы, зимой померла от грудной жабы старая Марьяна), если бы не Ганка, которая и родилась-то после того, как Федора и ее эльфенок затерялись под кронами зеленокутского леса.

* * *

Отец Ганки был углежогом, и дед Ганки по отцовской линии был углежогом, и дед по материнской линии был углежогом, и два старших брата ее были углежогами, так что женщинам этого семейства на роду было написано готовить еду впрок, да побольше, – с лета и до самой зимы углежог, считай, живут у своих клетей на лесных вырубках...

При таком образе жизни с лесом надо быть в ладу – и в семействе Ганки ни разу не было случая, чтобы углежог обидел кого-то из лесных жителей; или что углежога кто-то обидел; про щекотунчиков или потерчат, заманивающих путников в топь блуждающими огнями, углежог знали только понаслышке. Ходила, впрочем, история о том, что бабка Ганкина, в былые дни отличавшаяся нравом горячим, застав однажды вилию в землянке своего благоверного, гнала ту вилию поленом до самого болота, а та даже оборотиться ни во что приличное не успела – так и драпала, придерживая хвост руками, чтобы о него ненароком не споткнуться. Некоторые бабкины сверстницы, впрочем, намекали, что это была вовсе и не вилия, а своя же сельчанка, дотоле всегда слывшая скромницей и верной супругой.

На Ганке – единственной сестре своих плечистых, мрачноватых, с короткими обгоревшими ресницами братьев, – лежала обязанность таскать в землянку провизию: не ежедневные обеды, как вы могли бы подумать, но раз-другой в неделю сыр, яйца, а иногда и битую птицу. Все остальное – муку, брюкву, пласты розового соленого сала и просо для каш – запасливые и всегда голодные углежог привозили в курень на телеге; почти вся провизия доставлялась в запечатанных глиняных горшках, чтобы не растащили лесные мыши. Девке, какой бы она ни была крепкой и здоровой, такой горшок и не поднять...

Ноша все равно получалась немаленькая, и у Ганки были крепкие руки и ноги, а еще – фамильная легкая удача, что в лесу немаловажно. За все время ее неблизких прогулок ни разу она не потерпела никакого вреда от лесной нечисти, да и от зверья тоже, и даже тайком усматривала в этом некую для себя обиду, словно никто в лесу, буквально кишашем своей тайной жизнью, ею, Ганкой, и не интересовался...

Пока идешь через лес, надо чем-то занять голову, и Ганка занимала ее тем, что рассказывала сама себе всякие истории – не вслух, а молча, про себя. Истории эти по мере того, как Ганка взрослела, становились все длинней и запутанней.

Вот, скажем, десяти лет от роду она придумала историю про девочку, которая несет пирожки больной бабушке (непонятно, с чего больная бабушка ни с того ни с сего поселилась в одиночестве в лесу, но такие мелочи Ганку не интересовали), и волка-оборотня, который повстречался ей, все выведал, а потом побежал вперед, бабушку съел, а сам обернулся бабушкой, улегся в бабушкину постель, натянул чепчик и стал говорить тоненьким голосом всякие глупости. А потом, когда волк уже тянул к девочке страшные когтистые лапы, ворвались в избушку вместе с холодным зимним светом и снежным колючим вихрем братья девочки, углежог, как раз заготавливавшие дрова для куреня, и зарубили волка топорами. Бабушку было немножко жалко, впрочем, понятно было, что все это понарошку – настоящая

бабка Ганки, та, которая излупила поленом вилию, волку бы тоже спуску не дала, даже в свои нынешние годы...

А двенадцати лет она воображала себе, что вот идет она по лесу и видит, как на тропинку падает чья-то тень, и путь ей преграждает прекрасный юнак... Этот юнак – графский сын, он упал с горячего коня и расшибся, преследуя страшного свирепого вепря, и клык вепря пропорол ему бок, и коварный егерь, который давно уже искал подходящего случая, чтобы отомстить (а за что, кстати, отомстить? – наверное, этот юнак влюбился в егерскую женку, и та ответила ему взаимностью), бросил его в лесу, а всей свите сказал, что тот устал в горы и упал в пропасть, и вот этот юноша... И он падает, бледный и окровавленный прямо к ее, Ганкиным ногам, и она его относит на пригорок и накладывает ему на рану мох и паутину, и он просит только, чтобы она никому не открывала его убежища... а почему, кстати? Наверное, дело все-таки не в егере, а в том, что его замыслил погубить собственный отец, или лучше – отчим. Вот он-то и заплатил егерю, и тот оставил графского сына один на один с разъяренным секачом, и вот юнак последним отчаянным усилием вонзает кинжал вепрю в горло и, значит, еще одним последним усилием выползает из-под страшной вепревой туши, и бредет по тропе, и встречает Ганку, и Ганка, как уже было сказано... тем более, что у нее с собой баклага с пивом и круг сыра, и вот она дает ему подкрепиться, и...

И тут он, конечно, понимает, что страсть его к егерской женке была ошибкой юности (значит, была все-таки егерская женка, хм...), а любит он лишь одну Ганку, дочь углежога, и вот он берет ее руки в свои, и ведет в замок, а коварный отчим, конечно, против, и мама против, и они строят козни и придумывают какую-то ужасную пакость, которая их разлучает (на этом месте Ганка начала хлюпать носом), и когда вытерла грязной ладошкой глаза, поняла, что тропинку пересекает чья-то тень.

На какой-то миг Ганка решила, что это волк – волка она придумала раньше, чем прекрасного юнака. Потом – что все-таки это прекрасный юнак, поскольку на волка незнакомец был мало похож. И он, несомненно, был юным. И, безусловно, – чужаком, и чудным притом. Хрупким и тонким, таким тонким и хрупким, что, казалось, растворялся в полосах теней и света. И еще – рыжеволосым, ярко, огненно-рыжеволосым, и бледным, чуть ли не в прозелень бледным – как бы сразу и огонь и вода. И глаза у него были зеленые, как вода, стоячая вода в углублении поросшего мхом камня, и на дне этой воды – солнечные золотые вспышки.

Такого никак невозможно бояться, подумала Ганка, хотя и одет чужак был чудно: в какую-то юбку, плетеную из сухой травы, и солнечные пятна прыгали по голой бледной его груди и по босым грязным ногам. Зато на рыжих волосах красовался пышный венок из папоротника, диких злаков и поникших лесных фиалок, колокольчиков и маргариток. Существо, отважившееся нахлобучить на себя такой венок, кем бы оно ни было, не может быть страшным, решила Ганка.

Она набрала в грудь воздух, и осторожно, словно боясь спугнуть мотылька, выдохнула его вместе с вопросом:

– Ты эльф?

Чужак поправил венок, так, что тот съехал с правого уха на макушку, и сказал:

– Наверное. Нравится?

– Венок? – поняла Ганка, хотя при известном воображении это «нравится» можно было отнести к чему угодно.

– Да! – обрадовался эльф, – правда, красивый? Я его долго плел... солнце сначала стояло вон тут, а потом, когда я закончил, ушло вон туда. Вон за ту сосну.

По всему получалось, что венок был вчерашний.

– Могу тебе подарить, – великодушно предложил эльф.

– Лучше новый сплети, – практично сказала Ганка, – этот скоро завянет.

– Все красивое вообще быстро вянет, – грустно ответил эльф, – и если я сплету тебе новый, он тоже завянет на следующее утро.

– Ну так хотя бы на следующее.

Венок, украшавший голову эльфа, подумала она, до следующего утра никак не дотянет.

Эльф по-прежнему топтался на тропинке, мешая пройти, и Ганка не знала, что делать. Прогнать? Он может обидеться, а обида эльфа – дело страшное и опасное, эльфы злопамятны и непредсказуемы и еще управляют странными силами. И еще могут отобрать удачу. Потому Ганка, помолчав, осторожно сказала:

– Какую дань ты потребуешь, лесной дух? Только я могу дать тебе разве что что-то из вот этой корзинки... И то не все – иначе мои братья и отец у клетки останутся голодными.

Тут она приврала – она несла всего лишь десяток яиц, домашний пышный хлеб новой выпечки, молодой лук, круг колбасы и круг сыра, так, побаловаться, а кашу для кулеша братья давно уже сварили, и даже в расчете на нее, Ганку.

Эльф потянул коротким носом:

– Там что у тебя? Сыр?

– Ну, – согласилась Ганка.

– Ух ты! – сказал эльф, – давно уж я не ел сыра.

– Угощайся на здоровье – Ганка развернула сырую тряпицу, в которую сыр был завернут. Сыр пах так вкусно, ну, скажем, не вкусно, забористо пах, что она и сама вдруг почувствовала, что ужас до чего хочет есть...

На обочине тропки лежала удобная коряжка: высеребренная солнцем и дождями, сухая и крепенькая, такая крепенькая, что даже муравьи отказались в ней селиться, и Ганка, усевшись бок о бок с эльфом, отломилла ему и себе щедрый кусок сыра и не менее щедрый ломоть свежего, пахнущего кислинкой хлеба.

Эльф лопал так, что Ганка испугалась:

– Ты это, – сказала она, заглотив внушительный кусок, – осторожней. Этот хлеб только утром подошел, он еще сырой, его нельзя так быстро...

– А чего будет? – спросил эльф, – и торопливо, словно боялся, что отберут, отгрыз полгорбушки разом.

– Живот заболит, вот чего, – солидно сказала Ганка, – скрутит так, что и помереть можно... – Она подумала, что эльф может обидеться или подумать, что она пожалела ему сыра и хлеба, и вместо того, чтобы насладиться удачей, отобрать ту, что уже имеется, а потому торопливо добавила. – Я ж ничего... ты не торопись только... я ж не отберу. А хочешь, еще принесу?

– Завтра? – обрадовался эльф.

– Нет, – Ганка покачала головой, – завтра не выйдет. Дней через пять, оно, пожалуй... Яйца у них как раз к тому закончатся, и сыр... То есть, – она поглядела на то, что осталось от сыра, полкруга, не больше, – сыр у них закончится раньше.

– А я видел твоих братьев, – эльф печально смотрел, как Ганка заворачивает остаток сыра обратно в тряпицу, – они такие большие, черные такие... И зачем-то играют в печку. Я видел, они такую клетку из деревьев сложили, и еще обложили деревьями и дерном все это сверху... Здоровая такая куча получилась, и теперь они ее жгут. Там дым стоит, на поляне, ух, какой дым.

– Это не игра, – Ганка хотела добавить «дурень», но вспомнила, что с эльфами так нельзя, – это они уголь делают. Это работа такая. Батя говорит, чтобы управлять огнем, надо особое умение, потому что огонь надо кормить, и вот на верхушке кучи сидит человек, он называется жигаль, и он разжигает костер и сбрасывает его в эту самую клетку, и это надо делать два дня и две ночи подряд, а когда куча загорится, вот тогда уж трубу закрывают, а

внизу делают такие дырки, они называются поддуваленки. И если их правильно закрывать и открывать, можно управлять огнем.

– Все равно не понимаю, – эльф покачал головой, отчего венчик опять съехал на ухо, – зачем деревья жечь? Им же больно.

– Наша семья испокон веку этим занимается, – солидно сказала Ганка, – и с лесом в дружбе. Батя же, когда помечает, какое дерево рубить, всегда смотрит, чтобы лес не обидеть... Потому как, он говорит, если дать деревьям вольно расти, как они хотят, они друг друга передушат. Это как с людьми, говорит он.

– Люди разве убивают друг друга? – испуганно спросил эльф.

– Не у нас, – сказала Ганка, подбирая крошки с ладони, – у нас, у зеленокутских, разве что в ухо кто по пьяни кому заедет. А на войне, батя говорит, да, убивают. И в городе, если ты сделал что-то плохое, убил или украл, тебя или казнят на городской площади, чтобы все видели, или сажают в такой дом, без окон без дверей, тюрьма называется.

– А как же они оттуда выходят? – эльф совсем расстроился.

– А никак, – авторитетно сказала Ганка, – их через трубу кормят. Спускают на веревке мешок с едой, и все... а они так и не выходят никогда. А когда помирают, то просто закладывают дырку, через которую еду спускали, камнями... вот.

Эльф зажмурился и в ужасе помотал головой.

– Лучше пускай казнят, – сказал он решительно, – чем вот так... Послушай, а ты в самом деле еще можешь сыра принести? Такой сыр вкусный оказался!

Солнце уже поднялось и бросало сквозь листву белые и золотые вспышки. А под деревьями было, как в воде, – тихо, прохладно и зелено. Поползень рыбкой скользил вниз головой по стволу рядом с Ганкой – в черной шапочке и очень деловитый. И тихо было, так тихо, точно и впрямь под водой, потому что никто из птиц уже не пел – дрова батя с братьями сушили в начале лета, ближе к месяцу серпню начинали складывать и палить кучу, а птицы к этому времени перестают петь, потому что им не до того – птенцы оперяются и требуют все больше и больше еды. Даже зяблики перестали подавать свое «хьют», которое всегда высвистывали, завидев Ганку. Сначала она думала, что они так ее приветствуют, но потом услышала, как зяблик в саду свистит на присевшего под деревом кота, и поняла, что это просто означает – «внимание, опасность снизу! Там, внизу, кто-то большой и страшный!».

– А я тебе взамен принесу такой же красивый венчик, – пообещал эльф.

– Лучше принеси мне удачу, – сказала Ганка, – эльфы приносят удачу, я знаю.

Эльф вновь качнул своим привидшим лугом на макушке.

– Я не умею приносить удачу. Я умею приносить радость. Так она говорила. Что я приношу радость...

– Она?

– Мама... Моя мама. Только она не настоящая мама – приемная.

– Так ты – эльфенок Федоры? – Ганка даже по коленям себя хлопнула. – А я все думаю, почему это ты так хорошо болтаешь по-нашему!

– Федора, – сказал он, – да... Так ее зовут. Федора.

Он несколько раз повторил имя, словно катая во рту гладкий камешек.

– А... – Ганка насторожилась. То, что эльфенок Федоры ходит, считай в чем мать родила и выпрашивает сыр, скорее всего, не означает ничего хорошего. – С ней все в порядке?

– С ней все в порядке, – сказал эльфенок, – она умерла.

– Так ты один живешь? – утверждение, что с умершей травницей Федорой все в порядке, Ганка решила пропустить мимо ушей.

– Почему? – эльфенок пожал худыми плечами, – с Федорой...

Ганка чуть отодвинулась. Она знала, что эльфы чудные, все так говорили, и еще что они нелюди и живут не по-людски.

– Ты что же... не похоронил ее? Или, может...

Может, оживил своей странной магией, и старуха, хотя и мертвая, ходит и разговаривает? Такой безобидный, такой симпатичный эльфенок. Только бы не разозлить его...

– Почему? Она просила, чтобы я ее похоронил, как положено, и я похоронил. Вырыл яму, настелил туда папоротника. Цветов. Она любит цветы. А на холмике выложил крест из щепочек.

Значит, он не нечистая сила. Нечистая сила от креста бежит, как от огня, всем известно. Но вот не хотела же старуха его крестить...

– Она говорит, все хорошо, – сказал эльфенок. – Говорит, я все правильно сделал.

– То есть... как, говорит? – осторожно спросила Ганка. Отец, наверное, уже злится, да и братья злятся, что ее, Ганки нет, и яиц свежих нет, и сыра. Но эльфов нельзя сердить, это всем известно. Пускай лучше сам уйдет.

– Она раньше часто приходила, – сказал эльфенок, как во сне. Глаза его расширились и стали совсем зелеными – в них отражалась прошитая солнцем листва... Придет, станет на пороге... Или сидит в углу – я оборачиваюсь, смотрю, а она сидит. Что ты меня похоронил по-людски, это хорошо, говорит, мы все равно вместе. Правда, – он вздохнул, – в последнее время реже приходит. Она так и сказала – я потом уйду... мы всегда уходим... далеко. Просто еще немного с тобой побуду, чтобы тебе одиноко не было. Она хотела, чтобы я не забывал человеческую речь, так она говорила. Я все ей рассказывал. Все, что видел.

Может, эльфенок и не виноват, подумала Ганка. Это же Федора, всем известно, что она была ведьмой, а у них все не так, как у людей.

– Но как делать сыр, она так и не сказала, – сокрушенно покачал головой эльфенок, – я уж спрашивал-спрашивал, а она молчит, и все. Я сам попробовал, но ничего не вышло. Может, это потому, что козочка уже старенькая. Мало молока... А я так скучаю по сыру.

– Я принесу еще сыру, – торопливо сказала Ганка. Мало ли, вдруг порчу наведет. Лучше пускай ее отпустит добром.

– Когда? Завтра? – эльфенок был явно не в ладах со временем. Или с памятью. Ганка не удивилась, эльфы живут одним мигом, но этот миг длится вечно, это все знают.

– Нет, – терпеливо сказала она, – через... пять дней. Вот солнце видишь? Оно закатится, потом еще раз. Потом еще раз. И еще два раза. Вот, пальцы загибай, – и она для верности сама загнула ему по очереди грязные худые пальцы. Он не противился. – Вот видишь? Раз, два, три. Четыре, пять... И я принесу сыр. Понял?

– Понял, – сказал он и вскочил с коряжки. Он был такой худой, что казался полупрозрачным, и сливался с солнечными пятнами, с ветками, зеленью и тенью – словно растворялся в них...

– погоди! – Ганка тоже встала, солидно оправляя юбку и делая вид, что занята только этим, а спрашивает так, мимоходом, – а как тебя зовут?

Эльфы не любят говорить, как их зовут на самом деле, но если выведать имя, можно получить над эльфом большую власть.

Эльфенок пошевелился и снова стал хорошо различим, словно бы вернулся из мира теней в мир людей...

– Желто-красный листик дуба, который оторвался от родной ветки, – сказал он с некоторой даже гордостью. – Красиво, правда? Я сам придумал.

– Немножко длинно, – сказала Ганка, – хотя, конечно, красиво, – поспешно добавила она, чтобы эльфенок не рассердился. Листик тоже неплохо звучит – это ведь почти то же самое, только немножко короче. Я буду тебя называть Листик.

Эльфенок явно не хотел сказать ей свое настоящее имя, а значит, он на самом деле гораздо хитрее, чем кажется. На всякий случай она тоже попробовала схитрить.

– А как тебя называла Федора? Как-то же она тебя называла!

– Солнышко. Она называла меня – Солнышко, – сказал он, отступил в тень и пропал.

* * *

Эльфенок и вправду не принес удачи – отец ворчал, что она запоздала, потому что любил есть кулеш как раз с козьим сыром, а тут не дождался и схарчил так, и кулеш показался ему невкусным. На куренной работе мужики всегда голодные, это Ганка знала, потому что приходится ворочать тяжелые бревна... Правда, и неудачи эльфенок не принес – отец мог и по уху заехать, но ведь не заехал же... И про эльфенка она ни отцу, ни братьям не рассказала, хотя и сама не знала, почему. Может, потому, что ей, Ганке, хотелось иметь свою собственную тайную жизнь – а какую такую тайную жизнь можно иметь, если спишь вповалку на лавке с сопливыми младшими братьями?

Углежоги уж никак не похожи на эльфов, но у них тоже есть своя магия, и у землеробов есть, и когда и те и другие посылают небу свои чаяния сообщая, то оно может и снизойти: весь месяц серпень стояла погода жаркая и сухая, деревья шелестели сухой листвой, и сухие грозы швырялись зарницами за далеким околом, истыканным зубчатыми горами... Но какие бы зарницы там не вспыхивали ночами, до Зеленого Кута не долетала ни одна, и Ганка ходила на куренную поляну по тихому, теплому пахнущему смолой лесу, который словно бы чуял, что когда-нибудь придет зима и все замрет в стылом бесцветном сне, и старался как бы набраться солнца и золотого ленивого счастья впрок... Даже дикие звери в это время в мире с людьми, потому что в лесу вызревают грибы, ягоды и орехи, и немешаю плодятся муравьи и лесные мыши, а что бы там ни говорили, волк охотнее охотится за мышами, чем за оленями, или, скажем, деревенскими девушками с сильными руками и ногами и крикливой глоткой.

В этом золотистом лесу с перемещающимися тонкими столбиками бьющего сквозь листву света Ганка не раз встречала своего эльфенка и даже перестала его побаиваться, поскольку, хотя он и некрещеная тварь и лесная нечисть, а все же когда видишь кого-то чаще, чем раз в год, как-то привыкаешь... Она таскала ему сыр и свежесдобитый хлеб (понемногу, чтобы никто не хватился) и однажды даже притащила ему старые холщовые портки своего брата (дело отчаянное, поскольку, если бы дома узнали, что портки стащила Ганка, то ей могли и по затылку настучать – портки, даже старые, на дороге не валяются, понятное дело). Но эльфенок хотя портки и взял и даже поблагодарил, смотрел на них с некоторой опаской, и надевать не стал, сказав, ему и так хорошо. Но к зиме, сказал, может, и попробует, зимой холодно.

– Как ты узнаешь, что я иду? – спросила она как-то. Эльфенок каждый раз встречал ее на одном и том же месте: на тропинке, бесшумно выходя из-за зарослей лещины, где уже золотились покрытые пушком лесные орехи, – чуешь, что ли?

Нос у эльфенка был короткий, прямой, но эльфенок умел им шевелить, точно заяц... Он и ушами умел шевелить – Ганка видела. И ушки у него были нелюдские, остренькие. Он попробовал и Ганку научить шевелить ушами, но у нее не получилось. Хотя кое-кто в Зеленом Куте умел, например, Маринка умела, хотя эльфийского ничего в ней не было.

– Вижу во сне, – на этот раз на макушке эльфенка топорщились во все стороны колоски диких злаков, чуть прихваченные по краям желтизной дубовые листья и шишечки хмеля. Это означало, что скоро будет осень, подумала Ганка, а потом и зима, и батька с братьями закроют поддуваленки, и куча догорит, и они отвалят ее и запрягут Гнедка, и повезут домой телеги черного угля, и сложат за поленницей, и будут мыться в лохани, покрайивая и ухаю, и все в

хате будет как бы в мелком черном порошке, потому что уголь будет сыпаться отовсюду – с братьевых кожушков, из отцовских волос, даже из портков... И как это эльфенок не мерзнет в холодном зимнем лесу?

– Это как? Ты, когда просыпаешься, помнишь свои сны? – Самой Ганке снилось много чего, но к утру от сновидений оставались какие-то невнятные обрывки. Чаще всего ей вспоминалось, что она как бы потеряла вес и летает над красными и золотыми кронами зеленокутского леса, усилением мышц меняя скорость и угол полета; один раз она повернулась так неловко, что начала терять высоту и задела за верхние ветки, отчего те закачались, как если бы на них села птица.

Она до сих помнила, как ветки оцарапали ей кожу, и когда проснулась, на теле и впрямь были царапины, хотя, возможно, просто расчесы от блошинных укусов.

– Это не когда спишь, – эльфенок подумал и босой ногой почесал за ухом, при этом хитро и как бы хвастливо поглядывая искоса на Ганку, потому что она так не умела, – это другие сны. Это когда сидишь вот так... – Он вдруг широко открыл свои зеленющие глаза и замер, уставившись в никуда. Лицо у него сделалось совсем никакое, и Ганке стало страшно. Тем более что как-то вдруг сразу набежали мягкие, как овечья шерсть, сероватые тучи, и свет в лесу посерел и поблек, и что-то такое пошло, пошло над кронами деревьев, словно их щекотали невидимым перышком, и несколько желтых листьев закружилось в воздухе, и один из них упал Ганке на рукав и пополз, точно жук какой...

Она испуганно смела листок ладонью.

Потом толкнула эльфенка в бок. Он сидел на коряжке (это как-то незаметно сделалась их любимая коряжка), неподвижно, таращась в пустоту, потом вдруг начал дрожать мелкой дрожью, гусиная кожа выступила на плечах, на торчащих ключицах, на голой костлявой груди, а он даже и не заметил, и как Ганка его толкнула, тоже не заметил. Тогда она двинула его еще раз, кулаком, и эльфенок, потеряв равновесие, чуть не свалился с коряжки, вздрогнул, выпрямился и заморгал глазами.

– Ты чего? – Ганка прерывисто вздохнула.

– Ничего, – он потер глаза ладонью – ладонь у него была в царапинах и ссадинах, но пальцы длинные, красивые, и ногти красивые, хотя и обломанные, и в заусенцах. Это потому, что он эльф, эльфы все такие, словно чистое серебро или господское сверкающее стекло, грязь к ним не липнет.

– Ну и что тебе снилось? – Ганке было вместе и страшно, и любопытно.

– Горы... – сказал эльфенок, – я видел горы. Близко-близко. Они черные и холодные. И там, в горах... – Он зажмурился и потряс головой.

– Что? – шепотом спросила Ганка.

– Что-то страшное. Очень страшное. Рычит.

– Что? – повторила Ганка.

– Не знаю. Я видел только тень. Тень на склоне горы. Огромная, черней, чем гора. И она шевелится, эта тень. И у меня вот тут... вот тут – он приложил бледную в цыпках руку к худым ребрам, – замирает, но я понимаю, должен сделать что-то. Что-то очень важное. Что?

– Что? – шепотом повторила Ганка.

– Не знаю. Что-то. – Он встряхнулся и вновь засверкал своими зелеными глазищами. – А, потом досню!

Ганка подумала, что он стал бойчей болтать по-людски, наверное, потому, что перенимает у нее, у Ганки; похоже, пока его обучала покойница Федора, дело не так-то хорошо шло... И то, чему толковому может научить покойница?

– Не забоишься? – спросила она на всякий случай.

Он поджал губы, поразмыслил немного и покачал головой:

– Нет. Наверное, нет. Должен доснить. Если правильно видеть сон, можно узнать, что будет, знаешь? Надо только... как бы отпускать себя, ты становишься... ну, везде... и потом страшно, что не соберешь себя обратно, но если это что-то важное... я чувствую, что важное. Там, наверху, лед. Много. И тучи. И звезды. Так сияют, аж глазам больно. Они отражаются в ледяных потоках. И огни, такие огни... В черноте, в скалах, в пещерах – огни.

– Это ледяные девки, – Ганка продолжала говорить шепотом, словно горы вдруг строились с места и двинулись на них, чтобы окружить плотным кольцом, – они жгут огни, чтобы приманивать путников... Если кто заблудился.

– Ледяных девок я не видел.

– Их и нельзя видеть. Кто их видит, у того они забирают разум. И сердце делается как кусок льда. Когда старый Михась, он тогда еще не старым был, искал по горам овцу, он видел ледяную девку. Она сидела у горного ручья и расчесывала волосы. Белые-белые. Как лен... И он позвал ее, и она к нему подошла и поцеловала в лоб, и он... губы у нее были как лед и этот лед проник до самого сердца и он вроде как тронулся умом...

– Наверное, он ей просто не понравился, – сказал эльфенок, и глаза его сделались совсем зелеными, как стеклянные бусины, которые батька привез как-то с ярмарки (были там в низке еще и красные бусины, они Ганке больше нравились), – вот я бы ей понравился. Я бы подарил ей венок, и сказал бы ей, какая она красивая, и она бы не стала ворожить.

– Тьху ты, – на всякий случай сказала Ганка.

– Красивей, чем ты, – безжалостно добавил эльфенок. – У тебя дурацкие черные глаза. И волосы как в саже... И ноги тощие. И нос длинный.

Ганке стало обидно. Она вскочила с коряжки и уперла руки в бока.

– Ах ты... нечисть пузатая. Не буду больше носить тебе сыр! На себя посмотри... Вот уродец, а еще тоже мне...

Эльфенок, противно хихикая, отпрыгнул в орешник и теперь выглядывал из-за ветвей.

– Ох, как страшно! Ох, напугала! Вот заколдую тебя, превращу в жабу! Прыг-скок!

Он показал ладошкой, как скачет жаба. Получилось похоже. Ганка не удержавшись, фыркнула. На эльфа не было долго сердиться. Все равно, что сердиться на ветер или мимолетный теплый дождик...

* * *

– Ганка!

Ганка спустила на пол босые ноги, осторожно, чтобы не разбудить сопевших рядом меньших. Пол был холодным, и на нем лежал мутный квадратик лунного света.

– Ганка!

Она накинула козушок и вышла на двор, отпихнув сунувшуюся было под ноги кошку.

Эльфенок стоял у окошка, но она заметила его только когда он пошевелился – он обладал потрясающим умением растворяться в пятнах тени и света, что днем, что сейчас, ночью. Огромная багряная луна стояла над зубчатыми елями, края ее были чуть размыты, но все равно видно было, как там, на дальних, залитых кровью лунных полях, брат убивает брата. Люди рождаются и умирают, вдруг подумала Ганка, а там, на луне, брат все держит брата на вилах...

– Ты чего?

Она ни разу не видела, чтобы эльфенок приходил в Зеленый Кут. Впрочем, кто тогда выпивает по ночам плошки с молочком?

– Я хотел чтобы опять... увидеть во сне горы, – эльфенок передернул острыми плечами, – узнать, что там такое, страшное... Но вместо этого... знаешь, Ганка, что я увидел?

– Откуда? – Ганка почесала одной босой ногой другую, потому что хотя ночь была теплая и даже душная, она вдруг ощутила, как вокруг ног обвился, точно лента, холодный воздух.

– Там, на поляне... где твои отец и братья жгут деревья. Ох, Ганка... Они ходят вокруг кучи, а куча дымит, а он по ней ходит и чем-то колотит. Зачем ходит? Зачем колотит?

– Это называется жигаль, – пояснила Ганка. – Это Роман, он жигаль, ходит по куче и колотит ее пестом, смотрит, не прогорело ли где... И батя говорит, это самое опасное, потому как можно провалиться внутрь, а там уж не выберешься, такая тяга, все гудит аж...

– Он провалился, Ганка. Мне снилось, что он провалился.

Ганка изо всех сил толкнула его в плечо – это было все равно, что толкать лунный свет, так быстро отскочил эльфенок.

– Ты, нечисть, ты все врешь! Нарочно врешь!

– Нет, Ганка, нет, я не вру, я же видел! Там, с той стороны еще кривая сосна растет... У нее ветки черные стали от жара и иглы осыпались. И он стоял там, и ударил этой штукой... пестом? И раз – и его нет... И такой столб искр и пепла, а потом фффух – огонь! И он так кричал, Ганка, так страшно кричал...

Ганка вытерла нос ладонью.

– Роман сгорел?

Роман, самый черный, самый злой, самый кривоногий, самый ловкий, самый быстрый из братьев, – и самый добрый к ней, к Ганке.

– Нет, Ганка, нет! – теперь эльфенок был рядом, и гладил ее плечо, с которого сполз кожушок, – он живой!

– Что ты тогда мелешь, дурень? – она прерывисто вздохнула, ночная тишина вокруг них с эльфом заколебалась, пошла кольцами, точно озерная темная вода вокруг брошенного осторожной рукой камня.

– Когда снится... это только будет, Ганка, только будет.

А может, и не будет. Знаешь, так тоже бывало – снится, что дерево падает, и прямо на меня, и я тогда... просто не иду по той тропинке, и это дерево, Ганка, оно падает, но меня там нет... Меня там нет... А дерево падает, понимаешь?

Ганка поглядела на свои босые ноги. Они серебрились в лунном свете, словно у паненки какой...

– Сейчас, – сказала она, – только чоботы надену.

* * *

Зеленый Кут с пригорка походил на сбившееся в кучу стадо – черные низкие хатки, крытые соломой и гонтом, словно бы скребли небо мохнатыми спинками; луна зашла, оставив дальнее розовое сияние за дальним лесом, и теперь было видно, сколько звезд высыпало в небо. Соляной Шлях тек в нем, словно река, с водоворотами и омутами, и на берегу этой яростной реки пылал точно маленький костер Волосожар... Только над Горганами звезд не было – их пожрали темные тучи, из которых шел свой самосветящийся сухой огонь – бесшумные красноватые вспышки. Они делались все ярче, постепенно красной полосой охватывая хребты гор, словно там, разлегшись на горных пиках, извивался и пульсировал огромный огненный змей.

– Видишь, там? – шепотом сказала Ганка.

– Чего? – лица эльфа почти и видно не было, зато глаза светились плоским зеленым огнем, Ганке аж страшно стало.

– Огненный змей вылупился. К солдатке полетит. Когда чоловік на войну ушел, а солдатке одиноко, она ворочается на перине, жарко ей, томится... и тогда к ней прилетает огнен-

ный змей. Ублажать ее. Принимает образ ее чоловика и шасть на перину... А она, дурочка, и не понимает, что это змей, ласкает его всю ночь – так он умеет глаза отвести. А утром, как займется, он шасть в окно...

– Ты сама видала? – с сомнением спросил эльфенок.

– Неа, – она покачала головой, – у нас всех, кого на войну брали, все вернулись. Повезло. Батяка говорил, это потому, что мы с лесом срослись, а лес своих всегда обратно зовет. Даже дядьку Влодко, которого убили. Он так и вернулся – мертвый.

В темноте она то ли увидела, то ли почуяла, как эльфенок кивает... Ему это было не дивно – недаром мертвая Федора приходила учить его уму-разуму, правда, все реже.

Ночь и сама дышала точно черная, огненная клеть углежога – из невидимого гигантского поддувала тянуло скрытым сухим неутихающим жаром, и только когда они с эльфом вошли под кроны леса, холодные воздушные ленты вновь обвилились вокруг Ганкиных ног.

И ночной лес был чужим – словно бы тропинки, по которым Ганка ходила днем, уползли, как змеи, куда-то в овраги и под коряги. Наверное, они на самом деле живые, а днем только притворяются, что лежат на месте; Ганка бы и заблудилась из-за хитрости вредных тропок, но эльфенок держал ее за запястье своими цепкими худыми пальцами, так крепко, что ногти врезались Ганке в кожу, наверное, царапины останутся...

Ночной лес был полон звуков – шуршание палой листвы, топот маленьких ножек, фыркание, писк, шорох крыльев, чье-то далекое «угу-гу», треск веток, когда что-то большое и черное упало на них, и осталось сидеть, раскачиваясь черным пятном темноты на фоне подсвеченного неба... И везде – глаза: зеленые и красные огоньки, перебегающие, а то и перелетающие с места на место. А то, что она приняла за два особенно ярких глаза, вдруг закружилось, разлетелось в разные стороны, и к ним присоединился третий, замерцал и погас...

И глаза эльфа, плоские, страшные, плывущие над тропинкой, и его горячая рука, цепко схватившая ее холодную руку, и вдруг деревья словно расступаются, и она уже на поляне, где дымится огромная кабан-куча, черная снаружи и багровая изнутри, и землянка, где спят батя и братья, кажется черным пустым холмом – а есть ли они там вообще или там давно поселилась нежить, при свете дня принимающая их облик?

Она обернулась, но эльфенок пропал, как не было, а кроны деревьев чернели уже на фоне не черно-багрового, но серого неба...

– Ганка!

Роман, кряхтя и разминая затекшие руки-ноги, вылез из землянки и направился в ближайšie кустики, на ходу спуская портки. Он, видно, собирался отлить, и тут как раз увидел сестру.

– Роман! – она вцепилась ему в рубаху, грязную, пропахшую потом, дымом и влажной землей, – Роман!!!

– Откуда ты? Чего тут делаешь? – он встряхнул ее, и нахмурился сердито, норовя заглянуть ей за спину, словно бы ища хвост или проверяя, отбрасывает ли она тень: наверное, думал, что это вилия, которая только прикинулась Ганкой...

– Я... – она запнулась. Эльфенок был ее тайной, никто в Зеленом Куте еще не знал с нечистью так близко (ну если не считать той дедовой вилии, которая, по слухам, и вилией-то вовсе не была), – мне приснился... страшный сон, Роман. Ох, какой страшный сон!

Она огляделась – вот она, кривая сосна, с того боку, что повернут к кабану-куче, ветки подпалены, иглы пожелтели и осыпались. А дальние ветки, те, что обращены к лесу, ничего, зеленые...

– С этого боку, Роман, вот с этого самого боку... Там все прогорело, Роман, вот те хрест, совсем прогорело, туда нельзя ступать, Роман. Там, внизу...

– Прогорело, говоришь? – Роман ткнул в сторону сосны корявой рукой, в мозолях и черных трещинах, куда навеки въелась сажа и угольная пыль, – с этого боку, говоришь?

Черные его глаза, обрамленные красноватыми веками с порыжевшими от дыма короткими ресницами, сощурились, когда он внимательно посмотрел на нее. А ведь, подумала она, на самом деле Роман вовсе не красивый... А всегда казался ей таким красивым – потому что был черным и сильным.

– Вот те хрест, – повторила она, прижимая ладонь к груди, – Роман, не ходи сегодня на кучу...

– Ладно, коза, – он потрепал ее по голове жесткой ладонью, такой жесткой, что ладонь цепляла Ганке волосы, потом слегка оттолкнул, – ты это... ты давай отсюда. У нас работа еще.

– Роман, – повторила она, всхлипывая, – не надо! Не ходи, а?

– Не пойду, – он переминался с ноги на ногу; ему хотелось отлить, но при Ганке было неловко, и оттого он злился, и сердито добавил:

– А вот батя сейчас встанет, он тебе навалит, коза. Ты чего это по лесу ночью в одной сорочке скачешь?

Ганка только сейчас в ужасе осознала, что хотя и сунула ноги в чоботы и накинула на плечи кожушок, так и стояла сейчас в чем вскочила с постели: в простой холщовой рубаше до колен, что в ее возрасте было совершенно уж неприлично.

– Я просто... как приснилось, так и я... побежала, вот, сказать тебе. Я обратно, а ты не ходи на кучу, Роман, не ходи, не надо... – повторяла она, пятясь, пока поляна не скрылась за зарослями орешника. Она продолжала всхлипывать от тоски и безнадежности – Роман не поверил ей, а если и поверил, то – это она сообразила только сейчас, – ежели батя пошлет его на кучу, он не сможет отказаться, не скажет ведь, что струсил, или что ей, Ганке, приснилось что-то такое... Потому что если он откажется, то полезет Митро или сам батя...

Рассвет только занимался, мутный и красноватый, и как всегда, когда небо раскрывается, чтобы принять солнце, из него дохнуло холодом, и густая трава по обе стороны тропки обильно покрылась росой – и не только трава, все кусты, все заросли орешника. У Ганки мокрый подол липнул к мокрым коленям, а чоботы все были в черной грязи, но она совсем даже и не замерзла, потому что всю обратную дорогу бежала, красная и запыхавшаяся, – и уже было прикидывала, как бы понезаметнее пробраться на двор, как из-за плетня вышел отец Маркиан, совершая свой ежедневный утренний обход в безнадежной борьбе с молочными подношениями.

Ганка съежилась – нрав отца Маркиана был всем известен, и уже торопливо думала, что бы такое соврать, как тут склоненное над ней лицо отца Маркина сморщилось, рыжие ноздри раздулись, и он быстро-быстро обнюхал ей голову и плечи, чем испугал Ганку еще больше.

– Отец Маркиан, вы чего? – спросила она шепотом.

Он схватил ее веснушчатой рыжей ладонью за горячее плечо и не отпускал. Заголившееся запястье все поросло рыжим волосом, и Ганка ни с того ни с сего подумала, что отец Маркиан, наверное, везде такой, отчего покраснела еще больше.

– От тебя пахнет некрещеной тварью, – голос отца Маркиана начинался где-то в его бочкообразной груди. – С кем валялась? Вон, подол весь в зелени...

– Ни с кем, – шепотом ответила Ганка, – ни с кем, хрест святой, я нетронутая...

– А ежели нетронутая, куда ходила? Ты с кем это путаешься, девка?

– Ни с кем я не путаюсь, – уже зло сказала Ганка и вывернулась из-под неприятной мужской руки. У эльфенка, подумала она ни с того ни с сего, рука худая, теплая и ведет сквозь ночь, и держит легко и крепко...

Вспомнив про эльфенка, Ганка вдруг ощутила звонкую легкость, как бы расширение морозного ясного воздуха в голове и груди, и все стало видно далеко-далеко, словно в давнем

ее сне, когда она летела над алыми и желтыми кронами, постигая тайны земли... До чего ж зеленые глаза у отца Маркиана!..

– А сами-то, отец Маркиан, – спросила она шепотом, – чьей крови будете? Лес-то близко.

Отец Маркиан выпустил ее плечо и отшатнулся.

Она смотрела и видела, как он пытается вытолкнуть какой-то звук, дергая жилами красной шеи, выпирающей из твердого воротника. Потом развернулся и пошел по улице, задевая долгополой своей одежей лапчатые стебли полыни.

– Ганка!

Оказывается, матуся стояла с той стороны плетня: видно, только что подоила корову, в подойнике теплое молоко исходило паром. И как это матуся так тихо подошла? Ганка и не заметила.

– Ты куда это ходила?

– Никуда, – тихо сказала Ганка. – Так.

Матуся, смугло-бледная, с тяжелой смоляной косою, спрятанной под платок, была женщиной тихой и, не в пример иным голосистым, которые только кричать и горазды, тяжела на руку – а то как иначе управлялась бы со своими чернявыми углежогами?

– Поди сюда.

Ганка, глядя себе под ноги, неохотно приблизилась.

– Сядь.

Матуся и сама села на поленницу, похлопав по ней и тем самым как бы обозначая для Ганки место, а потом сложила руки с распухшими пальцами на коленях. Ганка так поняла, что бить ее – по крайней мере сейчас – матуся не будет.

– Ты чего это отцу Маркиану такое сказала?

– А чего он? – мрачно спросила Ганка.

– Он хорошего хочет, отец Маркиан. Ты погляди только на себя.

– А чего я? – Ганка еще не придумала, то ли упираться и дерзить, то ли просить прощения и говорить, что больше не будет.

– Отец Маркиан, – продолжала мать, глядя не на Ганку, а себе на руки, – не любит тех, кто с ним одной крови. Хотя у него-то и крови этой чуть. Бабка его в лес ходила за хворостом, а пришла с пузом... Ей с дитем уехать пришлось, а потом Маркиан здесь приход получил... Кому-то ж надо, а он местных лучше иного знает. И лес знает.

Она вздохнула. Ганка ни с того ни сего подумала, что их матуся когда-то была красавица.

– Ты, Ганка, поостереглась бы. Все мы живем рядом с лесом, так что ты мне голову не задуришь... с лесными жителями хорошо играть. Но кровь у них дурная. И они бегают за нашими девками потому, что своих у них нет.

– Мамо...

– А потом что будешь делать? Совьешь гнездышко из травы и сунешь туда эльфенка? Федора померла, Ганка, кому еще подкинешь?

Ганка таращилась на мать, а та все сплетала и расплетала пальцы.

– Я, мамо, в лес не для того бегала, – сказала она наконец, – мне сон приснился. Приснилось, Роман в кучу упал. Я и побежала. Сказать ему, чтобы поостерегся.

Мать выпрямилась, напряженно вытянула высокую сухую шею.

– Да ты чего?

Ганка теперь и сама верила, что сон приснился ей, а не эльфенку.

– А он сказал, беги отсюда, коза, – Ганка всхлипнула и почесала нос о плечо.

– Как сглазили тебя, – шепотом сказала мать. – Неуж не знаешь: нельзя такого жигалям говорить. И если боишься – нельзя. И если снится – нельзя. У жигали с удачей свой договор, нельзя его под руку толкать. Роман, ох, Роман!

– Я ж люблю Романа, мамо, – Ганка склонила беспутную голову, – я ж хотела как лучше...

– Как лучше она хотела, – мать встала и, морщась и растирая поясницу, наклонилась, чтобы подхватить подойник, – это все лесные чары... они-то глаза и отводят... таким дурехам, как ты.

– Мамо, а правда, что у них своих девок нет? – не удержалась Ганка.

– Нет или есть, а только никто их не видел, – сказала мать и пожала плечами, – никогда. Этих видят, ну, нечасто, бывает... А девок их – нет, ни разу. Может, прячутся они...

– А... вилии? Может, они, ну, с вилиями...

– Может, и с вилиями, – легко согласилась мать. Она стояла, выпрямившись, прислушиваясь к чему-то, а потом вдруг разжала руку, и подойник грохнулся на землю. Белое густое молоко выплеснулось через край и потекло лужицей.

Теперь и Ганке стало видно, как из-за пригорка показались двое, идущих друг за другом тяжело, осторожно, как бы зажатых двумя длинными жердинами, и между двумя этими жердинами было серое одеяло с красной каймой, и там, в одеяле, точно в люльке, невидимый, покачивался третий.

Мать, прижимая руку к груди, побежала навстречу, черная коса вывалилась из-под платка и прыгала по спине... Ганка побежала за ней, хотя больше всего на свете ей сейчас хотелось стать очень маленькой и куда-нибудь спрятаться, хотя бы вот под поленницу.

– Роман? – спросила мать тихо и безнадежно.

Батя сплюнул черным, должно, в горло ему набилась сажа.

И лицо у него было черное, а глаза красные.

– Провалился в кабан, – сказал он хрипло.

– Хоть есть что домой нести, – у матери искривились губы, словно она улыбалась...

– Живой он, мать, – сказал Митро. Он выглядывал из-за плеча отца, тоже чумазый, страшный, но сверкнул белыми зубами, впрочем, незаконная эта улыбка мигом погасла, точно зарница в ночи над дальними горами, – успел выскочить. И мы успели. Живой. Только обгорел сильно. Ну, до свадьбы заживет...

Мать, наконец, заплакала, тихо, словно бы с облегчением, и пошла рядом с носилками, заглядывая в лицо лежащему там Роману – тот, видно, очнулся, и Ганка слышала, как он постанывает от боли и скрипит зубами.

– Роман, – она выглянула из-за батиной спины, стараясь поймать взгляд брата.

Роман повернул на бок голову – ресниц у него больше не было, и бровей не было, а лицо все в черной корке, словно бы спекшееся, но глаза целые, хотя веки словно бы вывернуты наружу и оттого глаза казались голые...

– Ну что, коза, – вытолкнул Роман из черного рта – накликала?

* * *

– Матуся дала мне по уху, – сказала Ганка, – а Роман отворачивается к стене и молчит. А батя с Митро говорят, чтобы я больше не ходила к ним. Потому что я глазливая. И теперь им Василь еду носит, хотя он маленький еще. А отец Маркиан как меня видит, плюется. Тьху, говорит, на тебя, блудодейка.

На Ганку, раз уж она не ходила больше на куренную поляну, матуся навалила уйму всякой работы. И эльфенок пропал, как не было – хотя Ганка все ждала, что он появится, все оглядывалась – и на речке, и на выгоне... И уж совсем затосковав, пошла к коряжке,

и вот он, тут – выскочил из-за орешника, где до того прятался, никому не видимый. Ганка сначала обрадовалась, а потом рассердилась – вот он, эльфенок, и ничего ему не делается, а все тумачи достаются ей, Ганке. Ей хотелось, чтобы эльфенок чувствовал себя виноватым, а он сидит себе, как ни в чем не бывало.

– А я знал, что ты придешь, – веноч у него был из дубовых листьев, и листья эти отличали червонным золотом. Еще в веноч были вплетены гроздья рябины. Красиво. – Во сне видел.

– А зачем я пришла, не знаешь? – спросила она сурово. – Я пришла, чтобы сказать, что нам нельзя больше видаться. И не бегай за мной!

– Разве я бегаю? – таращит свои зеленые глаза эльфенок. – Это ты за мной бегаешь!

– Я? Бегаю? – Ганка аж задохнулась от возмущения. – Ах ты, нечисть лесная! Да я... Да я ненавижу тебя! Ты мне всю жизнь испортил!

– Ганка, Ганка, я ж не хотел ничего плохого, – эльфенок, чтобы угодить ей, надел портки, и теперь сидел на их коряжке, смешно ерзая, потому что портки с непривычки ему мешали. – Разве я тебя чем обидел, Ганка? Мы же... даже не лежали вместе.

– Знаю, а только... нельзя нам больше видаться. Вот, последний раз пришла я на тебя посмотреть.

Она протянула руку и дотронулась до его щеки, гладкой, горячей и нежной, точно раковина-перловица.

– Как же я, Ганка? – зеленые глаза эльфа наполнились слезами, стали похожи на маленькие болотца. В зелени и синеве плавали золотистые пятнышки – Ганка всегда дивилась, как это у него глаза могут быть такими разными; каждый миг – разные. Ах, как ноет ее бедное сердце – эльфенок уйдет навсегда, и волшебство уйдет навсегда. Приворожил ее, не иначе. Он и Федору когда-то так же приворожил, так, что она забыла своих и ушла с ним в лес, а ведь был совсем маленьким. Ах, эльфенок, эльфенок, что ты со мной делаешь!

– Что же я совсем один теперь? Как же я... И сыра не будет больше.

Последнее обстоятельство явно расстроило его сильнее всего, и Ганке стало обидно.

– У тебя ж Федора есть, – сказала она ехидно, – она хоть и мертвая, а поговорить любит.

– Федора больше не приходит, Ганка, – эльфенок качнул дубовыми листиками, после чего искоса поглядел на Ганку и большим пальцем ноги ловко подхватил с земли еще один упавший желудь, подбросил его в воздух и поймал – босой ногой же... – я ей сказал, чтобы больше не приходила.

– Это еще почему? – Ганка сняла чоботы и тоже попробовала поднять желудь босой ногой, но у нее ничего не получилось.

– Мы поругались, Ганка. Это из-за тебя... Она говорит, чтобы я с тобой не водился. Что это не дело, с тобой водиться. Чтобы я искал своих. Что я уже вырос и мне пора искать своих.

Федора хоть и мертвая, подумала Ганка, говорила на удивление разумно. Ганка так эльфа и сказала.

– Я хочу с тобой, Ганка... Ты такая красивая.

– Со мной нельзя, – сердито сказала Ганка, – и ничего я не красивая. Сам говорил, чернявая и нос длинный.

Короткий нос эльфа сморщился и он быстро-быстро потянул им воздух, точь-в-точь отец Маркиан.

– Может, и не такая красивая, но я без тебя не могу, Ганка... Ты ведь уже совсем взрослая стала, я же чую... Вы, люди, быстро растете. Я тоже скоро вырасту. Приходи ко мне жить в землянку, Ганка. Которую Федора вырыла. Она не велела никому ее показывать, а тебе я покажу. Там тепло. Ну, почти тепло. И я постелю листья папоротника, и мы будем лежать на них.

И везде насыплю цвет полыни, и пижму насыплю, чтобы нас не кусали блохи.

– Ты что, совсем дурень? – сердито спросила Ганка.

Может, дурнями лесные создания называть и нельзя, но этого уж точно можно – дурень и есть!

– Не хочу я жить в землянке и спать на папоротнике. Я хочу спать на лавке, и чтоб холстина была чистая, и одеяло шерстяное, и перина пуховая. Ты бы и правда лучше своих поискал, Листик... твои шалаши из веток плетут и приманивают светляков, и свистом разгоняют тучи, и в шалашах у них всегда лето...

Эльфенок опустил голову, и стал босой ногой чертить в пыли.

– Я искал своих, Ганка, – сказал он наконец, – только знаешь, что... они от меня бегают. Только я вижу кого-то из своего народа, он раз – и все. И пропал. Думаю, от меня человеком пахнет. Потому что я рос с человеком. И ел вашу еду. Вот сыр, например. А может, у меня есть ваша кровь, Ганка? Как ты думаешь?

– Не знаю, – шепотом сказала Ганка. – Не знаю. А только нельзя мне с тобой. Пойду я...

Она встала, взула босые ноги в чоботы и оправила юбку.

– Как же я один, Ганка? – сказал эльфенок так жалобно, что у Ганки аж сердце заныло. – Как же я теперь один?

– А как знаешь, – сухо сказала она. – А будешь приставать, бате пожалуюсь!

И пошла не оглядываясь, хотя почти не видела дороги из-за застилающих глаза слез. Эльфенок, думала она, нечисть, лесная некрещеная тварь, для него что правда, что вранье, все одно, и задурить голову он может так, что и сама не будешь знать, что правда, а что – нет. Так что пускай себе ноет и скулит, или пускай мирится со своей мертвой Федорой...

– Ганка, – эльфенок бежал за ней, легкий, словно и правда был в родстве с сухими листьями, что невесомо кружились под ветром, – Ганка...

– Ну чего еще? – сердито сказала она, не поворачивая головы.

– Ты меня бросаешь, Ганка, а я тебе что-то скажу. Не хотел говорить, а теперь скажу. Вот стань здесь, и я скажу...

Он вдруг загородил ей дорогу и худыми своими длинными руками прижал ее к стволу старой березы, такой старой, что эта береза уже и забыла, когда на ней в последний раз появлялась белая чистая кора... От эльфенка шел сухой жар, такой сильный, что Ганка отвернула лицо.

– Ужас что делается, Ганка! – теперь он дышал ей прямо в ухо. – В лес спустился тролль. Я его видел, Ганка, сам видел, он ходит и рычит. Весь в бурой шерсти, вот как медведь, правда, даже больше медведя.

– Все ты врешь, – сказала Ганка на всякий случай.

– Не веришь? Пойдем, покажу!

– Не хочу! – Ганка отчаянно замотала головой, так что косой своей хлестнула эльфенка по лицу.

– Не тролля, Ганка! На тролля нельзя смотреть. А то он сам на тебя посмотрит. Он же людоед. Просто что-то покажу. Пойдем...

– Меня матуся убьет, – сказала Ганка безнадежно.

Ах, эльфенок, эльфенок, что ты со мной делаешь... почему я тебя слушаюсь? Я же хотела уйти навсегда.

– Я ж ничего плохого. Только покажу. – И он потянул ее куда-то вбок от тропинки, где деревья были темней и гуще, а прошлогодняя листва пружинила под ногами.

Деревья окружали их, точно черные великаны, обутые в моховые чоботы; все они были в парчовых пятнах лишайника, и Ганке пришлось задрать голову, чтобы увидеть их кроны... как она тут оказалась? Куда позволила себя увести?

– Смотри, Ганка, смотри!

Он тянул длинными своими тонкими руками вверх, показывал ей на что-то, и Ганка увидела там, в вышине, свежие светлые царапины, словно бы кто-то очень сильный и высокий провел по коре дерева граблями. Кора свисала лохмотьями, и луб тоже свисал лохмотьями.

– Это медведь, – сказала она неуверенно.

– Вот и нет, – эльфенок опустил руку, и теперь стоял, от возбуждения приподнимаясь на цыпочки, – это тролль. Я его видел, Ганка. Видел, как он точил когти. У него ноги, как у человека, а лапы, как у медведя. И глаза желтые... и зубы желтые.

И он рычит – вот так... – эльфенок раскрыл розовый рот и рыкнул, одновременно ударив себя в грудь кулаком. Получилось слабо и неубедительно. Точно котенок мяукнул.

– Тише, дурень! Чего ты там прячешь? – Ганка схватила эльфа за запястье. Из сжатого кулачка его торчало что-то, и она стала разгибать ему пальцы – по одному. Ему это нравилось, он делал вид, что не дается, опять пригибал пальцы к ладони, но наконец поддался и разжал руку.

На ладони лежали клочья бурой шерсти – и шерсть была толстая и длинная, длиннее медвежьей. И светлее.

– Он ходит и трется о деревья, – пояснил эльфенок, – чешется.

Ганка опомнилась. Она стояла среди огромных страшных деревьев, за которыми бродил огромный страшный тролль, и единственным ее защитником был пустоголовый эльфенок. И как это так получилось?

– Куда ж ты меня затащил, нечисть проклятая?! – взвизгнула она.

– Его теперь здесь нет, Ганка, я бы чуял... пойдем.

Она позволила себя увести – эльфенок знал тайные пути, словно бы умел подрезать и кроить тропки и прогалины, и она и вздохнуть не успела как следует, как оказалась у привычной коряжки.

– Дай сюда, – Ганка протянула руку, – я Роману покажу.

Может, Роман тогда поймет, какой опасности подвергалась она, Ганка, когда ходила ночью через лес на куренную поляну, и перестанет на нее злиться? А если что с Василем стрясется? Он же совсем маленький еще!

– Чего дать? – удивился эльфенок.

– Шерсть. Троллеву шерсть.

Эльфенок протянул к ней кулачок, потом разжал его. Ладонь была пуста.

– Тьху ты, – эльфенок каким-то образом ухитрился опять обдурить ее, Ганку. Заморозил ее, отвел глаза. Наверное, сам как-то настрогол эти царапины на дереве...

* * *

– Роман?

Брат не повернулся от стены – и что он там видит, разве что мох, которым законопачены щели, – но пошевелился, дав таким образом понять, что слышит ее, Ганку.

– Роман, а тролль может спуститься с гор?

– Ты чего опять плетешь, коза?

Роман все ж таки повернул голову и недобро прищурился. Утром и вечером матуся клала ему на веки тряпицу с отваром мяты, чтобы глаза не высохали, потому что опухшие веки не натягивались на глазные яблоки, а то, что осталось от ресниц, слиплось от гноя. Мята покрасила лоб и щеки Романа зеленью, словно он был уже мертвым, но почему-то двигался и говорил. Ганка теперь боялась его, и даже миску с супом приносила так, чтобы не коснуться его руки... А кроме супа он ничего и не мог есть. Разве что молоко пробовал пить, матуся говорила, это полезно для него, но от молока его рвало черной рвотой.

– Ну, тролли... те, которые в горах. Людоеды.
– Нет в горах никаких троллей, – он скривил обожженный рот, – выдумки одни.
– Если есть эльфы, – сказала Ганка рассудительно, – должны быть и тролли. Путники пропадают? Пропадают. Куда они деваются?

Она еще поразмыслила и решила призвать на помощь высший авторитет:

– А батька говорит, тролли не спускаются с гор, потому что они любят холод. Они живут там, где лед и снег. И жгут там свои огни.

– Раз так, зачем кому-то из них спускаться с гор?

– Может, у него кончилась еда, – рассудительно предположила Ганка, – или его выгнал другой тролль.

– Ты, коза, совсем сдурела, – устало сказал Роман, откинулся на матрасе и закрыл глаза. Ганка постояла немного, ожидая, что, может, он что еще скажет, но Роман больше не двигался, только дышал коротко и хрипло, словно в горло ему вставили трубу. Тогда Ганка задула фитиль у плошки и забралась к младшим на лавку. Жаль, что эльфенок схитрил и не отдал ей троллью шерсть, она бы показала ее Роману. Или опять обдурил ее эльфенок? Отвел глаза? Может, это и не шерсть была, а пучок рыжей травы? Ах, эльфенок, эльфенок, когда тебя нет, я по тебе тоскую, когда ты рядом – сержусь... Она завозилась, устраиваясь поудобней, под боком сладко сопел Василь... До чего ж темная нынче ночь, это потому что новолуние, а в новолуние даже на двор лучше бы не ходить, это всем известно... А если эльфенок не соврал?

Тролль в лесу, кто такое видел?

И батька с Митром в лесу... Нет, глупости все это, эльфенок видит сны, он бы сразу прибежал, ежели что, он бы предупредил... Но ведь она, Ганка, с эльфенком поругалась. Сказала, чтобы не ходил за ней больше. Да, но эльфенок, если захочет, все равно придет, он такой, ее Листик... И правда листик, только не дубовый – липовый, прилипчивый такой листик. Да, но один раз он уже прибежал, и предупредил, и что из этого получилось хорошего? Ничего!

Ганка ворочается и вздыхает, и вот уже ей кажется, что кто-то ходит вокруг хаты, большой и страшный, кто-то трется о плетень, и плетень шатается под напором большого тела... а если он перешагнул через плетень и стоит во дворе? У тролля ноги, как у человека, а лапы, как у медведя, желтые зубы, желтые глаза... И он любит жить на холоде, а тут ему жарко, душно, оттого он особенно злой, да и голодный, наверное...

Ганка натягивает одеяло на голову – душно, но не так страшно. На какой-то миг, уже в полусне, она вздрагивает и прислушивается, ей кажется, что она слышит рычание тролля, – не так, как показывал глупый эльфенок, а как оно на самом деле. Но потом понимает, что это у дальней стены стонет и хрипит во сне Роман.

...Утром страхи уходят сами собой – такое оно, это утро, ясное, и сразу становится понятно, что жара ушла и в этом году уже больше не вернется, и что сухие грозы больше не будут пылать над горным хребтом. И Ганка даже улыбнулась сама себе: глупый эльфенок, он все выдумал из мести, чтобы напугать ее, чтобы она бегала за ним и просила, чтобы он посмотрел в этом своем волшебном сне наяву – нету ли опасности? А она и поверила – как дура. В рассеянности она бросает взгляд на плетень и останавливается с открытым ртом.

Потом осторожно снимает с жердины рыжий волос – вдвое длиннее ее, Ганкиной, ладони.

* * *

– Матуся!

Мать смотрит подозрительно – Ганка в последнее время чудит. Это томится и зовет ее созревшая плоть, думает мать, вон как вытянулась девка, и, пожалуй что, красавицей стала. Надо бы ждать сватов, но у Ганки теперь дурная слава, как знать, придут ли сваты? Придется на сторону отдавать. Чужакам отдавать придется, а наша кровь с чужой плохо смешивается... И ведь вроде никому не говорила Ганка про эльфенка, а все откуда-то знают. Не иначе отец Маркиан разнес повсюду. Лихорадка побери эти создания леса, они умеют задурить девке голову, умеют заморозить, даже и святой хрест не помогает. Встретишь такого вот – белого, золотого, улыбнется он – и пропала девка. Хорошо их в последнее время меньше стало. Может, и совсем не останется.

– Что это у тебя, доча?

Ганка разжимает кулак.

– Матуся, – говорит она быстро-быстро, – он показал мне дерево, оно все сверху ободрано было, вот те хрест, матуся, и волос длинный, и он тоже мне его показал, а потом спрята-тал, я говорю – дай сюда, а он не дает, и я спросила Романа, а может тролль с гор спуститься, а Роман сказал, нет никаких троллей, это все выдумки, а я говорю, раз эльфы есть, то как и троллям не быть, и они все людоеды, а Роман сказал, отстань, коза, а ночью кто-то ходил вокруг дома, ходил-ходил, а я утром встала и вот оно что... на плетне висело. Он, что же, получается, вокруг нашей хаты ходил? Что же это делается, матуся?

Мать молчит, и только бледнеет, так быстро, что глаза кажутся совсем черными – и очень большими.

– Ты-то мне веришь? – с тоской спрашивает Ганка.

– Верю, – сухо говорит мать.

– И вовсе я тогда ничего не накликала. Само так получилось.

– Знаю, – эхом откликается мать, – само так получилось.

Мысли ее заняты чем-то другим. Потом она решительно говорит:

– Иди в хату. И дверь заложи. И носа на двор не кажи, поняла?

– Поняла, матуся. А что...

Та коротко махнула рукой, показывая Ганке, чтоб та заткнулась.

– И Василя никуда не пускай. И меньших. Даже на двор не пускай. Ясно?

– Ясно... А что...

Мать, отстранив ее, сняла с гвоздя кунтуш, торопливо натянула его и накинула на голову платок.

– Ты куда, матуся?

– До отца Маркиана, – мать вздохнула, – куда ж еще?

– Так что, выходит, есть тролли?

– Есть, есть, – мать протиснулась мимо Ганки, кисть платка мазнула Ганку по лицу, – как не быть.

И, уже у двери, так что Ганка едва разобрала:

– Обещал вернуться, вот и вернулся... ох, ты, боже ж ты мой...

Ганка отбежала к окошку: мать торопливо бежала в сторону крытой гонтом церкви, углы платка и черные косы, казалось, летят за спиной сами по себе.

* * *

– Что там такое, коза?

Ганка вздрогнула.

Роман не спал, он приподнялся на постели и морщился, потому что холстина прилипла к обожженной спине, и он пытался отодрать ее, осторожно шевеля плечами.

– Так... матуся пошла до отца Маркиана.

– Зачем?

Ганка еще раз выглянула в окно.

Десятка два зеленокутских мужиков бежали в направлении леса – все они держали наперевес кто вилы, кто топоры, впереди с ревом неся отец Маркиан, сам огромный и страшный, как тролль, и размахивал тяжеленным кадилом.

– Тролля бить побежали, – сказала она деловито. – Ты, Роман говорил, не бывает троллей, а матуся мне сразу поверила.

– Раз побежали бить, значит, есть, – криво усмехнулся Роман. Потом еще сильнее сморщился от боли и сказал, – ты мне тряпку-то на глаза положи. Печет...

– Сейчас. – Ганка намочила холстину в миске с отваром, отжала ее и осторожно положила Роману на глаза – тот их пытался закрыть, но не смог, и полоски белков виднелись меж веками.

Прохладная тряпица, видно, принесла ему облегчение, и лицо Романа расслабилось.

– А знаешь, коза, – он осторожно откинулся на подушки, – я однажды видел ледяную девку. Вот как тебя.

– Правда? – Ганка подумала, что ее-то, Ганку, Роман из-за тряпицы как раз и не видит.

– Давно, тебя еще и на свете не было. А я тогда на спор в горы пошел. С парнями поспорил, что, мол, не побоюсь. Вижу – тень на снегу... Смотрю – стоит. Холодно, а она босиком... И на голове – венки из горных подснежников. Красивая. Только пугливая очень. Знаешь, все врут про них. Ничего они не отбирают разум. Они сами нас боятся. Я улыбнулся ей, и она мне, Ганка, тоже улыбнулась. Зубы мелкие, белые, а глаза зеленые. Наши девки все чернявые, а эта беленькая. Вот, сколько я не вспоминал, а сейчас вспомнил...

– Что ж ты, – спросила, помолчав Ганка, – даже и не поцеловал ее?

– Да я сам испугался... Только я к ней – он вышел. Тролля. Огромный. Как гора прямо. И как зарычит... На нее, на меня. Она шасть – и нет ее. Они их стерегут, тролли.

– Что ж ты вчера говорил, что троллей нет? – упрекнула Ганка. – Что я выдумала все?

– Испугался я тогда, – Роман вздохнул под своей тряпицей, – как дал деру... так никому и не сказал.

– А я-то... – Ганка не успела закончить, потому что дверь вдруг затряслась от ударов снаружи.

– Тролля! – она взвизгнула и прижала руку к губам.

– Ганка, – кричали из-за двери, – открой, открой скорее! Это же я! Открой скорее! Он за мной гонится! Открой же!

– Кто это? – Роман приподнялся на постели, и начал воспаленной рукою осторожно стаскивать с лица тряпицу.

– Это... – Ганка не договорила, подскочила к двери и убрала полено, которым дверь приперла. Василь и двое младших сидели, сбившись в кучу, испуганно сопя. Ганка сама их напугала, чтобы не бегали – мол, если выбегут на двор, придет страшный тролль, съест их...

Где же матуся? – подумала она мимолетно, – пошла до соседей? Или так и осталась в церкви?

Листик ворвался в хату и стоял теперь, дрожа и озираясь, тощие ребра ходили ходуном.

– Ганка, Ганка, я его видел! Он такой страшный!

– Эльфенок, – сказал Роман, – провалиться мне опять в кучу, эльфенок! Кого ты привадила, коза?

– Он такой страшный, – повторял Листик, он был слишком перепуган, чтобы обращать внимание на Романа, – он рычит... и он огромный, Ганка, огромный!

– Так я... – Ганка с натугой вновь пододвинула к двери полешко, – это ничего... Он же безвредный, эльфенок. Это мой Листик!

– Безвредный? – Роман пытался встать, но обожженная кожа саднила, и оттого он шипел от боли. – Эта нечисть? Выгони его или я сам его вышвырну. Хочешь, чтобы тролль пришел за ним сюда?

– Ганка! – эльфенок схватил ее руками, прижался к ней, и у нее, несмотря на страх, стало горячо и сладко где-то там, внутри. – Спаси меня, Ганка, не отдавай троллю!

– Не отдам, – Ганка и сама схватила эльфа руками, так они стояли посреди хаты, обнявшись.

– Совсем сдурела, – сказал Роман и, нащупав кочергу, крепко ухватил ее обгорелой рукой. – Убирайся отсюда вместе со своей нечистью!

Роман подумал, я зачарована. Я сама уже как некрещеная лесная тварь, лихорадочно думала Ганка, обнимая эльфа – а раз так, то можно отдать меня троллю. Я ж сглазила его, Романа, когда он упал в кучу...

– И пойду! – не выпуская эльфа из объятий, она шагнула к двери, но тут клятый эльфенок ужом выскользнул у нее из рук и хихикнул!

– Да никто за мной не гонится!

Весь его видимый испуг прошел, и дышал он теперь спокойно, и лукавую рожу скорчил...

– Ах ты, нехристь поганая – устало сказала Ганка.

– Убирайтесь отсюда, – Роман взвесил кочергу в ладони, – оба!

Эльфенок вновь подскочил к двери и легко отодвинул тяжелое полотно.

– Пошли, Ганка, пошли! Тут страшно, душно, тесно. Я не люблю, когда душно-тесно. Тут воняет...

Он сморщил нос.

Пахло, и правда, не очень-то. Роман болен, думает Ганка, а от больных всегда пахнет известно как.

– Да, но тролль?

– Нету никакого тролля, – хихикнул эльфенок, – я обдурил тебя. Хотел напугать – вот и напугал.

– Зачем?

– Так просто, Ганка. Ты на меня рассердилась, и я тебя напугал. Больше не сердишься?

У бедной Ганки голова пошла кругом... Задурил ее эльфенок, совсем заморочил, так что она, Ганка, уже и не понимала, где правда, где ложь. Клятая лесная тварь, нехристь. А ведь отец Маркиан и все зеленокутские мужья носятся сейчас по лесу с вилами и топорами...

– А... царапины на дереве?

– Старые грабли я украл. Забрался на дерево, ну и... Ох Ганка, Ганка, я ж люблю тебя, разве я повел бы тебя в сердце леса, если бы там ходил страшный тролль?

– А шерсть откуда?

– Это овцы шерсть, Ганка. Я ее корой дуба покрасил. Ты что ж, овечью шерсть не узнала?

Ганка на миг зажмурилась. Потом открыла глаза. Нежная паутина невесомо летела в воздухе, невесомо коснулась ее лица. Последние летние деньки стоят, тихие, теплые... Что ж она, Ганка, натворила? Такой шум подняла – даже и не верится. А уж что матуся с ней, с Ганкой сделает, когда все раскроется, и подумать страшно. Может, не говорить никому, что тролля нет? Побегают, пошумят и вернуться.

– Ночью, – сказала она наконец, – кто-то ходил у хаты... шумел, рычал. О плетень терся. Тоже шерсть оставил.

– Так это ж был я, Ганка! – эльфенок хлопнул себя по коленкам и захохотал, аж затрясся весь, – я нарочно на плетне сидел, качался! Весело было...

Ганка размахнулась и ударила его по щеке. Эльфенок замер, удивленно вылупив глаза.

– За что, Ганка?

– Что ж ты наделал, Листик? Теперь все меня со свету сживут – и Роман, и мамуся, и отец Маркиан. А когда батя вернется с куренной поляны – ох, и подумать страшно!

Ганка села на поленницу и закрыла лицо руками. Хорошо бы куда-нибудь спрятаться, совсем спрятаться, пока не вернулись зеленокутские мужики с отцом Маркианом во главе...

Поленница была теплой, приятно шершавой, и пахло на дворе, и верно, не так, как в доме – хлевом, молоком, разогретым на солнце деревом, полынью...

Листик присел рядом, обнял за плечи, гладил теплой рукой по голове. Она поначалу отмахивалась, точно от назойливой мухи, потом перестала. Ах, эльфенок, эльфенок, нехристь лесной, что ты со мной делаешь?

– Я ж нарочно, Ганка. Чтобы тебя из дому выгнали. Роман черный, злой. Не будет любить тебя, больше не будет. Я буду любить тебя, Ганка. Теперь пойдешь ко мне жить? В землянку?

Ганка всхлипнула и утерла нос рукавом.

– Совсем дурак, что ли?

– Пойдем, Ганка, пойдем... пока они не вернулись, пойдем!

Ганке вспомнилось, как гнал ее Роман на двор, прямо в лапы страшному троллю, как кричал – «убирайтесь отсюда оба»!

Она встала, вздохнула, отбросила косу за спину и выпрямилась.

– Пойдем!

Не иначе как у эльфенка растет его волшебная сила, и хитрость растет вместе с ней, – заманил он Ганку к себе, в свою землянку, ведет ее по тропинке, ныряет под тяжелые ветки, собирает по пути землянику, подносит ее Ганке на грязной своей ладошке, и вот идет Ганка покорно вместе с ним, а ведь не собиралась... И то, куда ей, Ганке, деваться: потихоньку, исподволь рассорил ее эльфенок со всеми – и с Романом, любимым братом, и с мамусей, и с отцом Маркианом... И уж не сам эльфенок и наколдовал ту злую удачу Роману? А она, Ганка, поверила, а значит, тоже виновата в том, что лежит Роман в душевной хате, весь обгоревший, и скрипит зубами, и плохо пахнет...

Лес стоит зеленый, светлый, тихий, паутина чуть колеблется в воздухе, сверкает на солнце, волшебный лес...

Вот он, эльфенок, скачет рядом, вприпрыжку. Совсем задурил эльфенок голову бедной Ганке. Будет она теперь лежать рядом с эلفенком на подстилке из папоротника, будет щеголять в венке из красных листьев, забудет людские обычаи, и стыд тоже позабудет...

– Вот, Ганка, вот, пришли.

Ганка озирается, точно во сне. Где явь, где кошар... совсем запутал ее эльфенок, сама стала как он, сна от яви не отличает. Вот смыкаются темные ели, вот расступаются, зеленый купол, шатер, моховой пригорок...

Но нет никакой землянки: развороченная страшная яма, какие-то тряпицы, ветки, влажные, рухнувшие бревна, мокрицы шевелятся, и рядом, ох, рядом такой же развороченный длинный холм, и пахнет влажной землей, и что там торчит из этой земли, что белеет, не кость ли?

И пахнет повсюду... кровью пахнет.

– Листик, – говорит Ганка сухими губами, – что же это, Листик? Куда ты меня привел?

И сверкают в полутьме глаза ее эльфенка – зеленые болотца, куда провалилась она, Ганка, навсегда провалилась.

– Обманул я тебя, Ганка, – признается Листик, и голову повесил, а глазами все стреляет туда-сюда, – обманул тебя... Потому что есть тролль. Пришел с гор. Разворошил землянку, ревел, крушил все. Я еле убежал, Ганка. И могилу Федорину он разрыл. И козочку мою убил, Ганка, убил тролль мою козочку. Как я теперь жить тут буду? Как Федора со мной

разговаривать будет? Откуда ей приходиться? И козочку жалко, ох, как жалко, Ганка. Обманом я тебя сюда выманил, Ганка.

– Зачем? – спрашивает Ганка тихо.

Ох, Ганка, не лежать тебе с эльфенком на листьях папоротника, не жить в землянке. Не нужна ты эльфенку. На смерть тебя выманил проклятый эльфенок.

Эльфенок выпрямился, тощий, бледный, волосы точно золотая лисья шкурка.

– Я должен убить тролля. Помнишь, мне снилось, Ганка? Помнишь? Кто-то большой, страшный... Помнишь мой сон?

Я потом столько раз пытался посмотреть его дальше – и не смог. Теперь понял – это же был тролль, Ганка. Помоги мне, Ганка. Мне самому не справиться.

– Как? Как помочь? – еще тише, совсем уж шепотом.

– Он тебя не тронет, Ганка. Ты девица. Тролль любит таких, как ты. Он ледяных девок в пещерах прячет, никого к ним не подпускает, сам с ними играет. Он и тебя захочет украсть, Ганка. Улыбнись ему... Он пойдет за тобой. Пойдет, куда я скажу.

Ганка молчит. Потом быстро-быстро кивает. Теперь одна надежда на эльфенка, на предателя. Зачем, ах, зачем она с ним связалась – говорила ведь матуся, нельзя играть с лесными созданиями, и отец Маркиан говорил.

Она поднимает голову, вновь забрасывает косу за плечо и улыбается.

И видит глаза тролля сверху – желтые, страшные.

Ох, какой он страшный, этот тролль, – словно корявое дерево, огромное, поросшее мохом, руки-ветки, морда вытянутая, глаза светят из-под низкого лба, из огромной пасти вырывается рык, и бьет он себя лапой в грудь, и грудь гудит, как барабан.

И Ганка как-то понимает новой своей женской сутью, что тролль красуется перед ней, перед Ганкой...

И она опять улыбается и поводит плечами, и тролль еще пуще колотит себя в грудь и ревет; и тут эльфенок хватается ее за руку, как тогда, ночью, и они бегут, подныривая под ветки, перепрыгивая через коряжки, и тролль несется сзади, расшвыривая упавшие деревья, ломая ветки, и Ганка слышит треск и топот и рык, и оттого несется, не помня себя, и боится оглянуться, потому что знает, что она увидит – страшную мохнатую тень на фоне древесных стволов, а ногти эльфенка врезаются ей в запястье, и эльфенок тянет, тянет ее за руку. И они опять бегут, он знает тайные пути, ее эльфенок, а тролль застревает в буреломе, расшвыривает ветки, опять ревет, ох, лучше бы он никогда не спускался с гор. И вот они выбегают на поляну, и Ганка озирается и чувствует знакомый запах горящих поленьев, и дерна, и травы, и точно в тумане выплывает из пестрой сумятицы сердитое лицо бати и удивленное – Митра, потому что они как раз собрались закрывать поддуваленки, когда на поляну выскочили, задыхаясь, рука в руке, Ганка с эльфенком.

И тролль выскочил следом за ними, с ревом проломился сквозь орешник.

Батя потянулся за топором, он был смелым человеком, батя, но тролль махнул гигантской лапой, и батя отлетел в сторону, точно кукла-мотанка. А тролль стал перед Ганкой, и Ганка увидела его поросшее рыжей шерстью тулово, и огромное мужское естество. И тут тролль наклонился, приблизил свою морду к Ганкиному лицу (его черные ноздри раздувались и сдувались – туда-сюда, туда-сюда), и он обнюхал Ганку, и вдруг протянул лапу и дотронулся пальцем ей до щеки...

И Ганка, помня наказ проклятого эльфенка, улыбнулась и лукаво повела плечом.

Ах, где ты, эльфенок, неужто у тебя совсем нет сердца, неужто отдашь ты меня на растерзание троллю?

Нет, не подвел эльфенок, выскочил откуда-то сзади, оттолкнул Ганку, и тоже, точно как тролль, ударил себя в тощую грудь, и зарычал, смешно и тоненько, точно кошка мяукнула...

И вот так они стояли и били себя в грудь, и рычали друг на друга, а потом тролль поднял лапы и пошел на эльфенка – он был огромным, точно гора, и черным, а эльфенок совсем маленьким, в точности как в Писании, там, где про Давида и Голиафа, Ганка помнила, отец Маркиан рассказывал. И эльфенок еще раз мяукнул и стукнул себя в грудь, а потом повернулся и побежал, и тролль побежал за ним, размахивая лапами. И каждый раз казалось, что он вот-вот настигнет эльфенка, но эльфенок все уворачивался, все не давался, и Ганка видела, что он все ближе и ближе подходит к кабан-куче, и вот он уже на ней, сверху, прыгает на куче, легкий, худой, с торчащими ребрами, совсем невесомый. Вот он стал на верхушке кабан-кучи, ударил себя в грудь и зарычал. И в дыму, идущем от поддуваленок, он вдруг показался Ганке очень большим, почти как тролль, и рык его стал громким, и тень его упала на тролля, и тролль тоже зарычал, и прыгнул на кучу, как раз с той стороны, где росла кривая сосна с желтыми, скрученными с одного боку иголками.

И сноп искр взметнулся аж до неба.

И Ганка закрыла глаза, а потом уши.

А когда отвела ладони от ушей и открыла глаза, увидела, что Митро помогает подняться батю, а на поляне стоит целая толпа зеленокутских мужей с вилами и топорами под предводительством грозного отца Маркиана, и матуся стоит тут же и закрывает рот уголком платка, а эльфенка нет нигде, нигде больше нет эльфенка, только покачиваются ветки орешника на дальней стороне поляны, и доносится откуда-то:

– Ганка! Я вернусь! Я приду до тебя, Ганка!

...и затихает вдали...

Ганка растерянно озирается и спрашивает:

– Матуся, ты чего? Ты чего плачешь?

* * *

Роман раньше был злой и веселый, а стал злой и мрачный. Матуся делала ему примочки из кислого молока, а потом – из отвара подорожника и чистотела: черная корка сошла со лба и щек, и на ее месте появилась новая, но какая-то неправильная, словно бы непристойно розовая, и все Романово лицо казалось словно бы голым, и девки в пестрых платках и распахнутых полушубках больше не торчали подле плетня, чтобы как бы случайно столкнуться с Романом у калитки, и не прыскали в ладошку, и не краснели, оттого, думала Ганка, Роман и злился... Но Ганку больше не трогал, видно, стыдился того, что выгнал ее тогда во двор, прямо в лапы к троллю.

Теперь Роман все время сидел дома и плел вместе с младшими короба из ивовых прутьев, пока батя с Митром на куренной поляне ломали кабан и копали уголь. Как только снег окончательно станет, по зимней дороге приедет на розвальнях управляющий и увезет в коробе уголь, тот, что получше. А тот, что похуже, батя с сыновьями сам повезет вниз, на ярмарку... Но прутья у Романа ложились криво, потому что обгорелые руки не слушались, и оттого Роман злился еще больше. К тому же снег никак не мог лечь, выпадал и ставивал, выпадал и ставивал, сменялся секучим дождем, заключавшим ветки в ледяные короба. Дорогу развезло, и поговаривали, что в ближнем лесу уже видели медведя-шатуна, а то и нескольких.

Потом снег все ж таки стал, как раз к Николе, приехал управляющий, красный, довольный, в теплой шубе, потрепал Ганку холодной красной рукой по голове, сказал, мол, красавицей девка растет, и в тот же день уехал с коробом угля, так, что только снежная пыль вилась за санями. А потом и батя с Митром запрягли Гнедка и отправились на ярмарку, а Роман остался и молча выходил на двор, стоял у плетня и так же молча возвращался и ложился лицом к стене: его новая кожа не выносила холода и слезала клочьями.

С ярмарки батя привез обновки – матусе яркую шаль, младшим – пряники, а ей, Ганке – яркую ленту и круглое зеркальце в оправе из стекляшек. Зеркальце было маленькое, но каким-то чудесным образом вся Ганкина физиономия туда помещалась, и Ганка при свете зимнего холодного утра пыталась разглядеть, и правда ли она стала красавицей, как сказал пан управляющий?

И решила, что нет, – красавицы беленькие, розовенькие, синеглазые, вроде ледяных девок, а она, Ганка, как была чернявой, так и осталась. Правда, что-то в ней появилось новое, самой ей непонятное, потому что зеленокутские парубки что-то уж очень часто стали ходить мимо их окошек, в распахнутых тулупчиках, поигрывая топориками с резной рукоятью. И как бы просто так ходят, а нет-нет, да и кинут взгляд в окошко, за которым сидит за пальцами Ганка и вышивает то крестиком, то гладью.

И матуся говорит, что весной, пожалуй, надо будет принимать сватов, а батя молча кивает.

И еще матуся тихо плачет ночами... Батя храпит, ничего не чувствует. Но Ганка слышит.

Ганка и сама ночами плачет и прислушивается все, прислушивается – не ходит ли кто вокруг хаты под холодной полной луной, не трется ли о плетень... А морозным синим утром как подоит корову, тихо-тихо обходит хату, сначала посолонь, а потом и противосолонь... И пока никто не видит, снимает с жердины жалко обвисший, покрытый инеем веночек – из зеленых еловых веток, из рыжих сухих листьев дуба, и аккуратно обирает ладонью свисающие с плетня космы рыжей шерсти. А следов на снегу уже нет, потому что перед рассветом прошла поземка.

Виктор Ночкин. Ночью все эльфы серы

– Господин Джек Джонсон! – эльф в сияющей на солнце кольчуге едва глянул в грамоту, предъявленную приезжим, и заулыбался, будто вычитал что-то очень приятное. – Добро пожаловать в славный Гауллин! Старейшины будут счастливы принять вас в Хрустальном Дворце!

Джонсон забрал пергамент, буркнул что-то вроде приветствия и проехал в ворота. В портале было темно, и стук копыт гулко звучал под нависшими сводами. Джек опасливо косился на черные щели бойниц справа, слева и над головой. Мрачное местечко... тем разительней оказался контраст, когда гость выехал из полумрака на залитую светом широкую улицу. Джек, конечно, слышал, что у эльфов все чисто и красиво, но такого даже представить себе не мог. И ведь он не в центре города эльфов, а на самой окраине, у городской стены.

В столице королевства, откуда приехал Джек, за городской стеной начинались трущобы. Pokосившиеся хибары, грязь и мрачные оборванцы, провожающие проезжих неприветливыми взглядами – вот что такое трущобы. А здесь, в Гауллине... Джек ловил на себе любопытные взгляды, все улыбались, такие чистенькие, довольные. Гостю чудилась в этих улыбках насмешка. Рука сама собой тянулась пощупать ремень – не расстегнулся ли, проверить, на месте ли пряжка – может, что-то не так, и эльфам смешно глядеть на растяпу? Но нет, наряд Джека был в порядке, разве что заляпан грязью – пока дорога не пересекла границу страны эльфов, то и дело попадались топкие участки. Но после таможни было сухо, чисто. Можно подумать, здесь и дожди не идут.

А прохожие улыбались Джеку, словно старому знакомцу. Красивые, молодые. По виду эльфа не определишь, сколько ему лет: может, все триста! Они не старятся со временем, если жили счастливо. Прожитые годы накладывают опечаток на их внешность, лишь если они грустили.

Ближе к центру Гауллина здания были выше и резьба на карнизах – причудливей. Здесь жили эльфы побогаче, однако Джеку и дома на окраине казались едва ли не дворцами. Он косился на чистое стекло в окнах, на аккуратно расписанные наличники, на стройные очертания фасадов... да здесь даже булыжники мостовой сверкали так, будто их ежедневно моют с мылом! И эти стройные улыбчивые красавцы-горожане! Джек ощутил, как в груди закипает злоба: сжечь бы здесь все! Завалить мостовую объедками, запрудить улицы алчными злобными нищими в лохмотьях... Точно! Ведь здесь никто не просит милостыню на перекрестках! Неужто все богато живут? Все при достатке?

Вот эльфийка неосторожно взмахнула корзиной и просыпала яблоки, круглые румяные плоды покатались по сверкающим отполированным булыжникам. В столице королевства сейчас непременно налетела бы стайка сорванцов и оставила бы растяпу без яблок. А вот и они! Джек заметил подбегающих детишек и злорадно ухмыльнулся: ну, сейчас... Ребятня, весело галдя, похватила яблоки и... собралась к женщине. Джек растерялся – как же так? Дети сложили яблоки в корзину, эльфийка потрепала мальчишку по плечу, погладила девочку с длинными золотистыми косами по голове, вручила каждому помощнику по большому спелому яблоку... потом заметила ухмылку Джека и улыбнулась в ответ. Он торопливо ткнул каблуками лошадь в бока и проехал мимо. Сжечь бы здесь все... чтоб не скалились так сладко!

В гостинице Джека встретили, будто долгожданного гостя. Двое эльфов, выглядящих, по людским меркам, лет на семнадцать, выбежали, стоило ему постучать в ворота, приняли лошадь, помогли спешиться и, наперебой заверяя, что вычистят и накормят животное,

повели коня в стойло, а Джека в жилое здание. Распорядившийся там эльф – то ли владелец, то ли управляющий, встал при появлении Джека и с достоинством поклонился.

– Господин Джек Джонсон, – торжественным тоном произнес он, – ваши апартаменты готовы. Приближенным его величества короля мы рады.

«Даже не стал говорить, что приготовил лучший номер, – подумал Джек, – наш трактирщик так сказал бы непременно! Соврал бы, разумеется, но ведь сказал бы! А этот что же не набивает цену своим услугам?» Впрочем, оглядевшись, Джек решил, что в таком богатом заведении и самая убогая комната наверняка окажется побогаче собственного жилища господина Джонсона... его здесь привечают, называют приближенным его величества. Ну да, можно и так сказать.

Он приехал продлить договор на поставки строевого леса. Эльфы берегут собственные леса, покупают древесину в королевстве. А Джек Джонсон, как ни крути, королевский чиновник. Четвертый секретарь смотрителя вод и лесов его величества. Юнцом браконьерствовал, попался, был бит и заключен в тюрьму, раскаялся, подался в лесничество и, отлично зная повадки прежних собратьев по ремеслу, быстро прославился как неутомимый и удачливый преследователь браконьеров. Так и сделал карьеру, дорос до четвертого секретаря. Теперь вот Джек Джонсон – чиновник его величества, посланник в край эльфов.

Те же улыбчивые юнцы, что встретили Джека во дворе, повели гостя в апартаменты. Походный кофр с письменными принадлежностями и чистой одеждой поднесли. Джек сперва отдернул кофр, хотел сам нести. На постоянных дворах королевства такие ловкачи, случается, прислуживают: пока донесет поклажу, половину вытрясет из кофра, а ты и не заметишь, как ухитрился! Но ведь эльфы не воруют, верно? Честные... сволочи. Джек с малых лет усвоил: если некто не пытается надуть тебя в мелочах, значит, готовит крупную подлость. Ждет, пока доверишься. Но то у людей, а здесь эльфы... О коварстве этого народа Джек слышан, но по мелочам эльфы не воруют – во всяком случае, в собственном заведении.

Когда прислуга удалилась, Джек вздохнул свободнее. Распаковал вещи, переоделся в чистое. Он собирался нынче же до конца дня покончить с делами, чтобы на рассвете отправляться восвояси. Не по себе здесь как-то, неудобно... и слишком чисто. И слишком много улыбок. И слишком... не по-людски!

Переодевшись, Джек отправился в Хрустальный Дворец. Дорогу спрашивать не пришлось – сияющее тысячей широких застекленных окон здание было видно издалека. Джек снова подивился, как непривычно устроено у эльфов жилье. Ну кто ж так строит? К чему широкие окна? Гораздо практичнее узкие – из них можно отстреливаться во время штурма. И тонкие стекла – ведь побьют их! Расколотят вдребезги, если чернь взбунтуется! Правда, встречающие эльфы выглядели довольными и не склонными к мятежу... да и обозвать черню веселых нарядных горожан язык не повернется. Здесь крылась некая несправедливость: нельзя так жить, неправильно это, не по-людски. «Впрочем, они ведь не люди, – напомнил себе Джек, – а эльфы».

В Хрустальном Дворце Джонсона тоже приняли с отменной вежливостью. Перед королевским чиновником не лебезили, однако и ни единым жестом не показали презрения либо неприязни. Усадили за стол, предложил какой-то эльфийский напиток, пряный и сладкий. Мигом уладили все формальности, возложили печати на привезенный Джеком пергамент, вручили господину четвертому секретарю его экземпляр... Джек снова удивился: быстро и без проволочек все решилось, никто не потребовал мзду, не заставляли ждать. Нет, так дела не делаются!

По пути в гостиницу Джек решил заглянуть в кабак, поужинать и заодно поглядеть, как развлекаются нелюди. Но в заведении ему не понравилось – слишком спокойно. Зал был

небольшой, уютный, накормили отменно вкусно, денег лишних не взяли, но... что за развлечения у местных! На подиуме тонким голоском пела эльфийка, мальчик играл на скрипке. Пела девчонка сладко, у Джека даже сердце замирало от мелодии и чистоты голоса, да и песенка была славная... но за окном уже начало темнеть, а никто до сих пор не напился, не полез в драку. Даже с Джеком, чужаком, не затеяли ссоры. Он даже не перехватил ни одного косоного взгляда. Никаких человеческих развлечений! Сжечь бы здесь все...

В Гауллине на каждом шагу чудился обман, затаенная угроза. Если все мило и приветливо – значит, жди беды. Джек, ворочая под сердцем колючий ком плохих предчувствий, расплатился и поспешил вернуться в гостиницу. По дороге вспомнил слышанное давно: эльфы – они разные. Бывают светлые, а бывают и темные, склонные к злу. Может, в Гауллине собрали только светлых? Прежде, чем уединиться в своей комнате, гость спросил об этом управляющего.

– Это предрассудки, – заверил тот. – Эльфы все таковы, как вы видите. Нет светлых и темных, мы один народ. Впрочем, я вас понимаю. У нас о людях, случается, тоже ходят странные слухи.

– Завтра с рассветом хочу уехать, – объявил гость. – Лошадку мою...

– К рассвету будет накормлена и оседлана, – заверил управляющий. А потом, понизив голос, добавил: – Господин Джонсон, насчет темных эльфов – это, конечно, предрассудки... но для вашего спокойствия – не покидайте гостиницу после захода солнца. Послушайтесь доброго совета... как говорится, ночью все эльфы серы.

* * *

Джека разбудил шум в комнате. Сперва он не сообразил, что происходит, но тело действовало и само собой, без вмешательства сонного разума: рука полезла под подушку, пальцы сомкнулись на привычной рукоятке. Окончательно проснулся Джек с ножом в руке и стоя в темном углу. Из окна падал серебристый свет, где-то вдалеке наигрывали музыканты. И кто-то невидимый скребся в камине. Сейчас тепло, и камин не растопили, а дрова были сложены аккуратной горкой рядом.

Джек осторожно высунулся из угла и бросил взгляд за окно – на улице все спокойно, горят фонари в стеклянных плафонах. Надо же, не разбил их никто... а скрежет не стихал, наоборот – звуки приближались. Джек подкрался к камину и замер, занеся клинок. Показалась голова – злодей на четвереньках выбирался в комнату. По длинным волосам Джек понял, что это женщина и не стал бить. Он склонился над пришелицей и осторожно приставил незнакомке лезвие к горлу. Та тихо пискнула и замерла. Потом неуверенно позвала:

– Кайалон?

Джек молчал. Его пленница, должно быть, разглядела обстановку в комнате, не узнала и поняла, что вошла не туда.

– Я не воровка, – прошептала она. – Мне нужен Кайалон. Это ведь его дом? На Цветочной улице?

Голос эльфийки показался Джеку знакомым. Откуда бы? Он здесь никого не знает.

– Нет, это не Цветочная улица. Ты в гостинице «Клевер», а я постоялец.

Эльфийка медленно повернула голову и посмотрела на Джека. Двигалась она очень осторожно, потому что нож Джека прижимался к горлу, а другой рукой он сгреб ее воротник и не позволял отстраниться.

– Человек? А я тебя видела сегодня! Ты ужинал в заведении отца.

И эльфийка разрыдалась, совершенно ошорошив Джека.

– Отца убили, – хлюпая носом, шептала она, – Гвизо требовал денег, хотел все больше и больше, отец сперва платил, а сегодня сказал, что не может больше работать в убыток, и Гвизо убил, зарезал...

Растерявшийся Джек опустил оружие.

– Кто такой Гвизо?

– Разбойник. Самый страшный злодей Гауллина. Все ему платят, только Кайалон не боится. Он, и те, кто с ним. Я сбежала и хотела пробраться к Кайалону. Но перепутала тайные ходы в подземном лабиринте. Я такая дура...

Эльфийка уселась на пол и зарыдала взахлеб. А Джек узнал ее – та самая, что распевала на подиуме в кабаке. Убили отца, значит... Ночью все эльфы серы... Вот оно – теперь Джек чувствовал себя почти как дома. Эти лицемеры днем притворяются благостными тихонями, а ночью показывают свой истинный нрав.

– Вставай, – велел он девушке, – и отряхни юбку, вон как вымазалась. Сколько тебе лет?

– Ше-шестнадцать... – с запинкой выговорила незваная гостья.

По меркам эльфов – сущее дитя.

– Вот что, – Джек выпятил грудь, – я сведу тебя на Цветочную улицу к этому, как его...

– Кайалону? – эльфийка утерла слезы и уставилась на Джека. – Вы такой добрый! И храбрый!

Потом она потупилась и снова шмыгнула носом:

– Только я дорогу не сыщу... под землей... И так уже плутала, плутала...

– Выведешь меня на поверхность, пойдем по улице, – решил четвертый секретарь.

– Но там эльфы Гвизо, да и сам он, конечно, ищет меня. Вы не боитесь?

Джек поскреб ножом щеку... и буркнул:

– погоди, я только оденусь.

Он лишь теперь сообразил, что стоит перед девушкой в исподнем.

Тайный ход вел из камина куда-то вниз, в темноту. Джек ничего не видел, однако спускаться оказалось удобно – в кирпичную стену были вмурованы широкие металлические скобы. Внизу девушка раздула свечу, и ее спутник огляделся. Они стояли в сводчатой галерее, стены из кирпича, сухо, пол ровный.

– Что это за подвал? – спросил Джек. – Да! А как тебя зовут?

– Аллика, – девушка шмыгнула носом. – Про подвалы я мало знаю, я ведь родилась после того, как их проложили.

Конечно! Эльфы долгожители и привыкли помнить о том, что было на их веку, а этот ребенок родился после того, как между королевством и страной эльфов установился мир. Случилось это почти сорок лет назад, еще до рождения Джека. Он пошел за светом в руке Аллики, вглядываясь в темные провалы поперечных коридоров, то и дело встречающиеся по пути.

– Выводи наверх, – велел Джек, – а то опять заплутаешь.

Эльфийка послушно закивала, и вскоре указала скобы, уводящие в проем наверх:

– Здесь мы выйдем в Помойный переулок. Очень плохое место. Можно пройти дальше, но...

– Посвети-ка! – Джек решительно взялся за скобы и стал взбираться к потолку.

Нащупал люк над собой, поднял, отвалил крышку. Сверху пахло гнилью, и этот запах придавал Джеку уверенности. Будто родной стороной повеяло...

Помойный переулок вполне соответствовал своему названию – ничего общего с чистыми светлыми улицами, которые так смутили Джека днем. Неопрятные груды хлама, всевозможный мусор, где-то поблизости журчит вода. И вонь! Джек помог выбраться спутнице и спросил:

– Как отсюда пройти к твоему Кайалону?

– Вон туда, – указала направление эльфийка.

– Держись позади, но не отставай.

Джек чувал, что путешествие не будет гладким, и предчувствия не обманули бывшего браконьера. От темной стены отделились две долговязые тени и зашагали навстречу.

– Постой-ка, путник, – мелодичным, как у всех эльфов, голосом приказал один из встречающих, – я тебя не знаю. Мы здесь чужих не любим.

– Это же Аллика! – перебил приятеля второй. – Ее ищет сам Гвизо! Он нам заплатит!

– А с ней человек... – удивленно заявил первый. – Слышишь, человек, мы не любим таких, как ты. Обычно ваш брат не выбирается из этого квартала живым, но нынче тебе повезло. Можешь проваливать, а Аллика уйдет с нами...

Пока эльфы говорили, Джек медленно шел к ним. Девушка послушно семенила следом. Джек отлично знал повадки шпаны, пусть это даже эльфы, а не люди. Манера та же самая – будут долго запугивать, показывать собственную крутизну, а до ножей дело дойдет не сразу. Поэтому и бить нужно первым.

– Ладно, – перебил он эльфов, – можете забирать эту пигалицу. Не будь вас двое против одного, я бы...

Эльфы решили, что он поддерживает игру в крутых парней и, прежде чем отдать им девушку, наговорит достаточно, чтобы не потерять лицо. По уличным понятиям так полагалось. Но Джек больше ничего не сказал – он уже достаточно сблизился с противником. Первого он ударил тяжелым сапогом в пах, эльф хрюкнул и согнулся. Джек толкнул его на приятеля и прыгнул следом. Все трое повалились на грязную мостовую, Джек оказался сверху. Несколько полновесных ударов рукоятью ножа, и обитатели Помойного переулка затихли.

– Спасибо вам, Джек, – тихо произнесла эльфийка. – Я уж было решила, что вы и впрямь собираетесь меня отдать этим... этим...

Джек осторожно погладил хрупкое плечо. Ему было непривычно неловко.

– Нам туда, – показала Аллика. – Недалеко.

Когда они свернули за угол, показалась громада Хрустального Дворца. Тысяча его окон изливала на город потоки света, но Джек уже знал, что это лишь видимость, коварный эльфийский обман. Настоящий Гауллин ничуть не отличается от любого города королевства. И эльфы – совсем как люди, только притворяются другими, особенно днем. А ночью они серы.

Еще несколько десятков шагов, и эльфийка остановилась перед двухэтажным зданием. Постучала, и, к удивлению Джека, дверь распахнулась от этого прикосновения. Спутница была удивлена не меньше.

– Не заперто... – пролепетала она.

– Ты уверена, что хочешь туда? – осведомился Джек.

Эльфийка пожала тощими плечами:

– Мне больше некуда идти. А к Кайалону даже сам Гвизо не решится залезть. Раньше не решался. Я пойду. Джек... прежде чем мы расстанемся, я хочу сказать, что ты самый замечательный из...

– погоди, – оборвал эльфийку Джонсон. – Я с тобой. Хочу убедиться, что все нормально.

Они вошли в темную прихожую.

– Свет на лестнице, – сказал эльфийка. – Кайалон на втором этаже.

Она побежала вперед, легкая, словно пушинка, а под сапогами Джека ступени поскрипывали, как будто протестовали, что по ним поднимается человек.

Свет горел в комнате, к которой вел короткий коридор. Джек заглянул и увидел эльфа, сидящего за столом спиной к входу. Аллика прошла мимо провожатого и остановилась позади хозяина дома.

– Кайалон, – позвала она. – Это я, Аллика. Ты говорил отцу, что можешь помочь... но...

Эльф обернулся, и Аллика ахнула. Она ничего не стала говорить, да Джеку и не нужны были объяснения – он уже понял, что перед ним не Кайалон, благородный заступник оби-

женных, – уж больно злобным взглядом смерил их с Алликой этот эльф. Лицо, рассеченное надвое уродливым багровым шрамом, растянулось в улыбке.

– Золотой голосок, – прошипел он, – я так и знал, что встречу тебя здесь.

Дверь за спиной Джека захлопнулась, а ведь он был готов поклясться, что не слышит ни звука за спиной! Подкрались, нелюди, да как бесшумно! Но здесь, в комнате, они с Гвизо были один на один, и Джек вытащил свой здоровенный клинок. Гвизо не стал устраивать перебранку, как те двое из Помойного переулка. Он, как и Джек, предпочитал словам действия.

Стул, подцепленный ногой бандита, заскользил к Джонсону, тот отпрыгнул, а потом бросился на эльфа. Гвизо был быстр, но Джек знал толк в подобных потасовках и не поддавался на обманные финты. Он широко взмахивал ножом, тесня эльфа в угол, и наконец, выбрав момент, ударил по-настоящему. Клинок должен был войти в бок Гвизо, но вместо этого проскрежетал по стали. Как разбойник успел вытащить свой нож, Джек так и не заметил. Теперь уже он пятился, а враг наступал.

– Ну, хватит, – заявил Гвизо, – я достаточно поиграл с тобой. Готовься умирать.

Удары посыпались на Джека с такой скоростью, что он не рисковал парировать, только пятился и отпрыгивал, стараясь не оказаться в углу. Завизжала Аллика. Джек невольно бросил короткий взгляд в ее сторону – оказывается, дверь снова отперли, и двое эльфов, ворвавшись в комнату, схватили девушку. Тут-то Джек и сплоховал. Стул, который в самом начале схватки оттолкнул Гвизо, попался под ноги господину четвертому секретарю. Джек споткнулся и тут же оказался сбит с ног. Гвизо уселся верхом на поверженном противнике и, зловеще скалясь, занес нож...

Джек пыхтел и ворочался под ним, но хватка эльфа была – что твой стальной капкан. И тут оконное стекло над Джеком лопнуло, сотня осколков вместе с разбившим окно эльфом влетела в комнату. Джек зажмурился, а когда открыл глаза, Гвизо на нем уже не было, по комнате катился стальной вихрь – два эльфа скакали, размахивая ножами, да так быстро, что Джек не мог уловить ни единого движения, только звенящий стальной туман.

«О, светлые боги, – подумал он, торопливо отползая в угол, – и с этим вот чудищем я дрался?» Двое подручных Гвизо, оставив девушку, сбежали из комнаты. Теперь, когда они не крались тайком, Джек отлично слышал стук их сапог – трусы слетели по лестнице, потом хлопнула входная дверь. Впрочем, в это мгновение он отлично понимал парней. Вжавшись в угол, Джек осознал, что ни за что не хотел бы оказаться между этой парой, размахивающей клинками.

Улучив момент, Гвизо взлетел на подоконник и ударил Кайалона сапогом в лицо. Тот уклонился, отступил, а разбойник исчез в темноте. Тут же стало тихо, только всхлипывала, утирая слезы рукавами, Аллика. Джек понял, что затаил дыхание и сейчас лопнет, если не выдохнет. Он с шумом выпустил воздух, и Кайалон обернулся на этот звук.

– Человек?

– Он спас меня, проводил сюда, – шмыгая покрасневшим носом, объяснила Аллика.

Кайалон выслушал ее короткую историю, кивнул, помог Джеку подняться и протянул нож, который господин четвертый секретарь потерял в схватке. Потом они отправились провожать Джека, который не знал дороги. На прощание эльф пожал Джеку руку и поблагодарил за помощь бедной девушке.

– Нужно быть очень смелым эльфом... то есть, очень смелым человеком, чтобы решиться встать на пути Гвизо, – сказал он.

– Я просто не знал, с кем имею дело, – признался Джек. – Но все равно не жалею ни о чем. Береги Аллику. Она такая... незадачливая...

– Не беспокойся, друг, – торжественно пообещал эльф, – с ней все будет хорошо, ручаюсь.

Аллика больше ничего не стала говорить, только погладила Джека по руке тонкими пальчиками, но и того было довольно, чтобы вогнать человека в краску.

Наутро Джек Джонсон покинул Гауллин. Он был страшно доволен собой и снисходительно поглядывал на улыбчивых прохожих и вежливых стражников. Теперь, когда он знал их тайну, от былой неприязни не осталось и следа. Он разглядел сущность города под искусным гримом и понял ее. Она не так уж отличалась от людской.

А прочие участники ночных приключений господина четвертого секретаря собрались в знакомом Джеку кабачке – получить гонорар и выпить по бокалу вина, перед тем как идти отсыпаться. Они стягивали парики, отдирали накладные носы и стирали шрамы. Живехонький благообразный хозяин заведения прежде всего наполнил бокал Аллики – он приходился ей не отцом, а племянником, и обязан был уважить старшую родственницу.

Кайалон бросил на стол мешочек, глухо звякнули монеты.

– Вот серебро из Хрустального Дворца. Старейшины довольны. Уезжая, господин Джонсон улыбался.

– А я недоволен, – буркнул Гвизо, потирая шрам. Эта отметина была не бутафорской. – Эх, разрешили бы мне пустить кровь человеку... ну совсем немного, так, для правдоподобия.

– Не надо перегибать палку, – возразила Аллика. – Джек отличный парень... ну, для человека отличный. И как, по-твоему, его господин отнесется к ранам, нанесенным послу?

– Нас-то он бил всерьез, – заметил эльф, изображавший ночного налетчика в Помойном переулке. – Если бы я не увернулся, он мне башку мог разнести своим тесаком!

– Возьми, полечись, – протянул его долю серебра Кайалон. Пока все болтали, он делил монеты. – Честно говоря, я не понимаю, зачем весь этот спектакль. Конечно, человеку дали почувствовать себя героем, ему приятно. Но кто он? Какая-то мелкая сошка, при дворе он не имеет веса. Мне сказали: это чтобы не возникло раздражения, чтобы люди не думали о новой войне. Но кого волнует раздражение маленького человека? А? Разве не так?

Аллика пригубила вино и вздохнула. В свои триста с лишком она выглядела на шестнадцать, потому что не знала переживаний. Ее племянник – и тот с виду куда старше, а Аллика – девчонка девчонкой... Но если она до сих пор не испытывала сильных чувств, это не значит, что она дура. Наоборот, она понимала людей, как никто другой, потому Совет Гауллина и доверил ей руководить предприятием.

– Нет, не так, – ответила она Кайалону. – От такого человека может выйти большая беда. С людьми всегда непросто, уж больно они похожи на нас.

– Поясни? – попросил Гвизо. И снова погладил старый шрам. Он вовсе не считал, что эльфы и люди похожи.

– Люди умеют ценить красоту, силу, доверие и прочее, что ценим мы. Они любят то же, что и мы. Но!

– Но? – и Кайалон заинтересовался.

– Но их любовь жадная. Эльфу достаточно видеть красоту, чтобы насладиться ею, а человек желает сделать ее собственностью. Джеку понравился Гауллин, но заграбастать город ему не под силу. Он переживает разочарование сильнее, чем знатный господин, который – ну пусть теоретически – мог бы собрать войско и хотя бы попытаться овладеть нашим краем. Но нет, Джек отлично знает, что город Гауллин прекрасен и никогда не станет его собственностью. От этого разочарования он хотел бы растоптать, сломать, сжечь город! Ему непереносимо знать, что есть в мире красота, которой ему не владеть.

– А что сделали мы?

– Мы дали ему Гауллин, который он увез с собой. Все, что приключилось с ним здесь ночью, он без труда отыщет в королевстве людей. И существование нашего прекрасного

города больше не причиняет ему боли. Он поделится тем, что видел и испытал, с другими. И им тоже не захочется жечь Гауллин. Понял?

Аллика вздохнула. Сколько раз за минувшие века она сталкивалась с любовью людей... жадная, жадная любовь. Она толкает человека завладеть тем, к чему лежит душа. А если завладеть не удастся – сломать, уничтожить, сжечь и растоптать, чтоб не досталось никому. Но все же Джек был хорошим человеком! И, может, жаль, что она не встретила Джека раньше, когда не была так умна? Человеческая жадная любовь... она тоже по-своему прекрасна! Аллика вздохнула еще раз и решила, что нужно гнать подобные мысли. От них появляются морщины.

Юрий Погуляй. Тамаса

Мирон умирал. Солнце насмешливо грело землю и ехидно скалилось сквозь кроны одинокими лучами. Сосны с грустью смотрели на тела у своих корней. Птицы скорбно пели панихиду. А Мирон умирал...

Странно, но перед глазами у него не пробежала жизнь и не охлаждал душу страх перед смертью. Перед ними было лишь лицо Тамасы на фоне серого, мертвого тумана. Грустная улыбка, карие глаза, смуглая кожа, длинные, темные волосы...

Неделю назад банда Мирона вышла к небольшому селению. Несколько поросших мхом домов; колодец-журавль, пара кур возле него. Идиллия...

Гык, сухопарый орк вместе с Мироном основавший банду, замер в лесу и недоверчиво потянул носом воздух.

– Нам не надо туда идти, – хрюкнул он и напряженно забросил на плечо боевой цеп.

– Куры, – коротко заметил Альден. Эльф плавно потянул стрелу из колчана, но орк перехватил его руку.

– Нам не надо туда идти!

Мирон с интересом оглядел селение. Опасность? Здесь? Разыскивающие их гвардейцы остались в трех днях к югу, сбитые заклятьем Урра-Шамана. Пожилой орк на сей раз превзошел себя и создал настолько реальную иллюзию, что Мирону показалось, будто он услышал дыхание призраков его отряда.

Со скрежетом на край леса вышел Мертвец. Закованный в ржавые латы детина замер у одной из сосен. По всей видимости, боец оценивал обстановку.

– Мертвец, назад, – бросил Мирон.

Воин, лица которого за три года никто в банде не видел, повернул голову к атаману и слегка кивнул.

Мирон вновь уставился на селение, слушая, как проскрежетал отступающий Мертвец.

– Что такое, Гык?

– Мне не нравится это место. Быть беде, – орк сморщился и присел.

– Куры, – с нажимом промолвил эльф.

Куры, это хорошо. Да и еще какая скотина здесь найдется.

И бабы... Ребята давно женщин не видели. Месяц уже, как по лесам от погони носятся. Последняя вылазка плачевно закончилась. Мирон потерял большую часть отряда. Осталось семеро бойцов да шаман. Много не навоюешь... Но здесь, вроде, тихо.

– Че как? – прохрипел Стур. Гуль, пошатываясь, замер около Мирона. – Еда...

Пора кормить эту тварь, подумал атаман. Стур слабел без человечины. Но в деревне найдется чем утолить голод нежити, это факт.

Мирон довольно улыбнулся. Его банда – в своем роде шедевр. Гуль, эльф, орки, люди. Был еще молодой огр, но он погиб в той засаде. И Мертвец... Кто он – никто не знал. Лицо бойца скрывала стальная пластина с узкой смотровой щелью, в которой клубилась тьма. Хороший получился отряд.

Но теперь их только восемь. И может стать еще меньше, если не накормить гуля. Либо сам сдохнет, либо кого-то из своих сожрет.

– Мне не нравится это место, его обойти стоит, – прошипел Гык.

Атаман оглянулся на затаившихся в лесу бандитов. Молот – последний из людей в отряде, лежал в зарослях вереска и задумчиво жевал травинку. Старый шаман и его охранник – тупой как дерево орк – держались еще дальше.

– Еда... – проворчал гуль и пустил струйку вонючей слюны. Глаза нежити блеснули.

Мирон встретил взгляд Гыка и кивнул на монстра. Пора кормить... Пора...

– Пусть Мертвец сходит, – неохотно предложил орк.

– Мертвец – вперед. Мужчин – убить... – Мирон обернулся к шаману. Тот уже что-то колдовал, пританцовывая на месте. Здоровенный охранник маленькими злыми глазками шарил по лесу в поисках возможной опасности.

Мертвец молча вышел из леса. За эти годы атаман так ничего о нем и не узнал. Падший... Один из воинов какого-то князя. Поговаривали – всю дружину проклял обиженный владыкой маг. В последнее время по миру много таких вот безликих молчунов ходило. Видимо, большая дружина была. На расспросы Мертвец не реагировал. Он вообще не разговаривал.

Падший, повинаясь приказу, медленно вышел к колодцу и остановился, выбирая, с какого дома начать.

Дверь одной из хижин распахнулась, выпустив на крыльцо крепкого мужчину. В руках встревоженный селянин сжимал плотницкий топор.

Выбор сделан.

Мертвец повернулся к окликнувшему его мужику и неторопливо вытащил меч из ножен.

– Еда... – подался вперед гуль, но Мирон хлестко одернул чудовище:

– Назад!

Гуль, ворча, улегся в траву, жадный взгляд блуждал по поселению.

Мужчина на крыльце попятился обратно в дом, что-то испуганно говоря. Мертвец молча приближался. Ступив на крыльцо, воин замер и покачал головой, разминая шею.

Мирону показалось, что он услышал хруст позвонков.

Крик. Дикий крик. Мертвец ворвался в дом, снеся захлопнувшуюся дверь. На шум из соседних изб выскочило еще несколько человек. Один из них – в кольчуге. Откуда здесь солдат?!

Гуль чуть приподнялся и голодно посмотрел на Мирона.

– Лежи, тварь! – поморщился тот. Недовольно урча, нежить вцепился зубами в траву.

Орк присел на землю, поглядывая на шамана.

– Самки обездвижены, командир, – прохрюкал тот. Его здоровенный охранник мертвым взглядом смотрел на дома.

Падший тем временем вышел из дома и схлестнулся с подросшим воином в кольчуге. Остальные мужчины, неуверенно переглядываясь, окружили Мертвеца.

Подобраться к сражающемуся бойцу – легко, к бьющемуся латнику – еще легче. Местные этого не знали. Да и Мертвец – необычный воин.

Захлебываясь кровью, осел на траву боец в кольчуге, и селяне отпрянули, словно удивились.

– Быдло, – хмыкнул стоящий рядом с Миромом эльф. – Обычное быдло... Тупые...

Заминка стоила жизни еще одному селянину. Остальные бросились на Мертвеца, но было поздно.

Минут через пять воин вышел к колодцу и замер, задрав голову к небу.

– Пошли, – Мирон шагнул вперед, с опаской оглядывая деревню. Странное место, что здесь делал человек с доспехом? Глухомань ведь!

Три женщины. Всего три женщины во всей деревне. Две матроны и одна совсем юная девочка. Большие карие глаза, прямой нос, черные прямые волосы. Красавица...

– Жри, – Мирон указал гулю на одно из мертвых тел и подошел к очухивающимся женщинам. Молоденькая уже пришла в себя и теперь молча, исподлобья, оглядывала бандитов. Хруст раздираемой плоти за спиной атамана заставил девочку вздрогнуть. Смотреть на трапезу она уже не смогла.

– Эту оркам, – Мирон указал на одну из матрон, игнорируя вожделение в глазах Молота. Разумеется, молоденькая лучше. Но ее надо отдать эльфу. И самому развлечься...

– А эту? – кивнул на вторую Альден. Белокурый красавчик-эльф презрительно скривил губы.

– Пусть Молот забирает. Ну и ты, если не побрезгуешь.

– Гнилого мха тебе, – фыркнул Альден и с интересом посмотрел на девчонку. – Она неместная...

Мирон задумчиво склонил голову набок. Это объясняет наличие в поселении воина.

– Кто такая? Откуда? – он присел рядом с девушкой на корточки. Гуль за его спиной громко рыгнул, и вновь хрустнули кости.

Девушка промолчала.

– Серьезная добыча, вождь, – прохрюкал приковылявший шаман. Бусинки его глаз настороженно скользнули по пленнице. – Высокорожденная. На ней талисман Длинного Дома.

Здоровый орк сейчас служил шаману зонтом от солнца, массивной тушей заслоняя щуплого собрата.

Альден нехорошо улыбнулся, и в глазах эльфа Мирон заметил нечто новое. Ненависть. Пробрало лучника-то... Нечасто попадают дамочки из Длинного Дома. Они обычно под охраной доброго десятка отличных воинов. Интересно, как ее сюда занесло? Их народ с юга носа не кажет.

Извечные соперники эльфам, немудрено, что Альден ею заинтересовался. Высшее наслаждение – позабавиться с телом южанки. Впрочем, южане платили эльфам тем же.

– Ты что тут делаешь, высокородная? – спросил девушку Мирон. Та метнула на него испуганный взгляд, потом посмотрела на улыбающегося эльфа, покосилась на жрущего гуля. И снова промолчала.

– Пока ее не трогаем, разберемся, кто такая, – поднялся Мирон и повернулся к Альдену. – Понял?

– Жаль, командир, – цокнул языком тот и лениво зашагал к ближайшему дому.

Скрежет доспехов возвестил о том, что подошел Мертвец.

– Молодец, – похвалил его Мирон и обернулся. Воин не отводил взгляда от пленницы. Атаман заметил, как, разминая пальцы, сжалась рука бойца.

– Не трогай ее, ценный объект.

Мертвец резко повернул голову к командиру, и атамана ожег невидимый взгляд Падшего.

– Ты чего? – изумился Мирон.

Воин медленно опустил голову. Это у него означало извинение.

– Этих можете приходить. Девчонку в дом, Шаман, пригляди, чтоб никто не полез.

Мирон подошел к колодцу и набрал ведро воды. Жарко... Очень жарко.

Гуль принялся за второй труп, чавкая не менее усердно. Молот и Гык отправились на обыск домов в поисках чего-нибудь съестного.

Мертвец все так же стоял рядом с пленницами. Глыба. Ржавый, железный колосс.

Опрокинув на себя ведро, Мирон блаженно выдохнул и услышал хруст позвонков.

Падший, опять размяв шею, зашагал куда-то в лес. Он все время так поступал. Привычно. Сначала атаману было любопытно – зачем. Потом, после того как Мирон пару раз проследил за ним – интерес угас. Мертвец просто подходил к первому попавшемуся дереву, прислонялся к нему и стоял так минут десять.

Охранник Урра легко подхватил молчащую девчонку подмышку и потащил вслед за тяжело ковыляющим хозяином. Вернувшийся Альден задумчиво проводил взглядом шамана и изящно сел на труп кольчужника.

Гуль все еще жевал...

Длинный Дом. Единственная могучая династия в этом мире. Кроме эльфов. Остальные королевства все время грызутся между собой и полнят землю трупами. Южане воюют только с эльфами. И то открытых столкновений давно не было. Лишь мелкие пакости.

С Длинным Домом ни одно королевство связываться не станет. Бояться. Но их представительница находится далеко на севере. Много дней пути от своих земель. Зачем?

С другой стороны – неплохой барыш. Хотя как его получить? Обитатели Дома никогда не простят такого унижения... А отряду еще надо границу пересечь. Там их искать не станут.

Все-таки жаль банду: хорошая команда была.

Мирон набрал еще ведро воды и жадно напился.

Жарко...

* * *

Ее звали Тамаса. Выскорожденная из Длинного Дома оказалась в этих землях случайно. Сбой портала. Маг, открывший эту дыру, погиб от всплеска энергии. Четверых охранников девушка потеряла в лесу в схватке с оборотнями. Последнего завалил Мертвец.

Тамаса заговорила только в тот момент, когда в комнате остался лишь Мирон. Да Мертвец, редко отходящий от своего командира. Собачья преданность.

Девчонка испугалась банды Мирона. Потому и молчала. Так она объяснила это атаману. Он сделал вид, что поверил.

Выскорожденная ничего не просила, не умоляла... Она лишь смотрела на него чарующим взором темных глаз, в которых стыла обреченность. Может, именно это и убило Мирона? Матерый разбойник никогда не видел такого взгляда. Страх, ужас, боль, ярость, презрение – этого хватало с избытком. Обреченность... Подобного не было.

Тамаса...

Всю ночь он ворочался в кровати, где еще вчера спал кто-то из жителей поселения, и не мог заснуть. Дело было не в диких воплях насилуемых женщин, с которыми развлекались Гык и Молот. И даже не в вое привязанного к забору гуля.

Дело было в ее глазах. Мирон строго-настрого запретил прикасаться к высокорожденной, чем заслужил обиду Альдена и мрачную улыбку Урра-Шамана. Ребята отойдут, он в это верил, но червяк сомнения с упоением грыз душу.

Тамасу стерегли Мертвец и охранник шамана. Эти двое никогда не пропустят к девушке кого-то из раздухарившихся ребят и сами ничего не сделают. Падший далек от эмоций, а слуга Урра, по всей видимости, был обычным орочьим големом.

Но Мирон никак не мог успокоиться, все время возвращаясь к мысли о безопасности пленницы. Что за ерунда? Он же не щенок, чтобы влюбиться в какую-то куклу?

Только почему он не хочет, чтобы с ней случилась беда?

* * *

Наутро банда двинулась дальше, оставляя за собою вырезанное поселение. Тела женщин Молот насадил на два кола перед колодцем. Тамаса, видевшая это, потеряла сознание. Неженка.

Границу они пересекли через три дня. Погоня так и не вышла на их след, поэтому дальше можно было не скрываться и успокоиться, однако вечером к Мирону подошел Альден и довольно мрачно указал на Тамасу:

– Долго мы ее таскать за собой будем?

Тут же рядом оказался Молот; вечно хмурый разбойник в ожидании уставился на командира.

Мирон обернулся. Гык и Урр не сводили с него глаз. Видимо, разговор этот назревал довольно давно. Гуль, воспользовавшись заминкой, зарылся в опавшую листву и, довольно рыча, уставился на бандитов мертвыми глазами.

Лишь Падший да охранник шамана, которые замерли по обе стороны от Тамасы, никак не отреагировали на происходящее.

– Дойдем до ближайшего города и оставим ее там, – холодно сообщил Мирон.

– Обалдел? – отпрянул Альден. – Просто так отпустим?

Мирон встретил его изумленный взгляд и заставил эльфа отвести глаза в сторону.

– Трахнуть ее хочешь? – неожиданно проговорил обычно молчаливый Молот. Воин равнодушно посмотрел на командира, а потом на Тамасу.

– Претензии? – Молота Мирон побаивался, но ни разу не показывал вида. Иначе какой он командир?

– Мне плевать. Трахай и закапывай, честно. Но вести ее дальше – не стоит. Лишний груз и лишние нервы, – разбойник хладнокровно пожал плечами.

– Позволь мне решать, лишний это груз или нет, – процедил Мирон.

– Не кипятись, брат! – Гык вклинился между людьми, беспокойно глядя на командира. – Не кипятись. Самку никто не тронет, только давай ее здесь оставим? Пусть даже живой! Не надо вести ее в город. Если она кому-нибудь проболтается о нас...

Мирон внимательно выслушал слова старого друга.

– Не могу, брат. Доведем ее хотя бы до тракта какого... Не могу, пойми. Не хочу ее смерти! – неожиданно признался он.

Орк склонил голову, глядя в глаза атаману. Повисла тяжелая тишина, которую нарушил глухой рык гуля.

– Че как? – прохрипел он.

– Отложим этот разговор, – неожиданно сдался эльф. – Но обязательно к нему вернуться!

Мирон стиснул зубы, проводив взглядом спину Альдена. Впервые в его банде зреет бунт. Обычно выскочек клали свои же. Обернувшись на Тамасу, атаман поймал ее взгляд и улыбнулся. Он отпустит девушку на первой дороге, спасет себя, банду и высокородную. Скорее бы...

Ночью Альден, как и обещал, вернулся к разговору. Мирон вздрогнул, когда силуэт эльфа оказался перед уставшими за день глазами.

– Командир, что с тобой творится? – без предисловий начал Альден. – Тебя околдовала южанка, да? Ты сам не свой!

– Она совсем молодая, – тяжело выдохнул Мирон, не ожидая такой заботы в голосе эльфа. – Я хочу, чтобы она жила.

– Да какое тебе до нее дело?! – в сердцах прошипел эльф. – Уже никто и не думает о том, чтобы ее по кругу пустить, ребята волнуются, что она нас просто сдаст. В этом королевстве нам ничего не грозит, пока не всплывет все то, что мы учудили у соседей.

– Не сдаст она нас. Мы же ее спасли, – поморщился Мирон.

– Спасли? – хмыкнул эльф. – Южане таких, как ты, за диких животных держат. Спасли... Тьфу!

– Мы выйдем на дорогу и отпустим девчонку, а сами на предельной скорости ломаемся в глубь королевства. Ищи-свищи. Никто нас не найдет!

– Она охмурила тебя, командир, – Альден покачал головой. – Южная сучка тебе околдовала...

Мирон напрягся, горя желанием вбить слова эльфа обратно в глотку. Альден почувствовал его настрой.

– Ладно, – поднялся он. – Будь по-твоему. Но ты неправ.

* * *

Утром отряд в полном молчании снялся с места. Мирон то и дело ловил на себе мрачные взгляды товарищей. Он видел злость в глазах друзей, которая просыпалась, стоило кому-нибудь посмотреть на Тамасу. Банда умирала. Ребята, с которыми он прошел тысячи миль... Десятки месяцев...

Проклятье!

Весь день и вечер никто так и не заговорил. Между собой разбойники еще общались, а вот Мирона старались игнорировать. Верная тактика. Сердце атамана обливалось кровью и рвалось на части. Это его братья... На кого он их променял? На кареглазую красотку?! Да кто она такая?!

Остановившись на ночлег, отряд так же молча отошел ко сну. Только Мирон не мог успокоиться. Глупость! Какая же это глупость. Ему тридцать шесть лет, за спиной недолгая, но насыщенная жизнь. Сколько таких баб прошло через его руки и руки его ребят? И что теперь?

Ее надо убрать. Необходимо. Иначе смерть банде.

Но какие же у нее глаза...

Медленно поднявшись, Мирон потянул из ножен кинжал. Тамаса спала на отшибе, связанная по рукам и ногам. Бесшумно подойдя к девушке, атаман сглотнул набежавшую слюну. Отряд или она? Старые друзья или случайная встреча? Дружба или...

Оскалив зубы, Мирон мотнул головой. Высокороденная была хороша даже во сне.

Сейчас ее глаза закрыты. Он не увидит в них страха. Он их больше никогда не увидит...

Глухо зарывчав, Мирон присел над девушкой. Сердце отбивало дикий ритм, в висках агонизировала кровь. Отряд или она?

Девушка пошевелилась во сне, и это словно подстегнуло атамана. Вскинув руку с кинжалом, он прицелился ей в сердце.

Скрежет.

Рука в латной перчатке перехватила его руку. Изумленно обернувшись, Мирон увидел Мертвеца. Воин остановил удар и сейчас слегка покачивал головой, словно запрещая командиру даже думать об убийстве.

– Ты чего? – изумленно спросил Мирон.

Мертвец лишь еще раз покачал головой, затем указал на девушку и махнул рукой на юг. Тамаса открыла глаза и испуганно вздохнула, увидев над собой двух бандитов.

– Ты... – понял Мирон. Падший предлагал ему бежать. Вместе с Тамасой. Или ей одной?!

– Что происходит?! – во тьме появился силуэт эльфа. Альден стоял с натянутым луком и переводил оружие с Мертвеца на атамана, словно не зная, в кого стрелять.

На его окрик проснулся весь лагерь. Привязанный к дереву гуль радостно завыл.

Шаман и его охранник настороженно оглядели поляну, пытаясь понять, что случилось. Гык и Молот бросились к элфу. Один на помощь, второй остановить...

– Мертвец? – Альден наконец определился с целью и наконецник уставился в забрало Падшего. Воин медленно отпустил руку атамана.

– Альден, убери лук, – Гык толкнул эльфа в спину, но орка сразу же оттащил Молот. Эльф еле удержал стрелу и зло выругался.

– Альден! – не унимался Гык.

– Что случилось, Мирон? – подал голос Урр. Стрый шаман подковылял поближе, сопровождаемый своим охранником.

Атаман не знал что сказать. Он все еще изумленно смотрел на Мертвеца. Падший остановил его руку! Зачем?!

В тишине послушался хруст позвонков, Мертвец размял шею.

– Не шевелись! – немного испуганно выкрикнул эльф.

– Мужики, хватит! – Гык, удерживаемый Молотом, еще раз попытался вырваться.

– Отпусти его, Молот, – проворчал Урр. Его телохранитель сразу же вцепился глазами в лицо человека.

– погоди, – холодно сообщил тот. – погоди... время решить все вопросы.

– Ты хотел ее убить, командир? – не отрывая глаз от Мертвеца, спросил эльф.

Мирон с трудом кивнул.

– А он тебя остановил?! – Альден мотнул головой. – Падший?! Тебя?!

Тамаса испуганно смотрела на атамана. Девушку начала бить крупная дрожь.

Мирон в шоке оглядывал поляну. Стрела, смотрящая в забрало Мертвеца, удерживаемый Молотом орк, рвущийся с веревки гуль. Готовый атаковать охранник Урра.

И дрожащая Тамаса.

– Убери лук, Альден, – с трудом приказал Мирон.

– Чего? – удивился эльф.

– Лук убери!

Стрела дрогнула.

– Он оспорил решение командира, – напомнил Молот.

– Вы все его уже оспорили, – фыркнул атаман. – Утром можете развлечься с девчонкой.

Надоело. Мертвеца не трогать!

Падший повернул голову к Мирону. Атаман почувствовал его недоумение.

Гуль еще раз взвыл.

– Заткнись! – бросил ему Мирон. Тварь послушно замолчала, обиженно глядя на хозяина.

Стараясь не смотреть на Тамасу, Мирон побрел к своему плащу и завалился спать.

Надоело...

– А почему не сейчас? – с подозрением окликнул его эльф.

– Пусть еще раз увидит солнце. При свете дня она красивее, – буркнул атаман.

– Вот это другое дело, – хохотнул Молот, отпуская Гыка. Орк изумленно переводил взгляд с атамана на девушку.

Надоело...

Разбудило Мирона не утро. Тяжелая рука хлопнула его по плечу, вырывая из объятий сна.

– А?

Мертвец прижал к шлему руку, призывая молчать. Заспанный атаман, ничего не понимая, огляделся. Все еще спят...

В руку Мирона легла веревка, к которой был привязан гуль. Верная тварь истекала слюной, шаря по лицу хозяина пустым взглядом. Мертвец указал рукой направо.

Повернувшись, Мирон увидел Тамасу. Девушка стояла возле дерева, испуганно глядя на спящий лагерь. Развязанная...

Мертвец?

Больше ничего говорить не надо... Мирон понял без слов. Бесшумно снявшись с места, он подошел к девушке и тоже посмотрел на лагерь, на темные фигуры спящих вокруг тлеющего костра.

Гуль прорычал и попытался укунить подол платья Тамасы, но, отдернутый в сторону, жалобно проскулил и припал к земле.

– Мы уходим? – с надеждой произнесла девушка.

Мертвец встал в центре лагеря и обнажил меч.

– Уходим...

Развернувшись, Мирон увлек за собой девушку. В лес... Подальше отсюда.

Гык... Прости меня друг...

Исчезая в чаще, бывший атаман слышал хруст позвонков. Что будет дальше – он уже знал.

Тамаса с трудом поспевала за скользящим среди деревьев Мироном, гуль семенил рядом с хозяином, периодически оглядываясь на южанку.

Вдали, в лесу, слышались крики и звук боя.

Мирон пытался заткнуть уши, чтобы не слышать этого, но лязг стали звучал уже в сердце.

Бежать!

Бежать!

* * *

К полудню они ненадолго остановились на небольшой поляне. Тамаса устало опустилась на поваленное бревно и задумчиво теребила подол платья. Гуль, порывая, косился на хозяина недоумевающим взглядом.

– Все, Струр, все, – горько улыбнулся ему тот.

– Че как? – хрипло поинтересовалась тварь. – Че как...

– Я попробую довести тебя до тракта и отправлю с первым же караваном на юг, – повернулся к Тамасе Мирон.

Девушка промолчала. Она даже не подняла голову.

Гуль недовольно заворчал и внезапно подскочил, глядя в сторону, откуда они пришли.

Мирон знал, что это значит. Поднявшись, он потянул из ножен меч.

На краю поляны стоял Альден. Испачканное кровью лицо светилось яростью.

– Ты предал нас, Мирон! – прошипел эльф. Скрипнула тетива.

От стрелы не уйти...

Гуль заскулил, подбегаясь для прыжка.

– Все погибли, – гневно сплюнул Альден. – Мертвец перебил всех! Гык тоже погиб, знаешь? Твой лучший друг! И все из-за бабы?!

Тамасу вновь колотила дрожь, девушка так и не подняла взгляда.

– Гык... – Мирон поморщился от боли.

– Да, Гык! Этот идиот решил помочь Мертвецу! Кстати, ты знаешь, что Мертвец-то южанином оказался! То-то он о девке так пекся!

Гык...

Гуль неожиданно метнулся вперед, на эльфа, но тренькнула тетива, и визг подбитой твари оглушил лес. Корчась на траве, Струр умирал. Взгляд нежити метался из стороны в сторону, пока не остановился на лице Мирона. Скуля, тварь поползла к хозяину.

– Гнилой мох! – выругался эльф.

Гуль, поскуливая, замер, не отводя мертвых глаз от Мирона. Бывший атаман пошатнулся от тоскливой преданности во взоре чудовища. Бросившись к нежити, он упал перед тварью на колени. Слюнявая морда ткнулась в ноги хозяина. Подрагивая, гуль жалобно скулил.

– Струр, – Мирон погладил умирающего монстра.

Нежить, успокоенная руками хозяина, замерла.

– Гнилой мох! – снова воскликнул эльф. – Проклятье! Ты убил всех, кто тебя любил, подонок! Ради чего?! Я не хотел убивать Струра! Не хотел убивать Гыка!

Мирон не отводил глаз от застывшего гуля. Теперь тот окончательно мертв...

– Не хотел! – эльф опустил лук. – Мертвый лес... Ты идиот, Мирон...

Человек поднял глаза на эльфа.

– Я знаю, Альден...

Хлопок заставил обоих бандитов оглянуться на Тамасу. Рядом с девушкой мерцал портал, из которого выскакивали вооруженные люди.

Южане.

Лучники мигом взяли на прицел обоих разбойников. Последним из портала вышел высокий мужчина.

– Папа! – воскликнула Тамаса и вскочила на ноги. На лице девушке горело счастье. – Ты нашел меня!

– Пришлось повозиться, – с улыбкой развел руками южанин и с подозрением посмотрел на бандитов. – Ты в порядке?

– Папа...

Мирон смотрел на обнявшихся южан и грустно улыбался. Она спасена... Но стоило ли?

– Что делать с этими двумя, госпожа? – неуверенно произнес один из лучников.

Тамаса оторвалась от отца и посмотрела на разбойников.

– Убить... Обоих!

Свист стрел...

Мирон умирал. Солнце насмешливо грело землю и ехидно скалилось сквозь кроны одинокими лучами. Сосны с грустью смотрели на два тела у своих корней. Птицы скорбно пели панихиду. А Мирон умирал...

Юлия Зонис. Говорящий с ветром

*...И улыбнется нам в конце дороги
Товарищ Моргот, товарищ Моргот.
Карен Налбандян*

В его сердце пел ветер.

«Се ра. Се ра шанс куо на мори».

Ветер пах пыльной травой, сухими пропеченным солнцем венчиками соцветий. Ветер пах горами в синей дымке, с белыми просверками ледников на вершинах. Се ра... Это было давно.

Малек на Лабад по прозвищу Синий Лис не любил вспоминать резервацию, потому что за воспоминанием всегда следовала боль. Лучше вспоминать интернат. Зачастую Малек так и делал, стоя на крыше переговорной станции, за низким железным ограждением.

В интернате их было всего семеро. Семеро мальчишек из разных концов страны, из трех оставшихся резерваций. Мужчины и женщины его племени редко рожали детей. Как шутили л'амбар – люди, смертные: «Остроухие плохо размножаются в неволе». Глядя на кипящую полосу прибоя внизу, в черных, обточенных морем камнях, Малек вспоминал интернат.

Если семеро мальчишек, детей вымирающего племени, живут в одном доме, логично предположить, что они станут друзьями. Однако было не так. Нижние, аль-ра, Дети Равнин, никогда не дружили с верхними, имман-ра, Детями Гор. Да и между собой не слишком дружили.

Переводя взгляд с каймы белой пены, жмущейся к скалам, на высокое, чернильно-синее небо в белых крапинках звезд, Малек думал о Хорихе. Их с Хорихом забрали из одной резервации, расположенной в равнинных землях у подножия Хейт-ваан, Обрывистого Хребта. Их матери дружили, их отцы пасли скот на одной скудной земле. Их деды и прадеды входили в Совет племени. Но Хорих не был его другом. Хорих вечно был недоволен – кормежкой, учителями, запахом в dormitorio. В черных глазах Хориха плясали гневные искорки, временами разгоравшиеся в темный огонь. Когда их с остальным классом возили на экскурсию в город, Хорих кривил губы и шипел: «Это не нам показывают их. Это им показывают нас. Диковинных зверюшек». Из семерых воспитанников интерната Хорих больше всего походил на л'амбар. Сними с него унылую школьную униформу – мешковатые брюки из бурой ткани и такую же куртку – и переодень в клетчатую рубашку и шорты, он вполне бы мог сойти за одного из тех пацанов, что плялились на их автобус из-за беленых оград. Если бы не чернота глаз, беспросветно-темных, без белка. У самого Малека в глазах плескалась чернильная синева ночного неба. У верхних глаза были пронзительно-голубые, как вода их горных озер, питавшихся от самих ледников.

И все же Хорих был примерным учеником, а он, Малек, не преуспел ни в одной науке, кроме той, ради которой их и собрали в интернат. Все они вырастут и станут переговорщиками. Их наймут богатейшие корпорации. Их будут использовать на правительственной службе и, особенно, в армии. Л'амбар не умели говорить с ветром, а их «радио» не умело хранить секреты.

Стоя на крыше переговорной станции и глядя то на бушующее внизу море, то на плоский, усыпанный валунами берег, то в небо, налившееся такой же, как у него в глазах, синевой, Малек пытался понять – почему он так часто думает о Хорихе? Может быть, все дело в том, как тот покинул интернат? Может, Малек ему завидовал? Может, надо было поступить, как Хорих, а не покорно сидеть на уроках, пялясь в окно на опадающую листву кле-

нов и слушая монотонную бубнежку учителя? Может, не стоило пропускать мимо ушей все эти «кормишь их, кормишь двадцать лет... проклятые остроухие, когда же они, наконец, повзрослеют? Когда возьмутся за дело?» Может, не надо было покорно принимать назначение и ехать на островок в море Эккайя, на почти заброшенную переговорную станцию под дурацким названием «Жемчужная Гавань»? Самое смешное заключалось в том, что тут не было никакого жемчуга. Ни раковин жемчужниц, ни ловцов жемчуга, только военные самолеты и военные корабли.

Может, и надо было поступить, как Хорих. Иначе почему в последние дни он так часто думает о Хорихе?

* * *

Я обыграл толстого полковника в карты. Это было особенно приятно потому, что потливый жирный хрен никогда не упустил случая меня поддеть.

– Рихе, говорил он, – почему ты не носишь черные очки? Тебе надо носить черные очки, и тогда никто не поймет, что ты из рьеханов.

Р'ха – «Говорящие» – так он коверкал имя моего народа. За одно это следовало его обчистить и пустить голеньким плясать по палубе.

Смахнув со стола карты, полковник забормотал что-то о расписке. Я улыбнулся. Моя улыбка всегда нервировала л'амбар. Сами они гордо именовали себя людьми, не подозревая, что на нашем языке слово «л'амбар» означает не только «немой», но еще и «недоумок». И полковник был, конечно, неправ. Нацепи я хоть три пары темных очков, улыбка меня мгновенно бы выдавала. Зубы у нас острее, чем у этих всеядных, пожирателей падали, клубней и травы. Даже их наука подтверждает, что травоядные всегда тупее хищников.

Полковник Такеси Того все же отдал мне деньги и, недовольно морщась, развернул на заляпанном столе карту. Махнув рукой, чтобы отогнать от лица наполнивший каюту табачный дым, он ткнул коротким и толстым пальцем в одинокий островок. Островок был частью архипелага с непроизносимым человеческим названием, но полковника интересовал только один порт. «Жемчужная Гавань». Еще одно недоразумение л'амбар. Никакого жемчуга там отродясь не водилось, и эти недоумки не понимали, откуда взялось такое название. Жемчужный, цвет жемчуга – серебристо-серый. Мои одноклассники были не слишком внимательны на уроках истории, а вот я времени даром не терял. В отличие от других островов архипелага, этот островок когда-то был частью полуострова – западной оконечностью континента, который мы считали своей родиной. Когда-то из его гавани на Запад уплыли белые корабли. С тех пор материки сдвинулись, и море затопило перешеек, стерев с лица земли поселки и города. Однако память моего рода оказалась воде не по зубам. Я помнил, как помнил мой отец и дед, и дед деда – тысячелетия назад огромный флот покинул Серебристую Гавань, и где-то за белой полосой прибоя и бесконечностью волн жили наши.

Перед отплытием тот, кто вел корабли, поклялся, что сожжет все суда и никогда не вернется на оскверненную землю. Он уплыл, уплыли и те, кто пошел за ним. Мы остались. Неверный выбор.

– У них там есть переговорная станция, – прокаркал мой полковник.

Голая электрическая лампочка под потолком мигнула и вспыхнула ярче. Каюта полковника была тесна, но все же он ухитрился впихнуть сюда эти вечные человеческие *мементо*, выцветшие фотографии в траурных рамках. Со стены над заправленной койкой смотрели женщины, дети, старики, позирующие перед одноэтажными домиками с плоскими крышами, с маленькими бассейнами, с уродливыми статуями божков. За рамку одной фотографии даже был заткнут сухой букетик какой-то дряни. Сентиментальность присуща своло-

чам, а мой полковник был той еще сволочью. Я знал это прекрасно, ведь он курировал меня последние пять лет.

– Рихе, ты должен нейтрализовать их переговорщика.

Еще он любил красивые ученые слова. Нейтрализовать... Обычно под этим подразумевалось «убить», но не сейчас. Просто заглушить. Я снова препогано ухмыльнулся. Заглушить – нет проблем. Недаром еще в интернате я был лучшим учеником в своем классе, хотя наставник и хвалил другого. Хвалил до того самого дня, когда...

* * *

Бессмертным нет дела до человеческих войн. Слишком краток и суетлив век л'амбар, сложно уследить за всеми их бессмысленными поступками. В тот год, когда родился Малек – один из последних отпрысков захудалого племени – как раз отгремела одна великая война. А когда их класс заканчивал обучение, на горизонте замаячила вторая. Малек мало знал об этой близящейся войне и вообще плохо различал смертных. Знал, что те, чьи налоги шли на его обучение, ходили в клетчатых рубашках и джинсах, жевали жвачку и очень любили свои права, обозначенные в конституции. Их противники говорили по радио лающими голосами. Их другие противники кричали еще яростней, и даже по радиоволнам доносился их неприятный рыбий запах, смешанный с запахом кишечных газов и горелой травы.

Неподалеку от интерната тоже были горы. Хорих, вечный заводила, прокопал ход под колючей проволокой. Как-то ночью все они, семеро мальчишек, сбежали. Миновав поля с шепчущей кукурузой, стали подниматься все выше и выше по узкой тропе между сосен. Белые камешки скатывались из-под ног. Светила луна. Воздух делался все холодней, а Малеку становилось все неуютней – он не любил высоты. Даже четверке верхних было, кажется, не по себе – они двигались плотной группкой, жались друг к другу и тихо переговаривались на своем щебечущем языке. Только Хорих бодро мчался вперед, прыгая с камня на камень и подставляя лицо луне. Когда, миновав опасный участок с осыпью, они выбрались на плоскую седловину, Хорих дождался Малек и тихо сказал ему:

– Знаешь, что там, на той стороне хребта?

Малек пожал плечами. Какое ему дело до той стороны хребта – вся его жизнь проходила в стенах интерната и на голой игровой площадке за учебным корпусом. Сейчас, на ветреном и холодном просторе, ему было зябко и хотелось вернуться в дом.

Глаза Хориха блестели, как вкрапления слюды в горной породе. Может, отражали луну, а, может, горели собственным внутренним огнем.

– Там военный аэродром, где испытывают новые модели истребителей. И переговорная станция.

При словах «переговорная станция» Малек чуть оживился. Может быть, его направят туда после окончания учебы?

– Слышал иногда рев в небе? Видел белые полосы над горами?

– Пойдем домой, – тихо попросил Малек.

Он дрожал от холода. Хорих презрительно улыбнулся. Острые белые зубы сверкнули.

– А где твой дом, аль-ра? Ты хотя бы помнишь, как наши предки получали имена?

Малек вздрогнул еще сильнее. Найр-ха, Ритуал Посвящения, когда дети народа аль-ра уходили в бесконечные, заросшие травой равнины, и там встречались с ветром. Один на один, без свидетелей, и ветер принимал их, и давал им подлинное, настоящее имя.

– Ты не пойдешь на равнины, – проговорил Хорих, и это не было вопросом. – Ты не знаешь, как тебя зовут на самом деле. Ты будешь, как раб, сидеть на переговорной станции и передавать сводки с цифрами и словами, значения которых не понимаешь. Ведь так?

Прежде, чем Малек успел ответить, Хорих развернулся и побежал вниз по тропе – только камни запрыгали из-под ног. Черная тощая фигурка в белом свете луны на горном склоне, и никого вокруг... Малек подумал тогда, что Хориху не надо уходить ни на какие равнины, чтобы остаться в одиночестве и говорить с ветром. Он всегда был один, даже рядом с другими. Как, впрочем, и любой из них, выживших, сумеречных... синдар? Кажется, так называли их народ когда-то, до того, как белые корабли покинули Серебристую Гавань. Но это было давно. Изменился их облик, язык и даже память, и только ветер все так же гудел над огромной равниной – некогда покрытой густым лесом, а теперь пустынной и голой. Покачив головой, Малек начал осторожный спуск вниз, к душному теплу их неродного дома. И в этот миг ветер тихонько шепнул ему на ухо: «Прощай. Прощай навсегда, Синий Лис».

Больше они с Хорихом не разговаривали до того самого дня, когда...

* * *

В самый разгар нашей интересной беседы с полковником дверь каюты распахнулось. Из коридора пахнуло машинным маслом, а на пороге выросла широкая фигура. Фуражка с высокой тульей зацепилась за косяк и чуть не слетела у фигуры с головы. Фигура заругалась на лающем языке. Душка Отто, он никогда не стеснялся в выражениях.

Сняв фуражку с головы, оберштурмбанфюрер обтер потный лоб, шагнул в каюту и бесцеремонно отодвинул низкого и круглого полковника в сторону.

– Хорьхе, – сказал он, и шрам на его щеке забавно задергался в такт словам, словно издыхающий под каблуком червяк.

Отто был драчуном в студенческие годы, и шрамом его наградила какой-то безвестный противник, слишком хорошо владевший шлегером. Жаль, что не угодил в глаз. Хотя я не сомневался, что Душка Отто предусмотрительно нацепил защитные очки. Он всегда страховался и всегда падал на четыре лапы, с какой высоты ни швырни. В отличие от господина Того он мне нравился, хотя был куда большей сволочью, чем мой неказистый полковник.

– Хорьхе, скажи мне, что твое маленькое эльфийское сердечко трепещет.

Я кисло скривился. Когда меня называли эльфом, я хватался за пистолет – в самом буквальном смысле, за свой Вальтер П-38, который таскал уже года три.

– И с чего бы ему трепетать?

Отто расплылся в улыбке, отчего червяк на его щеке принял окончательно непристойные очертания.

– Совсем скоро мы встретимся с нашими союзниками.

Я картинно заломил бровь. Серьезно? Я должен радоваться встрече с авианосцами Ямато? Которых и было-то всего три штуки – империя, как ни пыжилась, не успела отстроить нормальный флот к началу кампании. Возможно, этого достаточно, чтобы захватить врасплох базировавшуюся в порту Жемчужной Гавани эскадру. Возможно. Однако для полномасштабного сражения с флотом моей дорогой бывшей родины силенок у «наших союзников» – соплеменников господина Того – было явно маловато.

Примерно в таком ключе я и высказался. Полковник и оберштурмбанфюрер переглянулись, и мне это обмен взглядами очень не понравился. Игра в гляделки завершилась тем, что полковник уставился в пол, а Отто театрально расхохотался.

– Нет, – сказал германец, продышавшись. – Я говорил не о военно-морском флоте Ямато, наш остроухий дружок.

Мои пальцы почти коснулись кобуры, когда корабль вдруг задрожал. Застонали переборки, палуба под ногами заходила ходуном. Будь наше судно легонькой яхтой, я решил бы, что мы попали под удар шквального ветра. Но «Окумия» был тяжелым крейсером, и, вдобавок, еще пару часов назад на море царил полнейший штиль. Какого?..

– Выгляни и посмотри, – ухмыльнулся Отто. – Выгляни, мальчик мой, и посмотри.

* * *

В тот день интернат наводнили люди в серо-зеленых армейских униформах. Может, пришельцев было не так уж и много – наверняка не больше двадцати – но их присутствие было громким, наглым и непривычным, поэтому казалось, что л'амбар повсюду. На самом же деле они, согнав учеников в один класс, оцепили школу, и внутри осталось лишь двое. Один высокий и костистый, и что-то неуловимое – легкая острота черт, чуть-чуть иной запах – показывало, что в жилах его течет сильно разбавленная кровь народа р'ха. Такие союзы случались еще в прошлом столетии, и лишь после великой войны их окончательно запретили. Возможно, прадед или прабабка высокого жили в той же резервации, откуда забрали Малека и Хориха. Жили тогда, и живут по сей день, а вот этому не досталось долгого века. Оттого такие полукровки были особенно злы.

Второй, низенький, одышливый, налившийся нездоровой кровью, был чистопородным л'амбар и поглядывал на товарища косо. Еще одна причина для ненависти.

Первого звали полковник Джефферсон. Второго – капитан Крик. Еще в аудитории остался наставник-переговорщик, Серкан но Лониль. Больше никого.

Полковник Джефферсон, сцепив за спиной длинные руки, прошелся перед грифельной доской. Он покачивал головой и был очень похож на богомола, которого Малек поймал однажды в степи.

– Надеюсь, мне не надо объяснять вам, – начал Богомол скрипучим голосом, – какие огромные деньги государство тратит на ваше содержание и обучение. Надеюсь также, что вам понятна важность задач, которые мы поставим перед вами в будущем, и в первую очередь необходимость хранить строжайшую секретность.

Малека тут же потянуло в сон, как и всегда, когда наставники говорили слишком длинно и скучно. Оттого-то он и считался худшим учеником в классе. Безразмерные человеческие слова просто не лезли в уши, а обучение проходило на языке л'амбар – это было одним из школьных правил. Может, дело в том, что в наречии р'ха просто не было тех понятий, что учителя пытались вдолбить в головы нерадивым ученикам.

Малек оглянулся на Хориха. Тот сидел за своей партой в правом ряду, ближе к двери, и слушал внимательно, как всегда. Только глаза у него блестели... нехорошо блестели, почти как той ночью на горе.

– Нам стало известно, что один из учеников школы сумел подслушать переговоры, ведущиеся на станции «Клифф-12», и что информация попала в нежелательные руки.

Он так и сказал «нежелательные руки». Малек глупо ухмыльнулся – ему тут же представился л'амбар с лишней парой рук. У л'амбар была длинная и острая физиономия полковника Джефферсона, и картинка вышла очень правильной – ведь у богомолов по шесть лап.

Полковник вскинул голову и обвел класс внимательным взглядом.

– Я хочу, чтобы тот ученик – или те ученики, которые в этом замешаны – сами встали и признались в совершенном преступлении. И далее, мне хотелось бы знать мотивы, подвигшие вас на предательство, и уяснить...

Человек не договорил, потому что Хорих медленно, с ленцой встал из-за парты и сказал:

– Это сделал я. А почему, ты все равно не поймешь, полукровка. Если уж кто тут и совершил предательство, то не я, а ты и такие, как ты.

В аудитории воцарилось молчание. Стало слышно, как бьется о стекло ошалевшая осенняя муха. И Малек понял, только сейчас понял, что все это серьезно, что это не шутка

и не очередное испытание – как презрительно замечал Хорих, «проверка на вшивость». Что все так и есть. Се ра. Се ра, пропел ветер в его сердце, се ра, и оконные стекла задрожали под шквальным ударом. Малек еще успел подумать, что это, должно быть, ветер прощается с Хорихом – а может, рвется внутрь, чтобы пропеть обреченному сыну народа р’ха его подлинное и единственное имя...

Хориха в тот день забрали, и Малек больше о нем ни разу не слышал. Потянулись мучительные месяцы проверок, годы недоверия... и вот, война. Война все списала, потому что л’амбар не умели говорить с ветром, а их «радио» не умело хранить секреты.

А Хориха, наверное, казнили. Смертные очень любили казнить. Их жизнь, короткая, как пляска светляка, не имела для них никакой цены. Так почему же, стоя на крыше переговорной станции «Жемчужная Гавань» и глядя на фосфорический прибор, где миллионы и миллионы мелких существ растрачивали свой огонь на бессмысленное свечение, Малек так часто думал о Хорихе?

* * *

Это был смерч, но такого смерча я никогда не видел. Огромная воронка, перекрывшая полгоризонта и увенчанная короной лиловых молний. Молнии освещали море прерывистым светом, и поднятая в воздух водяная масса была полупрозрачна, как опал. Опал высотой с гору. Наш крейсер плясал на волнах, словно ореховая скорлупка. Матросы суетливо носились по палубе, разносились свистки и вопли офицеров. Самое жуткое в смерче было в том, что он ворочался над морем в полном беззвучии. Эти миллионы тонн воды должны были реветь, грохотать, безумствовать, как худшая из горных выюг. Однако смерч молчал. Я оглянулся на полковника. Вцепившись в поручень и побелев до того, что сейчас вполне бы сошел за германца, Того отвалил челюсть и выпучил глаза. Стоявший рядом Отто казался невозмутимым. Он снова нацепил фуражку на свою густую черную шевелюру и смотрел на смерч, оценивающе прищутив глаза. Союзники, говорил он. Какие, Ульмо их поберут, союзники могли устроить такое?!

К нам подбежал взмыленный вахтенный офицер и, пуча глаза совсем как Того, пролаял: – Капитан просил уточнить приказ.

Отто царственно воздел руку, указывая на гигантскую водяную стену.

– Идем туда.

Офицер мотнул головой, словно его укусил москит, и умчался на мостик. Я ощутил, как губы невольно расползаются в усмешке. Самоубийство, но какое красивое. Да, Душка Отто знал толк в красоте. По лицу хлестнули водяные брызги. Я откинул голову и расхохотался, потому что это было весело, да, очень весело, господа!

* * *

– Эй, Малек!

Малек оглянулся. По имени к нему обращался только один человек – радист, веселый рыжеволосый парень из Яблочного Штата. Кажется, этому парню – Джеку, Джону? – было совершенно плевать на то, что рядом с ним работает нелюдь. Он даже, не боясь дурного глаза, показал однажды напарнику фотографию своей девушки: такой же курносой, рыжей и веснушчатой, и, наверное, такой же веселой. Джек-Джон принимал обычные радиосводки, отчеты метеорологов и прочую не засекреченную информацию. Малеку досталась более трудная миссия, и, вероятно, более почетная, только никто не спешил почитать его за выполненную работу.

– Мал, только что мне свистнули с метеостанции. Похоже, они засекли ураган, который движется в нашу сторону. Слезал бы ты с крыши.

Джек-Джон говорил, откинув крышку люка, ведущего вниз, в рабочие помещения. Из люка бил свет. Антенна за спиной человека начала низко гудеть. Малек ощутил странную щекотку, напряжение, разлитое в воздухе. По коже словно бежали электрические змейки. Гроза, похоже, и правда будет сильной.

Ковырнув ногой покрывающий крышу гудрон, Малек ответил:

– Сейчас спущусь.

– Ладно. Давай.

Человек скрылся в люке. Малек, сощутив глаза, всмотрелся в горизонт. Все та же полутьма-полусвет, фосфорическое свечение у самой кромки прибоя и чернильный мрак вдалеке. Ни шороха, ни дуновения, лишь чуть заметная дрожь – как будто мыльная пленка этого мира рвалась под напором изнутри. Немного похоже на то, что он когда-то чувствовал в Гранитных Зубцах... Откуда такие мысли? Р'ха хмыкнул. Вот так вспоминаешь, вспоминаешь и довоспоминаешься до того, что стирается граница между настоящим и прошлым, реальностью и воспоминанием, и даже своей памятью – и чужой. Таков уж дар народа р'ха – в каждом из них, как солнце в капле воды, отражались все минувшие поколения.

Но это воспоминание принадлежало самому Синему Лису.

* * *

Мы шли сквозь огромную волну, раздавшуюся, словно воды Тростникового Моря в легенде л'амбар. Матросы старались не смотреть. Я не отводил глаз, но видел совсем другое. Вместо водяной стены с мертвецким лиловатым отблеском в глубине я видел вздыбившийся лед. Я видел воинов в светлых кольчугах, спотыкавшихся, падавших, резавших руки и ноги в кровь об эти острые льдины, и все же продвигавшихся вперед. Я видел оставшиеся позади тела с побелевшими лицами, с глазами, запорошенными пургой. Я знал имя – Хэлкараксэ – но не понимал, почему вдруг во мне проснулась чужая память.

А потом и это стало неважно, потому что мы миновали стену воронки, и я увидел корабли.

Они громоздились в водяном тумане, в самом зрачке смерча, как небывалый, всплывший со дна город. Черные бастионы над бастионами, ряды орудийных башен, дула бесчисленных пушек и дымовые трубы, закоптившие небеса до цвета грязного тряпья. От кораблей несло гарью и жаром, словно из жерла гигантской топки. И они были громадны – каждый раз в десять больше нашей «Окумии». Как они вообще держались на воде? Как эти плавучие крепости не переворачивались, не ломались пополам под собственным весом? Я не понимал.

Самое странное, что, несмотря на грубую материальность угольно-черных чудовищ, было в них что-то неверное, призрачное – словно, прорвавшись к нам из другого мира, они еще не до конца обрели плоть. Но даже в этом виде корабли были ужасны. Ужасны и прекрасны одновременно.

В дымовых тучах над ними парили аэростаты и низко гудели самолеты, похожие на стаи ос. Между машинами помельче виднелись темнотрохые колоссы, мало уступающие кораблям внизу. Бомбардировщики? Транспортники? Матки в осином рое...

Из-за плеча раздался хриловатый голос оберштурмбанфюрера:

– Что, Хорьхе, хороши?

Я обернулся. Полковник, утратив дал речи, пялился на невозможную флотилию. Во взгляде Отто сияло торжество, но имела там и немалая доля опаски. Что бы германец ни

ожидал увидеть здесь, в зрачке смерча – получил он гораздо больше ожидаемого. Я облизнул пересохшие губы и спросил:

– Кто они?

Оберштурмбанфюрер осклабился:

– Сейчас увидишь, Хорхе, сейчас увидишь.

Оглянувшись через плечо, он проорал:

– Шлюпка готова? Шевелитесь, черти узкоглазые, мне не терпится поприветствовать наших союзников!

И снова мне почудился страх в его вечной браваре. Я покосился на полковника. Если он и обиделся на «узкоглазых чертей», то виду не подал. Узкоглазые, остроухие... я ухмыльнулся. Для Душки Отто, похоже, весь мир был большим зоопарком. И экспонатов в нем только что прибавилось.

Заскрипела лебедка – матросы спускали шлюпку. С удивительным единством они отворачивали лица от черной флотилии. Кое-кто делал знаки от дурного глаза. Эти жесты я успел хорошо выучить, ведь обычно ими встречали меня.

Шлюпка, плеснув, закачалась у правого борта. Отто, развернувшись, зашагал к трапу. Я пожал плечами и пошел за ним. Вода за бортом была свинцово-серой, глянцевиной и гладкой, словно залитой маслом. И еще – здесь не было ветра. Совсем. Ветер молчал.

* * *

...Тогда они с Хорихом еще жили в резервации. Неподалеку от общинного пастбища, за высохшим руслом реки, высились каменные зубцы. Серый гранит, пропеченный солнцем, отбрасывающий бледную тень на травяную равнину внизу. Протиснувшись в треугольную щель между двумя зубцами, где при любой жаре снаружи всегда было сыро и холодно, оказывался на маленькой полянке. Здесь росли папоротники и пахло землей и влагой, и сюда почти никогда не падал солнечный свет. Кругом поднимались каменные стены, а на стенах пестрели рисунки. Звери и птицы, и совсем непонятные твари с распростертыми крыльями, с узкими ящеринными головами. Настоящие ящерки тут тоже водились – изумрудно-зеленые, с яркими бусинками глаз. Таких не встречалось на равнине снаружи.

Хорих вообще говорил, что это волшебное место, кусочек *астар* – былого. Говорил, что смертные сюда войти не могут.

И взрослые тоже не могли, но это как раз понятно – им ни за что бы не пролезть в тесную расселину между скал.

– Кто же оставил рисунки? – спрашивал Малек.

Хорих, сидя на корточках и водя пальцем по горбатой спине нарисованного бизона, спокойно отвечал:

– Такие же, как мы. Дети. Они ждали найр-ха, надеялись и боялись, и молились здесь своим детским духам. Потом, когда ветер называл им истинное имя, они забывали.

Малек наполовину верил, наполовину – нет.

А однажды Хорих добыл где-то синюю и черную едкую глину и сам сделал рисунок. На высоте глаз, на маленьком свободном участке. Он нарисовал синего лиса, бегущего по степи, и парящего в небе над ним черного коршуна, и сказал:

– Это будут наши тайные имена, до тех пор, пока ветер не откроет настоящие. Ты будешь Синий Лис, а я Черный Коршун. Никто, кроме нас, не должен знать. Поклянись.

И Малек поклялся. И Хорих тоже поклялся. Потом ему часто казалось, что Хорих забыл клятву. А вот Малек помнил. Никто не знал, что его зовут Синий Лис. Его звали Синим Лисом до сих пор, потому что ветер так и не дал ему истинного имени. И об этом не знал никто, кроме Хориха, но Хорих был мертв – а, значит, не знал никто вообще.

* * *

Я смотрел на татуировку на его щеке. Для этого приходилось задирать голову – он был намного выше даже немаленького Отто. Темные волосы без седины, правый глаз – цвета весеннего, набрякшего влагой льда. Левый глаз заменял механический протез, яркий сапфир в платиновой оправе. И эта татуировка... крест, солнечное колесо... свастика. На нем была фуражка с высокой тульей и черный мундир, так похожий и непохожий на мундир Душки Отто, что сразу становилось понятно, где копия, а где оригинал. Мне ни к чему было гадать по птичьим внутренностям или спрашивать у ветра, откуда принесло чужаков и кто они такие. Но Отто повел себя странно. Когда мы вошли в каюту, он замер у самого порога, вскинул руку в знакомом каждому салюте и проорал:

– Приветствую вас, партайгеноссе Штерненхиммель! Рад наконец-то лично встретиться с председателем общества «Ультима Туле», оказавшего столь значительную поддержку нашему делу...

Дальше я уже не слушал.

«Звездное небо». «Звездный свод». «Звездный купол». Хорошее имя для того, чей отец сам заделался звездой...

Татуировка искривилась – высокий эльда улыбнулся. И ответил на чистейшем германском:

– Благодарю, Отто. Особенно я благодарен за то, что ты привел мне свою ручную звездушку.

Оба глаза – серый живой и пронзительно-синий механический – уставились на меня. И неожиданно мне стало пусто и холодно, словно ветер, певший во мне с самого рождения, ветер, рыдавший над равнинами задолго до того, как дед моего деда появился на свет – как будто этот ветер иссяк. Как будто его втянуло в неведомую межпространственную дыру, отрыгнувшую в наш мир черные корабли.

Я попробовал вспомнить хоть несколько слов на синдарине, но в голову не лезло ничего, кроме детской колыбельной. «А Элберет Гилтониэль...». Да уж. И тогда я сказал на языке тех л'амбар, что до сих пор считались моими согражданами, – хотя продали и предали меня так же, как я продал и предал их. Я сказал:

– Корабли должны быть белыми, Полуэльф. Зачем ты покрасил свои корабли в черный цвет?

Отто нервно дернулся. Он отлично понимал британский, но меня он не понял. А оберштурмбанфюрер, первая лиса, почетный диверсант и провокатор Третьего Рейха, очень не любил не понимать.

Высокий чужак прищурил правый глаз. Странно, что мысленно я называл его чужаком, хотя общей крови у нас было куда больше, чем у меня и смертных.

– Я не перекрашивал корабли, маленький авари. Я выполнил свое обещание и сжег белые корабли сразу после того, как мой народ ступил на землю Амана. Но это не означает, что я не желал вернуться и отомстить.

«Этола ар ачарна». «Вернуться и отомстить». Он перешел на синдарин. Я заметил не сразу, а, когда заметил, не очень удивился тому, что понимаю – ведь этот язык шелестел в моей крови вместе с тысячей других языков и имен. Зато Отто задержался сильнее и начал оглядываться через плечо – но тяжелая металлическая дверь каюты за его спиной уже захлопнулась.

Эльда улыбнулся и провел кончиками длинных и тонких пальцев по столу с расстеленной картой. Его кожа, казалось, чуть светилась в полумраке каюты. Высокая фигура в черном, с призрачно мерцающим лицом выделялась в сумраке так резко, что очертания других

предметов терялись. Я лишь смутно различал кресло с высокой спинкой, горбатые тени приборов на столе и какую-то картину на стене... Парусник, море, небо с одинокой звездой... Память об его отце, Эарендиле?

Заметив, куда я смотрю, эльда кивнул:

– Ты прав. Сильмарилл. Для начала нам следовало вернуть сильмарилл. Моргот Бауг-лир не зря охотился за ним, как и большинство властителей Первой Эпохи. Тебе не представить, авари, какая сила кроется в этом камне. Он не просто светоч, а источник неисчерпаемой, первобытной, стихийной энергии, капля крови самой Эа. И мы сумели его вернуть.

Оберштурмбанфюрер испуганно вякнул:

– Партайгеноссе, не могли бы вы перейти на понятный мне язык?

Не обращая на смертного внимания, эльда шагнул ко мне. Боги, каким же он был высоким – на две головы выше меня! А ведь он тоже всего-навсего полукровка, бледная тень Перворожденных.

Владыка черных кораблей повел рукой.

– Все, что ты видишь, создано с его помощью. Мы копили мощь. Мы ждали. Мы искали союзников, а когда не могли найти, сами их создавали. Этот глупец... – он поднял подбородок, указывая на жмущегося к двери Отто, – ...имеет наглость считать, что его фюрер купил нас. Предложил за содействие в войне весь западный материк. Все то, что осталось от нашей – твоей и моей – земли. Этот жалкий эдан даже не догадывается, что его организацию я придумал за один вечер за бокалом чудеснейшего вина. В прошлом году виноград на склонах Пелори уродился особенно сладким...

Он улыбался, называя имена, которые были для меня даже не памятью – легендой. Так, наверное, почувствовал бы себя смертный, отправившийся порыбачить на лодке и наткнувшийся на Левиафана. Он и сам был похож на Левиафана: невообразимо древний, со светящейся кожей и сердцем из чистого яда. Ветер, замолкший было во мне, проснулся и вздохнул – робко, как первый утренний бриз, чуть тревожащий листья акаций.

– На что он похож, ваш Аман? – тихо спросил я на языке, забытом дедом моего деда.

– Тебе не вообразить, авари. Тебе не понять. Мы сровняли горы с землей и подняли из земли новые горы. Там, где тянулись голые пустоши, мы отстроили города. Твердыни Форменоса не сравнятся даже с моей привратницей. Мы создали небывалые металлы, легче воды и тверже алмаза. Мы сконструировали механизмы, которые и не снились смертным. Нам служат огонь и пар, мы подчинили ветер, и волны, и самый солнечный свет...

– Вы подчинили ветер?

Эльда снова улыбнулся. Свастика на его щеке дернулась, будто лапки издыхающего паука.

– Я осведомлен о твоём маленьком таланте. Какая-то мутация, должно быть. Никогда не слышал, чтобы элдар, синдар или авари говорили с ветром... Хотя, конечно, при чем здесь ветер? Обычная передача мыслей на расстоянии.

Это все для меня и решило.

Отто у двери продолжал скулить и даже, кажется, потянулся к кобуре.

Интересно, неужели германец действительно полагал, что сможет убить того, кто прожил несколько десятков тысячелетий? Хотя потерял же он как-то глаз...

Мысль промелькнула и исчезла. Эльда все еще говорил. Я не слушал. Не слышал. Крепко зажмурившись, я призывал ветер.

* * *

Первый шквал обрушился на здание переговорной станции так неожиданно, что чуть не смел Малека с крыши. Р'ха удержался, вцепившись в железный костяк антенны, и на

четвереньках пополз к люку. Люк не открывался. Малек ошалело оглянулся через плечо. Тьма над морем разверзлась, и из ее бездонной глотки пахнуло ледяным ветром. В ветре слышался голос, но Малек не успел разобрать, чей, потому что люк рвануло под пальцами. Крышка распахнулась, и рука Джека-Джона втащила его внутрь.

Оба кубарем скатились по скользкой железной лестнице. Стены задрожали от второго шквального удара. Свет замигал, и Джек-Джон проорал р'ха в самое ухо:

– Там настоящий ад! Метеорологи потеряли связь с самолетом. Последнее, что летчик успел им передать: «Я вижу вход в бездну, и он захлопывается». И еще нес какую-то чушь про черные корабли и ветер, посланный богом...

Малек отпихнул его трясущиеся, влажные от пота руки и встал. Голос в ветре крепчал, усиливался и нес слова: «Эдайн де фера. Эдайн фьорле. Иска мале пер тог сонновайр».

Предупреди авиацию. Предупреди флот. Добейте тех, кто останется.

Прощай. Прощай навсегда, Синий Лис.

«Се ра. Се ра шанс куо на мори».

Ветер безжалостно ломал стены переговорной станции.

Мальчик бежал вниз по освещенной луной тропе.

Потом мальчика не стало. Остался один ветер.

Шимун Врочек. Эльфы на танках

– Тьен а-Беанелль, – сказал Дмитр, не открывая глаз. В левом виске билась жилка. – Танцующий в лучах солнца. Красиво, а? Одуванчик по-нашему. Вторая бронетанковая... там у них каждый батальон – по цветку называется...

– Эльфы?

– А кто еще? Пиши, Петро. Танковый батальон проследовал в направлении... сейчас, сейчас... поднимусь повыше... в направлении Оресбурга... записал?

– Ага.

– Не ага, а «так точно». Что написал?

– Посадили вторую грядку настурций, урожай повезем тете Оле. Целую, Фима.

– Молодец.

...Выйдя из транса, а точнее, вывалившись из него, как мешок с овсом, Дмитр заставил себя открыть глаза. Мир вокруг качался. Сбросив с себя надоедливые руки (держи его! ну что ж ты! покалечится еще! держи!), сделал шаг, другой. Белый снег, черные проталины, темно-зеленые, почти черные ели...

И бледно-голубое, совсем уже весеннее небо. Дмитр понял, что лежит. Над ним склонились двое. Потом подняли... Потом понесли...

Проснулся Дмитр уже после полудня. Под слегка ноющей головой – вещмешок. Рядом над костром – котелок с варевом, откуда шибает сытный мясной дух.

– Наконец-то, – сказал женский голос. – Очухался...

Получасом позже Дмитр сидел у костра и хлебал из котелка горячее варево. Сканья, снайперша отряда, чистила арбалет. Девушка в мешковатом маскхалате грязно-белого цвета, пепельноволосая, с четкими чертами лица. На вид ей можно было дать лет двадцать. Это если не заглядывать в глаза...

Петро спал, повернувшись спиной к огню.

Из леса показался Ласло, махнул рукой. Дмитр нахмурился. Дохлебал в ожидании новостей остатки бульона, выпрямился. Ну?

– Меня Сулим прислал, – начал Ласло обстоятельно.

И вдруг не выдержал, перешел на щенячий восторженный тон: – Мы нашли!

– Сколько? – Дмитр отставил котелок. – Кто такие? Не из Лилий?

– Не-а! Бог миловал. Один эльф. Один-одинешенек!

– Вкусная рыба, – сказала Сканья с нежностью. Облизнулась. Если бы эльф увидел девушку в этот момент – он побежал бы. И бежал бы, не оглядываясь, долго-долго... Вряд ли она знает, насколько кроважально выглядит.

– Командир, можно я? – лицо Скании стало просто страшным. – Я его, гада...

– Отставить, – сказал Дмитр. – Сканья, Петро, при лагере... Это приказ, Сканья! Ласло, веди. Пойдем глянем на вашего эльфа...

Эльф был один. Совершенно. Посреди леса. В полной форме темно-синего с фиолетовым отливом цвета. Что автоматически зачисляло эльфа в покойники...

– Киль, – сказал Дмитр, не веря своим глазам. Оторвался от бинокля, посмотрел на Ласло, потом на Сулима. – Не может быть.

– А я что говорил? – откликнулся Ласло. Он прижал арбалет к плечу, притянул к окуляру снайперского прицела. – Магической защиты – одна целая три десятых.

– Он что, от комаров заклятье наколдовал?

– А бог его знает, – Ласло пожал плечами. – Может, он того... заблудился. А комары кусают. И наплевать им, что сейчас весна, а не лето.

– Больше никого? – Дмитр все еще не верил. – Вдруг это засада? На приманку нас взять хотят или еще как... Сулим?

– Нету никаво, – штатный разведчик группы всегда разговаривал, словно с кашей во рту. Но уж разведчик был отменный. Да и боец, каких поискать. Угрюмый и молчаливый, с виду медлительный, в бою Сулим действовал невероятно быстро и точно.

– Тогда что он здесь делает? – Дмитр снова взял бинокль. Эльф, светловолосый, с точеными чертами лица, казалось, никуда не торопился. Просто сидел на пенке и наслаждался природой. – Как бы выяснить?

– Килей в плен не брать, – напомнил Ласло.

– Знаю.

На восьмой год войны у воюющих сторон появился целый кодекс, помимо официальных Устава у людей и Чести у эльфов. Эльфы называли это Сиет-Энне – Внутренняя Честь. Одно из правил касалось вопроса, кого стоит брать в плен. Бойцов элитной Киен а-Летианнес – Цветущей Сливы – не стоило. Ни при каких обстоятельствах...

– Точно киль.

– Это офицер! – сказал Ласло, чуть не подпрыгивая от возбуждения – Причем штабной, зуб даю. У него плющик по рукаву... синенький такой. Я его сниму, командир, а?

– Синенький? – Дмитр задумался. Он неплохо разбирался в эльфийских званиях и родах войск, но это было что-то новое. Может, снабженец? Или заместитель Второго-из-Ста? Ага, щас. Размечтался. Скорее старший помощник младшего дворника... Вот бы выяснить, но...

– Командир?

– Отставить стрельбу, – сказал Дмитр наконец. – Будем брать языка.

Ласло сперва не понял.

– Командир, ты чего? Киля?!

– Выполнять. Сулим...

Разведчик кивнул. Возмущенный Ласло, получив кулаком под ребра, сразу замолк и проникся. Тоже кивнул. Дмитр оглядел бойцов, остался доволен. Хорошие ребята.

– Стрелометы оставить. И чтоб ни звука у меня... Действуйте.

– Не в первый раз, командир, – сказал Ласло.

* * *

Эльф смотрел без всякого страха. Руки ему развязали, усадили на землю около костра. Лицо чистое и красивое, легкий синяк на лбу его совсем не портил.

– Ваше имя, звание, часть? – начал допрос Дмитр. Вряд ли эльф заговорит, но кто знает? Впрочем, даже если будет молчать... Всегда есть средство.

– Tie a-bienne quenaе? – поинтересовался эльф, растирая затекшие кисти. «А кто спрашивает?» Голос у него оказался высокий и чистый, очень приятный.

– Это неважно, – сказал Дмитр. – Отвечайте на вопрос.

– Не имею желаний, – эльф говорил почти без акцента.

Петро, как самому здоровому, было приказано удерживать Сканию подальше. Как средство устрашения, Скания не знала себе равных, но – всему свое время. Зря эльф улыбается. Самое интересное: лицо с виду каменное, но ведь видно – улыбается. Порода, воспитание. Уметь надо... Молодец, что сказать.

Только Скания и не таких обламывала.

– Повторяю вопрос. Ваше имя? Звание? Часть? – произнес Дмитр отдельно. Эльф молчал. Сейчас, решил Дмитр. Кашлянул, подавая Петро сигнал. Петро, поскользнувшись,

упал на колено. Сканья рванулась в очередной раз, и – вдруг оказалась на свободе. Постояла секунду, еще не веря...

– Я тоже повторяю вопрос, – сказал эльф. – А кто спра...

Какая-то сила швырнула его на землю, ударила, сжала коленями. Сканья оказалась верхом на эльфе, вцепившись ему в ворот формы. Затрещала ткань.

– Люди, ублюдок! – Сканья выкрикнула это эльфу в лицо. Он мотнул головой в шоке, попытался встать... Нашел глазами Сканью... И очень быстро пришел в себя. Невероятное самообладание. Вот это зверюга! – Дмитрий против воли восхитился.

– Люди? – эльф просмаковал это слово, словно глоток редкого вина. Посмотрел снизу вверх прямо в искаженное лицо девушки. – Люди – это хорошо. Я скажу. Меня зовут Энедо Риннувиэль, звание Детаэн-Занаи-Сэтимас, часть Киен а-Летианнес, подразделение Сотмар э-Бреанель.

– Как? – такого подразделения Дмитрий не знал.

– У людей ближайшим аналогом является политическая разведка, – пояснил Энедо. – Эльфийское понятие несколько шире, но – смысл тот же. Я один из высших офицеров в разведслужбе вашего врага. Это понятно? И я требую встречи с командованием.

– Чьим? – спросил Дмитрий тупо.

– С вашим, конечно.

Вот это номер! – подумал Дмитрий. – Вот. Это. Номер.

– Вы должны рассказать все, что знаете, – сказал Дмитрий. – Иначе Сканья сделает с вами такое...

– Эта милая девушка? – эльф, кажется, наслаждался эффектом. Улыбнулся. Сканья тут же ударила его головой об землю. – А, dieulle! За что?

– Эта милая девушка, чтобы вы знали, вынесла такое, что вам и не снилось. Когда-то эльфская карательная бригада прошла через родной городок Сканьи... Знаете, как он назывался, Энедо? Я вам скажу. Гедесбург.

Эльф замер. Потом вдруг сделал такое... Он поднял правую руку и провел девушке по щеке. «Самоубийца!»

– Прости, маленькая, – сказал эльф искренне.

...– Вы – идиот, – сказал Дмитрий жестко. Эльф сидел перед ним, потирая шею. На коже – синие следы пальцев. Энедо повезло. Сканья могла и зубами. – Зачем было провоцировать девчонку? Мало над ней поиздевались?

– Я хотел попросить прощения.

– Удачный момент вы, однако, выбрали. Вашу мать, разведчик! Тоже мне...

– Я знаю. Но для нее лучше мгновенная вспышка, чем медленное горение, – эльф посмотрел Дмитрию прямо в глаза. – А вам, командир, не стыдно? Я враг, это понятно. Но вы? Это же ваш человек. Девушка сгорает изнутри. У нее в глазах – багровые угли. А ее еще можно спасти...

– Ваша эльфийская поэтичность может отправляться к черту.

– А скоро будет – серый пепел. И тогда все.

– Да пошел ты!

Небольшой отряд второй день полз по лесам. Эльф не мог идти быстро, а за Сканьей нужен был глаза да глаз. Отношение к эльфу в отряде становилось все хуже. Киль в плену? Дмитрий начал опасаться, что доводы Сиет-Энне, Внутренней Чести, окажутся сильнее доводов разума. Да, высокий чин эльфийской разведки. Да, награды и звания в будущем. Да, добыча велика, но – то, что проклятый эльф оказался в форме Цветущей Сливы... Идиот, не мог одеться на лесную прогулку попроще? Ласло, Петро, даже Сулим, не говоря уж о Сканье, смотрели на эльфа волками.

На вечернем привале Дмитр опять сидел рядом с эльфом. Как-то само собой получилось. Плохое предзнаменование.

– Вы не хотите еще раз задать свой вопрос, командир? – спросил вдруг эльф тихо. Казалось, лицо его обмякло, стало вдруг не таким точеным, не таким совершенным. Более... более человеческим.

– Какой?

– Про имя, звание и так далее.

– Зачем? – удивился Дмитр. – Вы же ответили? Или... нет? Вы солгали, Энедо?

«Он – писарь из какого-нибудь захолустного гарнизона. Тогда его убьют прямо здесь. И я не успею вмешаться. А захочу ли?»

– Вы солгали, Энедо?

Глаза, понял Дмитр. Меня тревожат его глаза... Словно у него тоже – багровые угли...

– Не совсем. Я сказал правду... только не всю, – эльф колебался. – Вы можете повторить вопрос?

– Хорошо. Ваше имя, звание, часть?

С минуту Энедо молчал. Лицо его... никогда не видел таких интересных лиц, думал Дмитр. Оно словно на глазах меняет возраст. То двадцать-двадцать пять, а то и все семьдесят. Это если мерить человеческими годами... А если эльфийскими...

Додумать Дмитр не успел. Энедо заговорил.

– Меня зовут... мое имя... – эльф сглотнул. – Нед Коллинз из Танесберга.

– Что?!

– Звание: капитан... Часть... Второе Разведывательное Управление его... его Величества короля Георга. Третий отдел: внешняя разведка. Группа внедрения.

– Ты работал на наших? Ты? Эльф?

– Человек, – слово далось Энедо с трудом. – Я – человек. Среди людей.

– Не может быть!

– Я так хочу домой, – Риннувиэль наклонился вперед. Отсветы от костра сделали его лицо лицом старика, а виски седыми. – Я так давно не был дома... Люди людей не бросают, правда?

Партизаны молчали.

– Я ему не верю, – сказала Сканья тихо. Потом вдруг закричала: – Я не верю! Не верю! НЕ ВЕРЮ!!

– Так давно... – повторил Энедо.

Третий день. Весна вступала в свои права, но в лесу снег тает очень поздно. Эльф (человек, мысленно поправился Дмитр, Нед) провалился по пояс в вязкую белую кашу. Вытаскивать эльфа пришлось Дмитру. То, что пленник – человек под маской эльфа, почти ничего не изменило. А как проверить? Доставить пленника в штаб. А что делать командиру, если собственный отряд не очень-то хочет в этом помогать?

Дмитр шел замыкающим. Вдруг командир заметил, что Ласло как бы случайно отстал. Сейчас начнется, подумал Дмитр.

– Ты веришь эльфу, командир? – Ласло, как всегда, сразу взял быка за рога.

– А ты?

– Он же киль. Он, гад, умный. Кили знают, что мы их в плен не берем. Что это наша... как ее, Сьет-Энне.

– Внутренняя Честь.

– Во-во, командир. Он знает, мы знаем... Вот он и выкручивается, как может. Человек, а выдает себя за эльфа... Тьфу! Да какой он человек? Такого эльфа еще поискать. Нутром чую, он нам еще подлянку подкинет!

- Знаешь, Ласло. Я вот думал, а что значит: внутренняя честь.
- Ээ... – Ласло моргнул. – Ну, обычная честь, только... ээ... для своих.
- Для своих? – Дмитрий невесело усмехнулся. Слова Энедо не выходили из головы. Проклятый эльф! Как все было просто и ясно... – А к чужим можно и бесчестно? Так, что ли?
- Ласло растерялся:
- Командир... ты чего?
- Ничего. Капрал Ковачек, встать в строй.
- Есть.

На вечернем привале Энедо с легким стоном опустился на землю. Вымотался. Горожанин, что с него возьмешь...

- Что эльф, устал? – Сканья смотрела с вызовом. – То ли еще будет.
- Я человек.
- Неправда! Я тебе не верю!
- А это уже неважно, – сказал эльф спокойно. – Важно, чтобы я сам в это верил. Сканья замолчала и отвернулась. Энедо усмехнулся и повернулся к Дмитрию.
- Я смотрю на вас, командир, и – завидую. Как вам все-таки легко.
- Легко?
- Не понимаете? Вы – люди среди людей. Вам не нужно сомневаться. Для вас нет вопроса: кто я? эльф, человек, полуэльф, получеловек. На той стороне то же самое. Эльфы среди эльфов. Это так легко, так просто. Я бы назвал это расовой определенностью. У меня все по-другому. Я родился человеком, а с двенадцати лет воспитывался как эльф. И не только воспитывался. Это военная тайна, конечно, – Энедо невесело усмехнулся, – но эльфы отличаются не только воспитанием. Физиология – ее ведь тоже пришлось подгонять.
- И скоро вам исполнится четыреста лет?
- Нет, конечно, – Энедо улыбнулся. – Лет семьдесят буду выглядеть молодо, а потом сгорю за месяц-полтора. Оправданный риск.
- Я вам не завидую.
- Зато я завидую вам... Знаете что, командир, – Энедо на секунду задумался, взял шинель, собираясь завернуться в нее и заснуть. – Пожелайте мне легкой жизни, пожалуйста...

* * *

Из-за деревьев возник Сулим, подбежал к командиру.

- Дмитрий, ты... я... короче, чешут за нами.
- Уверен?
- Да.
- Почему-то угрюмому и косноязычному Сулиму верилось сразу. С полуслова.
- Кто?
- Страх-команда. Больше никому.
- Позади чертыхнулась Сканья.
- Страх-команда? – негромко переспросил эльф. Лицо его выражало вежливое непонимание. В самом деле? – подумал Дмитрий. – Или понимает, но не подает вида? Хотя что он может знать про страх-команду? Штабной. Городские почему-то думают, что в лесу легко спрятаться. Ничего подобного... Лилии партизанскую группу в два счета найдут, если уж на след напали.
- Егеря из Лиловых Лилий, – пояснил Дмитрий. – Все поголовно охотники, следопыты, ну и так далее... Отборные ребята. В лесу они лучшие.

– После вас?

– Если бы это был наш лес, – вздохнул Петро. – Проклятье!

– Спокойно, – сказал Дмитр. – Они тоже здесь чужие. Это уравнивает шансы. Если это обычная страх-команда, там их с десяток, не больше. А у них тяжелый стреломет. Мы сумеем оторваться. Они не выдержат темпа.

– Эльф не умеет ходить по лесу, – сказала Сканья. Это звучало как приговор. – Придется его оставить.

Дмитр посмотрел на своих людей. Ласло отвел взгляд. Сулим: «Как скажешь, командир». Петро молчал. Сканья высказалась. Остается Энедо... Нед. «И я сам» – подумал Дмитр.

– Вы командир, вам решать. Я подчинюсь вашему решению.

...Я так хочу домой.

Дмитр вздохнул:

– Хорошо. Эне... Нед идет с нами. Мы сумеем оторваться.

...Все казалось сном. И даже когда Сулим огромными прыжками помчался к ним, на бегу перезаряжая стреломет и крича:

– Ельвы! Язвы их в корень! Ельвы!!

Энедо Риннувиэль не сразу понял, что «ельвы» это искаженное «эльфы» – а, значит, Лиловые Лилии все-таки их догнали. И будет бой...

А он всего в двух шагах от дома.

...Дмитр посмотрел на Энедо снизу вверх. Красивый, черт возьми... и настолько эльф! Даже страшно.

– Уходи, идиот! Ты почти дома, ты понимаешь?!

– Я – человек, – сказал Риннувиэль. – Люди людей не бросают.

– Еще как бросают! – закричал Дмитр. От потери крови голова стала легкой-легкой. – Еще как бросают! Ты идиот, Энедо! Ты придумал себе людей! Мы не такие, понимаешь?! Мы – не такие.

– Я такой, – спокойно сказал Энедо. Поднял стреломет Дмитра, улыбнулся. – До встречи на том свете, командир... Да, хотел спросить. Я же человек, правда?

Дмитр посмотрел ему в глаза:

– Правда.

Ина Голдин. Последняя игра в бисер

Луна светила вовсю, невесомыми кружевами оседая на деревьях, рисуя руны на земле. В ее свете Тур Финшог казалась нетронутой – будто ночью возвращались те времена, когда эльфы были хозяевами Холмов.

По ночам здесь было холодно. Сопляк допросился у Длинного Петара огоньку, зажег самокрутку, присел на каменную скамейку. Луна била в глаза, как, бывает, солнце. Тяжелая, седая, с пролысынами, она угрожающе нависла прямо над башней. Заколдованное здесь место, правду бабка говорила.

Эльфы там, внутри, наверняка чуяли луну, хоть через заколоченные окна до нее было не дотянуться. Утром, думал Сопляк, обязательно кто-нибудь придет меняться, чтоб не ходить во внутреннюю охрану.

* * *

Эльфы из клана Ясеня ушли на Тот Берег одними из первых, вслед за своим королем. Они не увидели своего истерзанного дома, заколоченных окон и человеческой стражи вокруг. Чужая магия струилась теперь из-под дверей, как сквозняк. Энвель не раз замечал за собой, что поводит плечами, будто желая избавиться от недоброго взгляда в спину.

Их было много здесь – детей холмов, детей леса. Скоро они станут детьми моря, детьми острова – по меньшей мере, так им обещали люди. Вряд ли Дом Ясеня когда-то видел столько эльфов сразу – даже во времена Весенних танцев, когда здешние звезды светили всем путникам.

Каждому, кого сюда вводили, надевали на запястья браслеты из тяжелого темного камня. С каждого зачем-то срывали шарф и даже траурные повязки. Энвель не понимал зачем, пока бард не объяснил: у людей таков ритуал взятия в плен. Нужно сорвать с одежды какой-то знак; если нет знака, сгодится и шарф. Бард многое знал о людских и прочих ритуалах, но не знал, как держать лук и выпускать стрелы, и странно было, что его заперли вместе с остальными.

В просторной зале, бывшей столовой Дома Ясеня, где статуи держали на подносах пыль и опавшие листья, младшие играли в бисер. Эта игра хороша для беспомощных, для тех, кто устал от ожидания.

Если бы они знали, чего ждать...

Стражники ходили вдоль стен – их было много здесь, они, кажется, боялись оставить пленников хоть на миг без присмотра. Обычно солдатам не уделяли внимания; а сейчас вдруг один из младших поднял голову и сквозь зубы выговорил что-то человеку, слишком близко подошедшему к столу.

Только этого не хватало; неужто дети Холмов начнут пререкаться с людьми?

Энвель подошел и спросил, в чем дело.

– Он все время смотрит на нас, Старшая ветвь, – пожаловался младший. – Нас это отвлекает от бисера.

– Чужой смотрит потому, что увлечен игрой. Что вы хотите показать ему? Что взгляд смертного способен напугать эльфа?

– Прости меня, Старшая ветвь, но взгляд смертного, который желает нашей смерти, действительно может напугать...

Фингар, из дома Яблонь. Самый рассудительный из всех.

– Я тревожусь за тех, кого увезли отсюда, – сказал он. – Им обещали подарить свободу, но у нас до сих пор нет вестей, а я не верю, что Дариен и остальные пожалели бы нам сухого листа...

– Возможно, ветер не доносит сухие листья сюда, – проговорил Энвель. – Сядь, младший, и не задавайся вопросами, на которые сейчас все равно не будет ответа.

Фингар сел, потряс на ладони разноцветные бисеринки.

Энвель повернулся к человеку, заговорил успокаивающе, как со зверем:

– Не обращай внимания на моих братьев, они за своей досадой готовы забыть о вежливости. Ты можешь наблюдать за игрой сколько тебе угодно.

Человек коротко, нерешительно улыбнулся, и Энвелю вдруг показалось, что он понял сказанное.

Младшие устали. Тяжелая темная магия, заключенная в браслетах, не только перебивала их собственную; она отягощала душу, омрачала сны и вытягивала волю. А в воду стражники подмешивали настой волчьей ягоды, чтоб убить оставшиеся силы – и подавить любое сопротивление. Чужие быстро учатся; за все эти годы они научились справляться с эльфами.

А эльфы с людьми – нет.

Когда дети Луны спросят меня, где ты, что мне говорить им?

Когда ветер станет искать тебя среди опавших листьев, что я ему отвечу?

Волны будут бросаться на камни, не найдя тебя, как мне их утешить?

Вереск согнется в поле, узнав, что тебя нет, и нечего мне сказать ему.

Серебряный песок под твоими ногами, оставь следы тому, кто идет за тобой.

Друг мой, возлюбленная моя, как найти тебя на той стороне?

– Что за песню ты выбрал, – укорил барда Энвель.

Ривардан развел руками:

– Жизнь выбирает песни, а не я, я – всего лишь голос...

Он улыбался, но смотрел только на свою лютню; ее люди разрешили оставить, не разбили, не выбросили – удивительно.

Наверняка бард тоже видел сон... но он не скажет, струна выпоет тревогу за него.

Гаэль стоял у заколоченного окна и вглядывался куда-то сквозь доски. Энвель помедлил, но все же спросил:

– Сродни ли моя печаль твоей, Старший из Старшей ветви? Луна послала тебе тот же сон, что и мне?

Гаэль повернулся.

– Младшим незачем знать об этом сне.

Энвель прерывисто вздохнул. Он надеялся, что все это – морок, порождение затуманенного волчьей ягодой разума. Но Гаэль с тех пор, как их привезли сюда, выпил лишь несколько глотков шушенна, и его сон уже не спишешь на отраву.

Значит, они оба видели это – ров, засыпанный телами. Землю вперемешку с хвоей, присыпавшую волосы Дариена, последнего из Дома Каштанов. Энвель подошел отряхнуть, и сон кончился.

В чем была их вина – несчастного Дариена и его братьев, – как они могли заслужить такую гибель?

Гаэль приложил ладонь к губам и поманил его за собой – в самый дальний угол.

– Младшим не до нас, – сказал Энвель. – Они увлечены игрой и просто рады, что сейчас можно не воевать.

– Друг моей души, – сказал Гаэль, низко опустив голову. – Послушай меня. Я совершил ошибку. Мы не должны были сдаваться.

Он говорил так резко, так коротко – другой счел бы это оскорблением.

– Ты сохранил тех, кто был с нами, – ровно сказал Энвель.

Он думал – не следовало уходить из Дун Лиместры. Не следовало отдавать им город.

– Они отпустили лишь тех, кто им не навредит. Эльфов младших родов. И собрали все Высокие Дома здесь. А теперь отвозят *туда*...

– Этот сон...

– Это не сон, – Гаэль оборвал его на полуслове; в другое время этого хватило бы для долгой обиды. – Я видел, кого они увозят. Ветвь за ветвью – люди хотят выкорчевать нас, чтоб некому было сопротивляться.

Энвель не понимал. Он подвинул ближе к Старшему бокал с остатком верескового эля, но тот лишь досадливо отмахнулся. Как будто он спешил. Как будто у всех собранных здесь не было времени в достатке.

– Ты помнишь, как мы бились с ними в Дун Лиместра? Ты помнишь, как много их погибло? Я долго думал над тем, скольких они потеряли тогда, хотя могли бы сохранить, и я вижу: для них жизнь – это не ценность. Да и ты дорожил бы своей жизнью, будь она настолько коротка? Земля, на которой строится дом для рода, им гораздо важнее. И мы мешаем им, пока остаемся на этой земле...

– Ты мой Старший, Гаэль, и я никогда бы не сказал тебе этого. Но сейчас ты расстроен, голоден, тебя мучит жажда, и я боюсь, что ты принимаешь свои страхи за правду. Никто, даже люди, не станет убивать пленников просто так.

Гаэль вздохнул, устало откинулся на высокую спинку стула.

– На том рву вырастут маки... Или, возможно, лунная трава... Полевые цветы – вот все, что от нас останется, и нам повезет, если люди будут знать эти цветы по именам...

* * *

Гости приехали после завтрака. Они здесь уже примелькались. Высокий, смуглый южанин, чуть расхлябанный, хоть и застегнутый на все пуговицы, уже не в первый раз приезжал за эльфами. Хамоватый – но на его должности это допускается.

– Сопляк! – позвал комендант дядько Ротгар, – Сопляк, подойди-ка сюда, дорогой мой.

Он подбежал, вытянулся, отдал честь.

– Начальнички наши, – сказал комендант, – чтоб их мотало, новый список прислали. Пошла работа у начальничков...

И слава богам, а то все нервы тут просадишь за этими следить...

– С вашего позволения, вашбродие, они ж спокойные...

– Во-от, а чего они спокойные такие, чтоб их мотало? Чует твоё сердце? А мое вот чует: затевают они что-то. Сдать бы уже их... куда положено, и забыть, как страшный сон. Поди сюда. Нашли они какого-то ихого остроухого, так он сдает их за милую душу...

Сопляк заглянул в густо исписанный лист. Они с ребятами ставили пари – которых эльфов увезут следующими, и ему было интересно знать.

Филтарна, сын Луаха... из дома Терновников. Кахир, сын Луаха, тоже Терновники. Келлах, сын Керрига, опять... Все правильно, он на них и ставил. Его давно бабка научила, какие дома идут за какими.

Бабка умерла от чумы, которую – как все знают – наслали эльфы.

– Ну вот, – сказал дядько Ротгар. – Они их по домам вычесывают. Прошлые-то отбившие все деревья были... Которые? – обратился он к подошедшему южанину.

– А? – не понял тот.

– Я говорю, в прошлый раз деревья отправляли – кто там был?

– Пить вам надо бросать, дядько Ротгар, – засмеялся гость. – Далеко у вас деревья поехали?

– Известно, куда они поехали, – сердито сказал комендант. – Каштаны то были, вот что.

– Каштаны, – мечтательно протянул южанин. – На юге они, каштаны. А тут... одни елки да вереск, тьфу...

Сопляка послали за выпивкой – согреть гостей с юга. Подойдя с кувшином, он услышал:

– Все забываю спросить, дядько Ротгар. Он у вас откуда вражий язык знает?

– Так он эйре наполовину. Вон даже имя эйреанское, по-эльфийски вроде «старший» означает. А эйре в старину с Холмами только так болтали...

– Эйре, значит, – протянул южанин. – Кто ж его сюда послал служить?

– Ты парня не трогай, он так-то наш. Послали и послали, тебя вот не спросили... Спасибо, Сопляк. Сейчас грузить будем, чтоб их мотало...

* * *

Энвель потряс браслетами на запястьях:

– Что мы можем сделать теперь? Доступа к магии у нас нет, а младшие едва держатся на ногах...

– Ты знаешь, что мы можем сделать, – жестко сказал Гаэль.

Энвель знал. И знал: нельзя этого касаться, и даже говорить об этом – нельзя.

– Не думай обо мне так плохо, друг души, – сказал Гаэль. – Я заслужил смерть, я боюсь не ее и даже не посмертия... Мне страшно, что нас уничтожат вовсе. У земли короткая память, она поглотит наши тела и примет новых хозяев...

– Старший, Старший, о чем ты говоришь? Неужели лучше выжить и принять проклятие?

– Мы уже прокляты, и я даже думать не хочу, как стану смотреть в глаза родичей на том берегу.

– Ты не можешь приказать эльфу нарушить *гес*, я не стану тебе подчиняться.

– Это приказ Старшего из Старшей ветви, Энвель.

– Я...

Дверь открылась. В серые сумрачные комнаты ворвался запах осени. Ветер, отяжелевшая земля, влажная кора деревьев. Все как один повернулись на этот запах, на этот ветер; уши напряглись. Вошедшие проводили знакомую процедуру – с трудом зачитывали имена с листка, конвоировали поднимающихся к выходу. Энвель прислушался – все, кого выкликали сейчас, были из Дома Терновника.

Так вот почему он торопился.

– Гаэль... да Тихен Враз... на Драйхеан ар Сиед...хе?

Старший засмеялся:

– Что же они делают с нашим языком! Жаль, никто не научит их произношению...

– Позволь мне пойти вместо тебя, – быстро сказал Энвель.

– И запутать судьбу в такой узел, что и боги потом не развяжут? Это моя дорога, и негоже другому заступать ее.

Гаэль поднялся – будто статуя из мыльного камня, с белым ясным профилем. Поклонился человеку в мундире. Тот сказал несколько отрывистых слов, кивнул на дверь.

– Прощай, друг души, и помни, о чем мы говорили.

Гаэль хотел по привычке коснуться бело-зеленого шарфа; но не было на нем больше знака Верных навек, и когда пальцы коснулись беззащитной голой шеи – вот тогда у Энвеля что-то разверзлось в душе, обдало холодом.

На том рву вырастут маки... Или, возможно, лунная трава...

– Прощай, Старший из Старшей ветви. В следующий раз – в Серебряной долине...

– В следующий раз, – кивнул Гаэль, развернулся и пошел к выходу.

* * *

«Arwech'all i Dale an Argead», – так он сказал, этот эльф. Бабка рассказывала Сопляку про Dale an Argead, заповедную долину эльфов. Или – эльфов и людей? Не вспомнить уже.

В дневном свете они выглядели задохликами. И сам бы он, наверное, так выглядел, просиди столько времени в башне безвылазно. Щурились от солнца, устало прикрывая глаза, безропотно позволяли заковать себя в колодки – никому не нужно неприятностей по дороге. И дышали – будто желали надышаться на всю длинную эльфийскую жизнь.

А в этот раз и света им не досталось, вывели их под дождь. А эльфы открыли рты, руки протянули – как дети, радуются.

И капли разноцветным бисером скачут у них на ладонях. Уезжать в дождь – хорошая примета.

Говорили, будто их везут к морю.

На корабли.

С местом Сопляку повезло. Они жили рядом с башней, в бывшей пристройке – то ли для слуг, то ли для гостей, поди разберись теперь. Так или иначе, казарма у них была с террасой и с латринами, каких он никогда не видел. Сопляку нравился белоснежный остов бывшего эльфийского замка, нравились высокие темные ели и запах мокрой хвои рано утром, и тайна, связывающая его, Сопляка, со всеми, кто здесь служил. Комендант, которого тут все звали дядькой Ротгаром, за дисциплиной следил, но по пустякам не придирался, а Сопляка еще и отмечал. Пленники тоже не доставляли хлопот. Их вообще не было слышно. Эльфы не буянили, не требовали добавки к рациону, не просили выпустить. Двигались они бесшумно, так что порой казалось – древний особняк по-прежнему необитаем, а их какой-то безумец поставил сторожить пустой дом.

Только иногда доносились оттуда песни и тихий ломкий смех.

Сопляк чаще, чем другие, оказывался во внутренней страже. Считалось, будто он, наполовину эйре, эльфов знает как облупленных, и Сопляк устал уже спорить, что это не так. Остальные трусят, ну и ладно.

Эльфы редко спали. Сидели, переговаривались – тихо, он не мог разобрать слов, их голоса успокаивали, как шум воды. Кажется, они говорили друг другу гораздо больше, чем произносили вслух. Остроухим стражники вовсе не докучали, и Сопляк задумывался – а видят ли эльфы их вообще?

Среди них он не чувствовал себя чужим. Он чувствовал себя вовсе не существующим.

Он не понимал, как красота может быть такой страшной. Ведь на кого из них ни взгляни – глаз отдыхает, будто смотришь на деревья в майском цвету, на серебряный росистый туман, на то, что было всегда и каждый раз удивляет.

Но от холодных их точеных лиц берет жуть. Страх впивается в тебя, впитывается, остается, так что и вправду боишься поворачиваться спиной, хотя у этих – *гес*, им в спину бить нельзя.

А взгляд все равно тянется, пытаешься понять – что ж в них есть такое, чего нет в нас, почему в их присутствии чувствуешь себя нескладным, уродливым, чуждым? Досада брала. Остроухих не велели трогать, но он видел: кто-то из ребят нет-нет да и распустит руки. Да и сам он однажды, подгоняя эльфа, которому пришло время садиться в подводу, приложил его саблей плашмя. Не так сильно и приложил, для порядка. Остроухий развернулся и посмотрел прямо, и в глазах его отчетливо читалось: «Почему?» Не «За что?», как у человека было бы, а «Почему?». Эльф считал – у стражника должна быть причина бить его, и ожидал, что сейчас ему эту причину объяснят. Только Сопляк ни себе, ни ему не смог бы объяснить, откуда такая сильная, до дрожи в пальцах, охота ударить.

С тех пор он никого из них не трогал.

Раз у Сопляка хватило глупости спросить – куда их везут на самом деле. Южанин хмыкнул, глаза его сразу будто выцвели, стали скверными:

– Куда... На кудыкину гору, собирать помидоры. Пусть потрудятся на благо Державы... Так и уехал. Сопляк больше ничего не спрашивал.

* * *

Когда забрали Терновников и Виноградников, в башне будто стало пусто. Хотя их все равно оставалось куда больше, чем эльфы способны выносить.

Возможно, в этом их расчет, думал Энвель. Они приучат нас спать вповалку, бояться смерти и использовать темную магию. И не будет больше эльфов, ведь то, что останется, – это будем уже не мы...

Он лежал и смотрел в стену; огонек свечи колыхался, и на камне играли блики и тени. Одна из теней, с лютней в руках, подошла поближе, присела рядом.

– Сколько ты уже не был в Спокойной роще, брат? – спросила тень. – Ты носил повязку, тебе есть кого там навещать...

Энвель махнул рукой.

Где-то за заколоченными окнами ночная птица кричала: «Кто ты, кто ты, кто ты?»

Мне бы знать...

– Кого из нас там не ждут, скажи мне? Но отсюда невозможно уйти.

Он пытался вырваться – закрыть глаза, отправить душу в другие миры. Но постоянно что-то мешало – говорок охранников, чужие шаги, стоны младших, которых пути сна опять выводили к разрушенному городу. Даже треск свечей стал его раздражать.

– Из-за того ли ты не ходишь в Рощу... или из-за тех, кого боишься там встретить?

– Я не эльф, – сказал он тени. – Мы должны быть бессмертны, помнишь? Мы должны быть веселы и холодны... Мне холодно, Ривардан, но мне не весело...

– Раз уж мы проиграли, все, что нам осталось, – это умереть с достоинством...

Бард говорил, как ему и полагалось, и сопровождал свои слова печальным мотивом. Но прав был Гаэль – как бы они ни умерли сейчас, это будет означать поражение.

Лиадан, самый младший из них, стоял, зажмурил глаза, в единственном лунном луче, пробившемся сквозь доски; стоял с протянутой рукой.

Энвель позвал его; тот обернулся с виноватой улыбкой. Протянул на ладони горсть серебряных бусин, выпрошенных у луны.

Энвель только вздохнул.

Лиадан из дома Утесника; родился уже после Заката. Он не виноват в глупости и тщеславии старших, которые проглядели человека. Его род прибыл с моря, чтоб сражаться, и Лиадан, помнящий соленый ветер и бесконечность на горизонте, труднее, чем остальные,

переносил неволю. Он высох, как сохнут водоросли на солнце, дышал с трудом, будто рыба, вытасченная на песок.

– Старший, – не выдержал он, – правда ли то, что говорят люди: мы отправимся на море?

Энвель положил руку ему на плечо. Сил нет, отдавать почти нечего...

– Что ты видел во сне? Море?

Он дождался легкого кивка, и понял, что младший лжет. Но когда его имя назовут, он пойдет за людьми с радостью. Любая дорога для него теперь – дорога к морю.

Этой ночью Энвель слышал волну. Мощная, темная, она бушевала и колотилась в поставленную когда-то давно перегородку. Сейчас, в этом безвременье, слившемся в один день, и не вспомнить, зачем ее ставили.

«Ты знаешь, что можно сделать», – сказал Старший, развернулся и побрел по долине, усыпанной маками.

Если поднять перегородку, волна хлынет в башню, захлестнет охрану, вынесет их на свободу, в холмы, в леса. Даст им силу сражаться. Силу побеждать.

Несложный ритуал, несколько слов, которых ты никогда не учил – и никогда не забывал.

И на следующий день он вдруг плетет из бисера волну, грязно-зеленую, штормовую; она выгибает спину, рушит построенный Фингаром стеклянный мост, обрызгивает игроков.

Энвель остановился, поняв, что едва не сделал, – впору благодарить черные браслеты, запирающие силу. Ведь бисер – глупая материя, он все впитывает одинаково...

Энвель поднялся и отошел к окну, прижался лбом к занозистым доскам. Страшнее всего был не испуг, не презрение или непонимание в их глазах. Страшнее – затаенное ожидание. Наверное, благословение – быть человеком. Чужой может использовать темную магию и не увидеть, как скрипят и сдвигаются над головой, точно своды, основы мира; он живет не так долго, чтоб вообще узнать об этих основах. У людей не бывает *геса*; нельзя наказывать за нарушение обета, который никто не давал...

* * *

Случилось это после того, как отправили очередную партию. Сопляк снова оказался во внутренней страже. Ребята в такие дни боялись к ним заходить, хотя эльфы вели себя так же спокойно, как и всегда.

И опять играли. Раскладывали на широкой мраморной столешнице мелкий разноцветный бисер, откуда только ни набранный – эльфы выплетали его из кос, разрывали яркие браслеты-фанне на запястьях, выковыривали из вышивок на рубашках. Больше всего, конечно, вышло бы из поясов, но пояса с них сняли сразу, когда привезли. Бисер этот тоже хотели конфисковать, но сверху пришло распоряжение – с пленными обращаться «учтиво», так что до дела не дошло. Обычно Сопляк не видел на столе ничего, кроме неумело выложенных узоров, и смысла игры не разбирал. Но теперь – то ли свет падал как-то удачно, то ли Сопляк нагляделся уже на этот бисер и наконец понял игру – но ему вдруг показалось, будто он понимает, что именно строит старший эльф. Он затаил дыхание – и тут вошел кто-то из ребят, хлопнув дверью; порывом ветра бисер сгребло со стола, раскидало по полу. И Сопляк не думая кинулся подбирать – так ему не хотелось, чтоб пропадала та картина, которую он почти увидел.

И тут же он сам себе стал противен. Ползает тут перед врагами, точно как раб у высшей расы...

Он был зол, выбираясь из-под стола, но старший эльф вежливо улыбнулся, подал Сопляку руку и – тот опешил – кивком предложил сесть за стол. У других игроков лица были нечитаемые, как всегда. Застигнутый врасплох, Сопляк сел на скамью, и эльф подвинул к нему горстку бисера.

* * *

Остальные недоумевали, но не выказали бы этого: Энвель теперь – Старший из Старшей ветви, он знает, что делает.

– Вот это – лунный бисер, – указал он человеку на крупные серебряные бусы. – А вот это – солнечный, он мельче... Этот дало море – тяжелые, темные бисерины, будто бы с прилипшим песком. А это – янтарь, что бывает около берега. А вот этот...

Человек смотрел во все глаза. Трогал, перебирал, будто пробовал цвет не только глазами – пальцами.

Энвель подумал, что для своей расы человек молод. Ну вот – как его младшие, как Фингар или Лиадан...

А они глядели, и недоверие сменялось потихоньку интересом.

Человек что-то сказал. Потом, не без труда, выговорил на эльфийском – как выцарапал: – Как... играет?

У Энвеля впервые спросили – как играть. У его народа это было в крови. Он задумался и понял, что вряд ли сумеет объяснить человеку. Для кого-то это – игра красок, для кого-то – музыки, но чаще образов, воспоминаний о том, что было, или о том, чего никогда не было, или – так у младших – о том, чего хочется, а силы сотворить – не хватает. Главное же – то, чем такая игра может обернуться, если вдруг и образы, и воспоминания, и краски, и музыка сложатся воедино – он и права не имел объяснять.

– Подумай о красивом, – сказал эльф. Он произнес гораздо больше, может быть, он и вообще не то сказал – но Сопляк понял его именно так. Он смотрел на бисер с каким-то забытым детским удовольствием – дети всегда так смотрят на яркое. Ему вспомнился витраж, который он так любил, в маленькой церквушке Байлеглас: святая Брид в синем одеянии, с красными четками; Сопляк принимал их за гранатовые зернышки. Рука сама потянулась к синим бисеринкам, хоть он и понимал, что ничего похожего на тот витраж из них не выложит. Но вот пальцы эльфа подбросили несколько стекляшек, уложили, подправили – и будто руки святой Брид в синих рукавах возделись над ними, как раньше, укрывая от опасностей. Сопляк услышал чаек, кричащих за витражами, и отголоски хора. Где-то совсем близко запахло морем. И хор зазвучал полнее, громче, так что Сопляк оглянулся – кто поет? Но тут невысокий эльф в ожерелье из ракушек выкатил несколько бисерин, повертел в пальцах – и на совсем родном море закачалась лодка...

* * *

Это было какой-то детской глупостью, безумием – брать в игру человека. Но у чужого получилось; мало того, с его присутствием игра оживилась. Даже те, у кого сил на узоры уже не было, теперь перекачивали пальцами стекляшки, крепко задумавшись. Энвель занес пальцы над разноцветной блестящей смесью на столе. Как будто над струнами. Струны он и вспомнил – не глухой потерянный напев лютни Ривардана, а ликующую капель, что звучала здесь же – когда-то на Весенних танцах.

Правду говорят, бисер – игра для стариков, игра воспоминаний. Но вот же прозвучала арфа, как над ухом, – и тут же взвились в воздух и стали складываться в узор разноцветные бисеринки, и выплыла из ниоткуда та самая башня, наполненная песнями и смехом.

А Фингар уже сжимал и разжимал ладонь, готовый продолжить; всего несколько бисерин, передвинутых с места на место, – и рядом с башней вырастает ясень, облитый луной... Фингар, который видел Тир Финшога только разрушенной, а дерево – засохшим... Друзья его радостно засмеялись, и струна будто зазвучала громче, черпая из памяти давно забытые мелодии.

* * *

Сопляк очнулся внезапно: ветер погас, башня исчезла – и вскочил, едва не опрокинув стул. Эльфы посмотрели с сожалением. Свои смотрели тоже, уже повидавшие сабли, и Сопляк с упавшим сердцем подумал – ну все, жди неприятностей.

Дождлся. От дядьки Ротгара влетело, конечно, но этим дело не кончилось. Через день снова приехал южанин, но один. И комендант, вечером вызывая Сопляка на разговор, шипел:

– Ты что там натворил, чтоб тебя мотало?

Южанин не выглядел рассерженным. Он увел Сопляка из казармы, к длинной поваленной сосне, куда ребята обычно ходили курить. Сейчас там никого не было – поздно, все, кто не на службе, уже по койкам...

Южанин вытащил дорогой портсигар, протянул.

– Возьми, солдат. Не век тебе Ротгаровой дрянью травиться...

– Спасибо, вашродие...

– Дядько Ротгар небось вас тоже за выпивкой гоняет?

– Никак нет, вашродие. Комендант Ротгар очень строгий и никогда не нарушает устав.

– Ладно лапшу на уши вешать, – отмахнулся южанин. – Я ж сам под ним служил когда-то, вон Ревгвенн брали... Хороший он мужик, так-то...

Сопляк молчал. Не его дело – начальство судить. Тут уж судьи всегда найдутся.

– Тебя как звать? По-настоящему?

– Шон, вашродие. Из Байлеглас.

И опять вырвалось это «г» впридышку, как он ни пытался от него избавиться.

– Из Зеленграда, – мягко поправил южанин.

– Извиняюсь. Из Зеленграда. Конечно.

– Из самых холмов, получается...

Сопляк не стал возражать.

– А я и сам с гор, – сказал Реваз и поднял лицо к луне. – Только наши вершины вашим холмикам не чета, не в обиду будь сказано. Если наших гор не видел – ничего, считай, не видел... – он на минуту замолчал. – И не уезжал бы никогда, да видишь, куда по службе занесло... Сидим вот теперь в этом вереске, эльфов сторожим...

Ну вот и дошло, подумал Сопляк, сжимая на коленях мокрые руки. До эльфов.

– Говорят, ты тут с пленными в игры играть вздумал.

– Это была ошибка. Это больше не повторится, вашродие.

– Эльфы попутали? – усмехнулся тот. – Что за игра?

Терять уже было нечего, так что Сопляк попытался объяснить:

– Это... это бисер, вашродие. Просто... узоры складывать. Детская игра-то, вроде чики. Только чика хуже, потому что на деньги. А это – так, время убить.

То ли от отчаяния осмелел, то ли бес потянул за язык:

– Вы же их все равно потом... на кудыкину гору.

Южанин загасил сигарету и повернулся; на лице его, высветленном луной, глаза были как черные провалы.

– Умный парень.

Сопляк промолчал.

– И добрый. Жалеешь их, да? Думаешь, эльфы – тоже люди...

Сопляк снова ничего не сказал. Кто ж виноват, что он так и думает. А язык завел его уже достаточно далеко.

– В этом и дело, – сказал Реваз, помолчав. – Для тебя они вот... тоже люди. А ты для них – не человек. То есть, – он засмеялся, – как раз человек. Чужой. Ладно бы, если враг...

А мы им – хуже, чем враги. Мы им звери. Возникли, понимаешь... завелись, как черви. Они ж о нас и ноги вытереть постесняются... А ты – люди...

Сопляк отвел глаза; увидел вдали силуэт дядьки Ротгара; тот зачем-то вышел из казармы, задрал голову к небу – погоду, что ли, высматривает...

– С одной стороны, оно вроде не удивляет, – раздумчиво проговорил южанин. – Ты же наполовину эйре, а они не только в игрушки с эльфами играть станут... там такие игрушки, что ног не унесешь. Слышал про их отряды?

Сопляк аж выпрямился.

– Вы меня с ними не равняйте, – сказал он тихо. – Если провинился, отвечу, а в эти вы меня не записывайте.

– Ладно, – резко сказал южанин. – Не кипятись. Было б на тебя хоть какое подозрение – думаешь, тебя бы сюда послали? А с другой стороны... ты ведь слегка их язык понимаешь?

Тут врать было нельзя. Он кивнул:

– С пятого на десятое, вашродие.

– Ну-ну, – тот свел густые черные брови. – Ты вот что, продолжай с ними играть. И смотри, что они там за узоры складывают. И слушай, о чем говорят. Потому как прав дядько Ротгар. Слишком они... спокойные. Да и вообще – чем больше о них узнаем, тем раньше победим. Понял, солдат?

Сопляк хотел сказать: ведь эльфов, вроде, уже победили. Но ответил только:

– Так точно...

Недели две после этого прошли мирно. Сопляк дожидался, пока окажется во внутренней страже, и подсаживался играть к эльфам. И чувствовал, что дело не в приказе сверху: он бы так и так не удержался. Остроухие молча освобождали место, двигали к нему мерцающую горку бисера.

Говорят, все эльфы для человека на одно лицо, но Сопляк их уже различал. Старшего он давно запомнил, еще когда тот с ним заговорил. Тощенького, что всегда садился у двери, звали Лиадан из дома Утесника, следующего – по Сопляковым подсчетам – который будут вывозить. Кажется, он был ранен или болен. Однажды Сопляк попытался тайком его подкормить, но эльф отказался, так вежливо, что стало ясно: силком впихивай – не возьмет. Но сил у него не оставалось. Лиадан все перебирал и перебирал бисерины, искал в них какой-то образ, пальцы дрожали от расстройства. И Сопляк будто увидел, что он ищет. Он ведь сам такое искал, только уж никак не в бисере, скорее – в штанах после отбоя. Лина, мельникова дочка, – как она шла к колодцу за водой, как покачивалось, колыхалось неспешно ее тело, и Сопляк поклялся себе: вернусь и возьму ее в жены. Только было ему тогда четырнадцать, и ее давно уж кому-нибудь отдали, да и не возвратится он в Байле... в Зеленград, чего уж там.

От неожиданной тоски и у него пальцы задрожали, и, роясь в бисере, как в воспоминаниях, он мычал себе под нос песню – грустную балладу тех мест, что пела Лина на пути к колодцу.

И Лиадан оживился вдруг, подхватил мелодию, глаза разгорелись; и тут же он сотворил из бисера колодец, и дорогу, и птиц, щебечущих по жару. Песня стала громче, и Сопляк, разинув рот, увидел, как Лина, не спеша и будто невесомо, ступает по дороге. Только... нет, не Лина это. У нее лицо было тоньше, будто прозрачней, и волосы по плечам струились серебряные, и вся она будто источала свет. Не Лина – а оставленная бог знает где зазноба

Лиадана, судя по тому, как парнишка на нее уставился. Остроухий вглядывался в картинку, пока она не источилась, кажется, даже разговаривать пытался. И повеселел; а остальные отворачивались, будто они с Лиаданом делились тем, что для чужих глаз не предназначено.

Энвеля не спрашивали о человеке. Взглядами – да, он без труда читал все, о чем они хотели бы узнать. Но словами – не решались.

Человек был им нужен. Они это и сами знали, все видели, как он помог Лиадану. Энвель будто вертел чужого в пальцах, как последнюю бисерину, зная уже, что непременно найдет для нее место, и узор сложится наконец, и выйдет настоящим. В человеке была сила. Энвель не мог распознать ее природу, но чувствовал, как и людскую магию. Простую, напористую, неостановимую энергию жизни, заточенную в таком непрочном теле на такое короткое время.

При дележке Сопляку достался один из эльфийских поясов, и теперь он выковырял оттуда бисер, чтобы добавить эльфам – их запасы истощались. Но не успел – снова приехал южанин. Сопляк рассказывал об игре долго, тщательно, пытаясь передать словами все, что видел и строил, – а это было нелегко. Он выдохся, закончив рассказ. Южанин сузил глаза:

– И?

– И все, вашродие, – пробормотал Сопляк. – Вроде я все запомнил.

– Это что ж, – медленно проговорил тот, – ты хочешь, чтоб я поверил, будто они тут в бирюльки играют? Замки воздушные строят?

– Простите, – смутился Сопляк. – Я вам все рассказал. Больше не было ничего.

– Что они хотя бы говорили?

– Почти ничего, вашродие. Они не разговаривают, когда играют.

Потому что зачем слова, когда есть музыка и мосты, и Лина, бредущая по летней дороге?

Реваз качал головой, будто не верил:

– Замки, значит... Ты кому тут лапшу на уши вешаешь? Ты видел, как горела Дун Лиместра? Не видел? Повезло...

Он махнул рукой:

– Верно говорят, все вы, эйре, одним миром мазаны. Надо было ожидать, что ты вздумаешь их покрывать...

– Я вам рассказал все, что было. Ну вот я скажу, мол, они заговор против Цесаря готовят. Только это ж неправда...

Южанин поглядел на него, и Сопляк понял: сейчас его повезут в город. И там он выложит про эльфов все, и к заговору еще что-нибудь присовокупит.

– У них и сил-то осталось только на бисер, – сказал он отчаянно.

Реваз долго молчал. Ковырял веточкой в зубах.

– Может, ты и прав. – У Сопляка чуть отлегло от сердца. – Может, все дело в силе. Вот они тебя, дурачка, за стол с собой и посадили. Чтоб силу из тебя тянуть, пока к своей доступа нет. А ты и обрадовался...

Сопляк сглотнул. Он вспомнил, как они оживились, когда он сел с ними играть. Вспомнил Лиадана, у которого ничего не выходило – в одиночку... Да у многих без него – не выходило...

– Ты, видно, решил, будто они тебя приняли в игру? Как же, высшая раса – и снисошли... Наверное, когда сидишь с ними за столом, забываешь, что они враги Державы?

Ответа он не дождался.

– А они тебя – как дойную корову... Повезло хоть, ты один на них повелся, и ты не маг, иначе...

Он резко встал – бревно, на котором они сидели, качнулось.

– Ладно. Я свою ошибку на тебя сваливать не буду. Ты, может, и честный, а дурак. Они тебе голову заморочили... как всем морочат. Больше ты к остроухим не подойдешь, Шон из Зеленграда. А что с тобой делать... в городе решат.

Следующую неделю он провел в подземелье под казармой, больше похожей на склеп. Ел и пил то, что ему приносили, не чувствуя вкуса, и вспоминал. Каждый взгляд эльфов, каждую улыбку, смех за его спиной. И бабкины сказки, все до одной, в которых человек уходил в Холмы за кладом, а возвращался, лишившись разума. Или не возвращался вовсе. Им же ничего не стоит – затанцевать, заморочить, влюбить. Глаза вот отвести. Это люди воюют честно, а эльфы...

«А они тебя – как дойную корову...»

Он вспомнил о бисере у себя в кармане, торопливо вытащил его, выложил на гладком каменном полу. Попытался снова вспомнить о Лине, о море, о городах, что видел, пока его не послали сюда. Вспоминал какие-то мелодии, мурлыкал себе под нос, закрывал глаза, воображая картины. И перебирал, перебирал бисер.

Ничего.

Ровным счетом ничего.

Ему захотелось зареветь. Он чувствовал себя выхолощенным, пустым, ни на что не способным. Беспомощным.

Низшей расой.

Он сидел так долго, мысленно над собой смеясь, и постепенно, как дождевая бочка – водой, наполнялся злостью.

В конце концов его выпустили. Отвели к дядьке Ротгару.

– Подвел ты нас под монастырь, Соплячок, чтоб тебя мотало, – сказал тот, складывая бумагу, на которой Сопляк разглядел цесарский герб. – Все, сворачивают лавочку. Эльфов велено всех отправить в один присест... да и мы здесь долго не останемся, видать. Пока сказали оставаться на месте, но я-то чую...

У самого коменданта вещи наполовину были сложены. Он суетился; а на Сопляка поглядел с жалостью.

– Что? Доигрался?

И сказал, прежде чем отпустить, зачем-то понизив голос.

– Ты, парень, вот что... Иди тоже вещи собирай. И побыстрее. Хорошо?

Но собирать вещи он не стал, а вместо этого отправился к башне. Из-за всего, что Сопляк успел передумать, он был на эльфов зол, и оттого не послушался запрета. Стражу вокруг башни усилили, а про его арест все знали и пускать не хотели. В конце концов он притащил все свое добро и обменялся с Длинным Петаром, как и прежде.

* * *

Человек вернулся, и был он не таким, как раньше. Над ним будто тоже повисла темная тень, как та, с которой сами они уже смирились.

Слишком много было снов, чтоб еще цепляться за надежду.

* * *

Они не спросили его, где он пропадал. Да было ли им дело? Эльфы подвинулись, как прежде, освобождая ему место рядом с собой. Глаза их, как обычно, ничего не выражали,

но Сопляку чудилось теперь, что они ухмыляются. И стоило ему склониться над бисером, кто-то засмеялся.

Сопляк внезапно почувствовал себя таким, каким наверняка видели его они – уродливый, с умоляющими глазами, существо, не способное размышлять здраво.

Дойная корова...

Что ж, подумал он, чувствуя, как злость накатывает волной, покажу я вам корову...

Посмотрим, что вы надоите...

Сопляк представил себе море и нетерпеливо стал выгребать темный бисер из кучи. Море – такое, каким он его ненавидел. Злое, бурое, черное – то, что давно унесло его отца и заглохило, не заметив. Он представил море, бушующее совсем рядом, бьющееся о стены башни, – вот-вот проломит.

Такое же злое.

Такое же сильное.

Вот оно, подумал Энвель.

Волна становилась сильнее, и Сопляк, в чьих пальцах вот только были несколько стекляшек, уже чувствовал, что не удержит ее. И не хотелось удерживать; он был сейчас все-сильным. Был магом. Он отпустит море, и оно поглотит всех, кто смеялся над ним, всех, кто дразнил его холмами, кто принимал за дурака.

Это кто еще здесь дурак!

Его швыряло из стороны в сторону, ослепляло брызгами, глушило ветром – но даже сейчас, в утлой лодчонке, он был этому морю хозяином.

Это мой узор.

Только мой.

Пропали мысли; пропала даже злость, осталось только пронзительное наслаждение собственной силой. Он вскинул руки, отпуская волну, и она хлынула в башню.

Фингар первым воззвал к Луне, увидев, как браслеты лопаются на его запястьях. Радостно потряс руками, прикрыл глаза, услышав, как бежит по венам освобожденная жизнь.

Энвель вскочил, когда и с него спали браслеты. Волосы его тут же разметало ниоткуда взявшимся ветром. Значит, он был прав, только человек может освободить от людской магии... а бисер – материя глупая.

Впитывает все, что дают.

И, видно, он впитал за долгое время всю тоску, все желание вырваться на волю – потому что теперь доски сами срывались с окон, замки плавились на дверях, и стражников швыряло о стены будто ураганом.

– Свобода, братья! – закричал вдруг кто-то из младших. – Свобода!

По башне пошел странный гул – будто по огромному тонущему кораблю.

– Уходите, – сказал Энвель младшим. – Уходите сейчас.

– Постой, Старшая ветвь... – это Ривардан.

– Уходите. Это приказ старшего. Ривардан, быстрее!

Солдаты, караулившие снаружи, ринулись в дом – но и их отбросило ветром, а с тем, кого не отбросило, теперь легко справлялись сами эльфы. Они уйдут и станут сражаться. По-другому, так, как не умели их старшие. Станут травой в поле, веткой на дереве, камнем в стене. Всех – не уничтожишь.

Тур Финшог сотрясалась. Энвель надеялся, что она выстоит. С него уже хватило разрушений. Он чувствовал брызги на лице, тяжкий морской ветер обрывал дыхание. Еще немного, и волна потопит их вместе с человеком.

Вдруг все кончилось.

Ураган смел узор со стола, свалил человека со стула – и прекратился. За открытыми теперь окнами было тихо. Или младшие поубивали всю стражу, или же те испугались колдовства и сбежали...

Энвель опустился на колени рядом с человеком, приподнял его голову. Губы чужого были в крови.

– Что это было? – спросил он через какое-то время, придя в себя. Энвель его понял.

– Это был бисер, человек, – сказал он.

Тот сел, потирая голову.

– Все ушли? – спросил он. На сей раз по-эльфийски. Энвель кивнул:

– Тебе тоже надо уходить. Я представляю, что твой народ может сделать с тобой, и мне бы этого не хотелось. Я помогу тебе уйти и запутаю следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.